

Архимандрит РАФАИЛ (Карелин)

ЦЕРКОВЬ И МИР НА ПОРОГЕ АПОКАЛИПСИСА

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999.

© Архимандрит Рафаил (Карелин), текст, 1999.

Содержание

От издательства

Часть I. ЧЕЛОВЕК - ЗАГАДОЧНОЕ СУЩЕСТВО...

О Церкви и расколе

Образ Христа

Об отрицании Церкви

Об обрядах Церкви

О крещении

О почитании святых

О поклонении мощам святых

О священстве

О монашестве

Пост и телефильмы

Воскресный день

О церковном календаре

О расколе

Символ и христианская символика

Что такое модернизм?

Часть II. С БЕРЕГОВ ДАЛЕКОГО ГАНГА...

Об индуизме

Сон Браммы

О дзен-буддизме

Иконография в восточных религиях

Кришнаизм

Когда Христа спросили...

О бхакти-йоге

О Вивекананде

О метампсихозе

О языческой мистике

Теософия и оккультизм

Часть III. ЭСКИМОСЫ СЧИТАЮТ...

Синдром атеизма

Маска атеизма

За что Господь нас терпит?

Демоны в современном мире

О науке, искусстве и спорте

Убийство беззащитных

От издательства

Что такое православный христианин, по каким признакам узнать его в этом одержимом страстями мире? Где сегодня грань между ним и язычником, знающим лишь один закон - закон удовлетворения своих многообразных потребностей; где проходит разделительная черта между верующим во Христа и невероматеистом, равнодушным ко всему, что недоступно для его чувственного восприятия?

"У христиан, - говорит преподобный Макарий Великий, - свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное - христиане, иное - миролюбцы; между теми и другими расстояние велико" [1]. И "расстояние" это, "инаковость", о которой говорит преподобный - в образе мыслей и чувств. А область проявления их - отношение к тому, что окружает нас в этой временной жизни, выражающееся в конкретных, видимых поступках и делах. Вся жизнь "миролюбца" обусловлена рядом правил, сущность которых - помочь ему достигнуть тех или иных целей, которые он ставит перед собой, нередко - любой ценой. Жизнь же христианина обуславливается его верой в Бога, в будущее воздаяние, и единственный закон для него - закон заповедей Христовых, которые сами есть *жизнь вечная* (Ин. 12, 50). И вот он, образ жизни христианина, - евангельский, такой, к какому призывает человечество Сам Христос.

На протяжении своего двухтысячелетнего существования христианская Церковь переживала различные времена, различным было и ее положение в мире. Первые века истории Церкви на земле характерны прежде всего тем, что между ставшими "новой тварью", совлекшимися "ветхого человека" и языческим миром, который, "тлея в обольстительных похотях", не желал знать гонимых и мучимых "галилеян", пролегла жесткая граница. В ту пору каждый христианин мог в любое мгновение закончить свою жизнь мученичеством и оттого постоянно готовился к тому, чтобы предстать перед Богом, стремился быть *в святой жизни и благочестии* (2 Пет. 3,11); да и сам дух жизни первых христиан показывал, что они отнюдь не имеют *здесь постоянного града*, но взыскуют лишь *будущего* (Евр. 13, 14). Тот языческий мир, посреди которого они жили и похотям которого сами некогда предавались, был им противен, не могло быть согласия между ними и царившим в этом мире безбожием и неистовым развратом. Оттого и удивлялись те, с кем они еще вчера совместно "увеселялись" его "радостями". Оттого, пораженные святостью и чистотой их нового бытия, их стойкостью и мужеством перед лицом гонений и пыток, эти люди сами все чаще превращались из лютых волков в овец стада Христова.

Но вот наступил совершенно иной период в жизни Церкви: христианство, еще недавно гонимое, превратилось в государственную религию могущественнейшей империи. Мир же, хотя и изменился, но всецело не переродился. И любовь к нему, которая, по слову Писания, *есть вражда против Бога* (Иак. 4, 4), так и осталась в сердцах большинства живущих в нем людей. А отторгаемые им прежде и сами не приемлющие его "язычества" христиане сделались вместе с тем его частью. Так в сердце самого мира началась борьба - между духом Христа и духом антихристовым; христианство стремилось преобразить мир, освятить, привести его ко Христу, а мир - оземлить, "секуляризовать" христианство, превратить его из Божественного установления в некий общественно-государственный институт, имеющий свои моральные нормы, которые, впрочем, не обязательно соблюдать. И сколь тяжка эта борьба, можно заключить из того, что не раз на протяжении веков слышался в Церкви Христовой вопрос: не легче ли было тогда, когда горели костры и блистали мечи римских воинов, когда хищники устремлялись на арену и зрители замирали на трибунах, предвкушая кровавую расправу над последователями распятого Христа?

А наше время, наверное, еще сложнее; еще хитросплетенней, еще запутанней сама борьба - особенно в теперешней России, на всех землях, связанных с ней единым прошлым, общей историей. Позади у нас - гонения, по жестокости своей не уступающие гонениям эпохи Декия и Диоклетиана. Затем - десятилетия "антирелигиозной пропаганды", когда

государство со всем своим аппаратом вело целенаправленную, "научно" организованную борьбу с религией. И само настоящее - теперь, когда появилась возможность трезво его оценивать, - представляется уже отнюдь не идиллическим, исполненным надежд на "расцвет" духовности и долгожданное "всемирное покаяние".

Что видели мы на протяжении ряда последних лет? - Открывались храмы, восстанавливались древние обитатели, Церкви возвращалось - с трудом и малыми дозами - отобранное у нее имущество. А параллельно, не встречая препятствий и затруднений, стремительно и неудержимо в нашу жизнь входило то, что именуется в Писании *тайной беззакония в действии* (2 Фес. 2, 7): невиданных масштабов хищения, бесконечные политические интриги, цинизм и жестокость, беспощадная борьба за место под солнцем как между "сильными", так и между "слабыми" мира сего, военные конфликты и массовая гибель людей, встречаемая (уже!) равнодушием общества, ужасающая безнравственность и разврат, - вот та реальность, которая окружает нас сегодня. И это же - тот фон, на котором возрождается Церковь...

По милости Божией многие сегодня (хотя поток их в последнее время поредел) обращаются ко Христу, покаяние и исправление жизни становится для людей насущнейшей потребностью. Но трудно, очень трудно в наше время человеку, только-только решившему жить новой - христианской - жизнью. Он приходит из среды, в которой царило воинствующее неверие или "волевое забвение" о Боге, вступает в Церковь из мира полуязыческого - и остается в самой его гуще. И как ему понять, как сердцем почувствовать, что теперь для него уже "другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей" [2], когда он еще всецело находится в плену мира прежнего, под властью его обычаев, привычек, страстей? Все кажется таким "привычным" - и то, о чем *стыдно и говорить* (Еф. 5, 12), и то, о чем говорить просто страшно. Человек пришел в Церковь, сердце его влечется к Создателю своему Богу, но оно еще не пробудилось от сна, оно еще теплохладно, и ему невдомек еще, что вся жизнь христианина - борьба, что путь его - по тоненькой ниточке, протянутой над пропастью, где искушения слева и справа и опасность отовсюду. А ведь без этого понимания нет и спасения, нет истинной жизни во Христе. Поэтому необходимо познать, уразуметь - в чем он, "дух века сего", и вместе с тем определить свое место в этом мире, понять, действительно ли ты со Христом, или лишь уста твои исповедуют Его, а сердце отстоит далеко, отдано во власть мертвых интересов и дел (Мф. 15, 8).

Но наше "усыпление" сильно и глубоко, и оттого нам постоянно нужно, чтобы кто-то "пробуждал" нас, указывал на окружающие опасности, предупреждал, рассказывал о них, учил их избегать. И вместе с тем - напоминал о светлой и немеркнущей истине Христа, о неизреченной радости жизни с Ним; о том, что мы, люди, созданы Богом только лишь для Него и лишь в Нем обретаем полноту бытия и счастья, и оттого не к лицу нам безнадежно утопать в радостях и печалях земных.

Эта книга архимандрита Рафаила (Карелина) и есть такое отрезвляющее напоминание, порой горькое. Быть может, кому-то то, о чем он прочитает в ней, покажется страшным, но это - фон нашей жизни, окружающая нас реальность, в которой мы существуем - и вместе с тем не видим ее. И не для того говорит о ней автор, чтобы ужаснуть своего читателя, привести его в трепет; он лишь дает возможность рассмотреть, узнать, какова она есть, и правильно оценить ее. Страх, отчаяние - чувства, недопустимые, неуместные в жизни христианина. Да, действительно, наше время - пора, когда сбываются горчайшие пророчества Спасителя: меркнет вера (Лк. 18, 8), охладевает любовь (Мф. 24, 12). Но по-прежнему свет Христов *просвещает всякого человека, грядущего в мир*, по-прежнему Церковь Христова стоит на земле, неодолима для адовых врат до последнего дня этого мира, и в ней - Сам Господь, милующий и спасающий, любящий праведных и исправляющий грешных. И оттого вместе с грозным словом обличения звучит в этой книге о Рафаила и кроткий зов к вечной жизни, к отверстому для нас Небесному Царству, - зов, который слышит и на который откликается человеческое сердце.

Примечания:

[1] *Преподобный Макарий Египетский*. Духовные беседы. М. 1998. С. 40.

[2] *Преподобный Макарий Египетский*. Духовные беседы. С. 57.

Часть I

Человек - загадочное существо...

Человек - загадочное существо. Это сочетание противоположностей. Он одновременно велик и ничтожен; он обладает внутренней свободой и в этом смысле является тенью Божества на земле - и в то же время опутан, как тонкой паутиной, своими страстями, привычками, ставшими его природой, властными требованиями мира гордого и безбожного, демонической силой греха, которые обезволивают его, делают медиумом темных сил и влечений. Человек беспомощно бьется в этой паутине.

Земля в океане космоса - пылинка. По поверхности этой пылинки ползают странные существа. Они пребывают в непрестанном беспокойстве, волнении и в борьбе друг с другом. И в то же время эти однодневные существа, затерянные в углу вселенной, чувствуют, что на них лежит великая миссия, что они - владыки этого огромного мира. На земле жизнь представлена в различных формах, и все животные довольны своим существованием, только один человек не удовлетворен ничем. Он вечно тоскует о чем-то, о какой-то потере. Он чувствует ложность своей жизни, хоть и не знает другой; так может тосковать только царь, потерявший свое царство. Рожденный в темнице не знает свободы, потому и не может тосковать о ней.

Жизнь на земле имеет свои жестокие законы, человек обусловлен ими. В этом отношении он - предмет этого мира, он находится под влиянием среды и под воздействием внешних сил. И в то же время он чувствует себя внутренне свободным; он чувствует ответственность за свои поступки перед лицом высшей Правды. И здесь парадокс: если человек свободен как высшее надмирное существо, то почему он отдан во власть физических и иных законов? Почему он живет в разрушительном потоке времени и над ним висит дамоклов меч смерти? А если он - существо, подобное другим существам, то откуда у него нравственное чувство и совесть? Откуда чувство своего бывшего величия и какой-то трагической потери?

Человек живет одновременно в двух мирах: во внешнем и внутреннем. Его тело подобно телу других животных, только, может быть, более слабое и хрупкое, чем у зверей, но человек имеет то, что отличает его от всех существ, что делает его жизнь не только космической, но и надкосмической. Его духовная сущность не измеряется в величинах времени и пространства. По своей материальной структуре человек - явление космоса. Он обусловлен тысячами причинно-следственных связей: искра, вылетевшая из недр земли и погасшая во мраке космической ночи. Но дух его имеет иные измерения, он надмирен и поэтому больше самого космоса. Обычно человека называют микромиром, это понятие перешло от древних философов. Но на самом деле душа человека - это макромир, который больше, чем все вселенные, взятые вместе.

Существует феномен, называемый болью. Болит живой организм, мертвое тело не чувствует боли. И в то же время боль - это спасительный сигнал о том, что организму грозит опасность. Разочарование человека в этом мире, душевная боль говорят о том, что человек нравственен и в то же время - что жизнь его, направленная только на внешнее, ложна. Опыт всей истории доказано, что человек может найти счастье только в Боге, только в Боге начинается его истинная жизнь. Здесь, на земле, счастья нет, здесь - жизнь червя, питающегося прахом.

Блаженный Августин писал, что только "бездна Божества может наполнить бездну человеческого сердца". Эта бездна человеческого сердца больше всех космических пространств, глубже черных ям вселенной, больше всех космических творений, взятых вместе, больше самого принципа бытия и небытия. Бездна человеческого сердца - это богоподобие, поэтому эфемерный червь, ползающий по земле - песчинке космоса, в своем

духовном аспекте является владыкой всей вселенной и частицей мира, который лежит за ее пределами.

Человек одновременно чувствует себя свободным господином своего бытия и рабом, продающимся на невольничьем рынке этого мира. Он чувствует, что свобода - это высшая ценность, но редко понимает, что такое свобода. Нельзя быть свободным во внешнем мире, где царствуют время и смерть, - это иллюзия. К такой свободе стремилась и стремится большая часть человечества, но получает только лишь разочарование и горечь от еще больших потерь. То, что считают свободой - внешняя свобода - превращается в страсти и соперничество, то есть в новый вид рабства, только вывернутого наизнанку. Подлинная свобода - это независимость от внешнего. Высшим проявлением свободы является молитва как обращение к Божеству.

Абсолютная жизнь Божества - это высшая, истинная и единственная свобода, и только через включение в нее жизнь человека может стать свободной, остальное - иллюзия и мираж.

Царь и пророк Давид говорил: *Только в Боге успокаивается душа моя* (Пс. 61, 2). Он владел царством, был любим народом, одерживал блистательные победы над врагами, но только в Боге находил покой сердца и простор внутренней свободы. Зло не просто насильничает над человеком, оно обманывает человека, надевая маску "добра". Один из обманов сатаны - отвлечь человека от Бога путем ложного добра; закрыть его внутренний мир, оставить его жить во внешнем. В церкви часто повторяются слова: *раб Божий*. Эти слова вызывают досаду у многих современных людей, они даже шокируют их. Между тем в них заключается огромный потенциал свободы. Раб принадлежит только одному господину, который купил его у работорговца. Быть рабом Божиим - значит перестать быть рабом людей, перестать чувствовать зависимость от людей, сбросить с себя эти невидимые цепи; добро от человека принимать как добро от Бога, совершенное посредством человека, и быть благодарным Богу, а зло от человека принимать как наказание от Бога, осуществленное через человека для нашего спасения, поэтому также благодарить Бога. Во всем видеть благую волю Божию, совершающуюся на нас, а на людей смотреть как на орудия и средства для воплощения воли Божией и осуществления Божественного промысла о нас. Поэтому одинаково не следует ни привязываться к людям до состояния раба, ни иметь вражды к ним. Слова *раб Божий* означают, что мы должны никого не иметь рабами и ничего не требовать от человека, даже самого близкого к нам. Правило не быть ни господином, ни рабом открывает человеку путь к его собственной душе, вырывает его из круговорота мира. Принимая от людей все, как от Бога, мы сами должны для человека делать так, как для Христа Спасителя, невидимо пребывающего в нем, и поэтому не ждать ни от кого благодарности. Если мы ожидаем от человека благодарности, то ставим его в зависимость от себя, и наше добро обращается в порабощение. Если бы мы всегда помнили, что все, что мы делаем для человека, принимает Бог, то все наши действия приняли бы мистический смысл, метафизическую глубину.

Первое условие на пути к духовной свободе - в минуту опасности предавать себя и своих близких Богу. Второе - иметь правильную шкалу ценностей: не путать второстепенное с первостепенным. Мы часто растрачиваем время, свое и чужое, на малонужные или пустые дела. Но даже доброе дело становится грехом, если ради него забывается и не исполнено главное - как если бы часовой оставил пост и пошел обрабатывать поле. Главное в жизни человека - это стяжание благодати Духа Святаго. Этот свет будет озарять не только нашу жизнь и нашу душу, но станет источником жизни для других. Поэтому в Библии написано: *Воля Божия есть освящение ваше* (1 Фес. 4, 3). Самым большим благодетелем для человека является тот, кто открыл ему этот свет, кто пробудил его дух. По сравнению с этим мирские добродетели стоят ступенями ниже. Мы часто заменяем благодать суррогатом, подделкой: ласковостью, нежностью, излишним вниманием; шутим и развлекаем человека, думая показать этим свою любовь к нему. Но если бы мы пребывали в молитве, то благодать, даже без наших слов, утешила бы нашего ближнего. Поэтому аскетизм в древности воспринимался не как индивидуальное спасение человека, а как высшая форма добра для всего человечества, и монашество - стяжание Духа Святаго - понималось не как эгоцентризм

или безразличное отношение к миру, а как жертва за людей. Поэтому высшей формой добра, высшим подвигом, притом самым трудным и напряженным, является вхождение с молитвой в свой внутренний мир, пробуждение сердца и обращение духа к Богу через слова молитвы. Молитва - это реанимация человеческого сердца, переход из царства смерти в царство жизни. Молитва сопряжена с трудами и болью, особенно вначале. Но ведь когда больной пробуждается от забытья или обморока, то он чувствует боль. Вне боли нет возвращения к жизни. Жить - это значит пробудить сердце, заставить его чувствовать, мыслить и говорить. У святых Отцов слово "сердце" часто служит синонимом души. Человек настолько живет, насколько включено в жизнь его сердце.

О церкви и расколе

Вопрос. Что такое Церковь?

Ответ. Наиболее глубокое, существенное и, мы сказали бы, всеобъемлющее определение дал апостол Павел в Послании к Ефессянам: *Церковь - это Тело Христа Спасителя, Главы, наполняющего все во всем* (Еф. 1, 22).

Вопрос. Что значит это определение? О каких свойствах Церкви оно говорит?

Ответ. Церковь - живой организм. Это благодать Божия, объемлющая собой все разумные творения, пребывающие в благодати через послушание, покорность и преданность ей. Церковь вечна и божественна, как действие вечных Божественных энергий, как свет, льющийся из глубин Триипостасного Божества. И вместе с тем Церковь сотворена, так как она объемлет собой творения Божии, созданные во времени. Цель Церкви - осуществить единство между Творцом и Его творением, возвести мир из его ограниченного и условного бытия в свободу и полноту Божественной жизни, в приобщение Божественных совершенств.

Церковь - Тело Христа, следовательно, она едина как в земном, так и в космическом измерениях. В Псалтири космос сравнивается с ризой - одеждой Божества, а в Новом Завете Церковь названа мистическим Телом Христа Спасителя. Святые Отцы говорят, что Господь создал Вселенную ради Церкви.

Итак, первое свойство - это единственность Церкви.

Второе - Церковь всемирна и универсальна. Земная Церковь органически соединена с Небесной Церковью. Через Церковь преодолевается двойственность (диада) духа и материи, и космос одухотворяется в своем будущем преображении. Церковь - Тело Главы, Того, Кто объемлет Собой все. Следовательно, путь в Небесную Церковь лежит только через земную, а точнее - это два аспекта одной Церкви. Церковь - живой организм, а живой организм невозможно создать искусственно. Невозможно создать искусственным лабораторным путем живую клетку из химических элементов клетки, и так же невозможно искусственным путем на основе догматов, канонов, обрядов и совокупности того, что мы знаем о Церкви, создать новую Церковь. Все это будут мертвые теоретические построения, манекены и куклы, лишённые жизни. Христианская Церковь - это не создание человеческого интеллекта или даже религиозного гения, а вечная жизнь, данная Духом Святым в день Пятидесятницы.

У нетленного Главы Нетленное Тело, поэтому Церковь не подлежит смерти или рождению. Она одна и та же, и в Божественной благодати тождественна себе самой!

Апостол Павел в Послании к Евреям сравнивает Церковь с Небесным Иерусалимом, где обитают вместе ангелы и души праведников.

Вопрос. Какие еще определения Церкви содержатся в Новом Завете?

Ответ. Апостол Павел в Послании к Ефессянам говорит о том, что Церковь - "Невеста Христова". Образ Церкви-Невесты является главным содержанием ветхозаветной книги "Песнь песней", которую древние экзегеты сравнивали со святой святых ветхозаветного храма.

Вопрос. Что означает этот символ?

Ответ. Вечную, всецелую, неизменную, непоколебимую любовь Божества к Церкви Его.

Невеста - единственная любовь своего небесного Жениха. Она сонаследница Его величия и славы. По словам священномученика Киприана, только Церкви обещано царство вечного света, вечного богообщения. В "Песни песней" написано: *Ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе* (Песн. 4, 7). Прекрасна благодать Божия, обитающая в Церкви; души, в которых вселяется благодать, становятся прекрасными и ангелоподобными. Невеста единственна. Те "другие", которые захотят похитить ее имя, - только жалкие блудницы; она - возлюбленная. Человек может изменить своей любви, а любовь Бога крепче ада и смерти - она неизменна. В Церкви нет пятна или порока, поскольку Церковь - прежде всего невидимая сила, преображающая мир. Солнечный свет, озаряя землю, остается чистым, хотя бы его лучи падали в болота и выгребные ямы.

В "Песни песней" есть таинственные слова: *Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою* (Песн. 8, 6). Печать - знак неизгладимой любви. Церковь всегда в памяти Божией, в свете Его истины. Когда мы говорим: *он близок сердцу*, то подразумеваем самое близкое духовное единение, одна душа как бы отображается в другой. Царская печать не может быть стерта, не может быть разрушена, искажена и подменена. Церковь едина. Другая церковь - это уже поддельная печать, это преступление против "Невесты Христовой", это ложь против обетования Божественной любви.

Перстень - знак вечности. Перстень - знак, которым обмениваются при обручении жених с невестой, залог любви, у которой нет конца, в которой не может быть перемены. Перстень при обручении - это клятва, что не будет второй невесты, что любовь неразделима, что измена подобна муке ада.

Десница Божия - это действие благодати в мире. Перстень на деснице Божией - знак того, что все деяния Божии, от самого мироздания до бесконечного преображения мира, совершаются для Церкви, так как в Церкви скрыта цель всего мироздания. По словам апостола Павла, Церковь - *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). *Столп* означает непоколебимость Церкви, ее вечное пребывание в истине. *Истина* - не только учение Церкви, истина - сама ее жизнь; истина - это благодать, которая действует в ней со дня Пятидесятницы. Истина - это непрестанно совершающаяся Пятидесятница в богослужениях и таинствах Церкви. Поэтому Церковь не может быть построена искусственно. Поэтому все ереси и расколы (пусть не для самих раскольников), называются не церковью Божией, а человеческими именами. Об этом писал уже священномученик Иринеи Лионский во II веке.

Церковь - утверждение истины. Истина утверждается через действие Духа Святого на человеческое сердце. Дух Святой дает человеку непосредственное свидетельство, внутреннюю достоверность, что учение Евангелия - истина. Но в то же время Церковь является хранительницей вероучения, поэтому верить в Церковь - это принимать то, что она принимает, и отвергать то, что она отвергает. На главный столп опирается вся тяжесть здания, а на Церковь Божию - тяжесть всей вселенной.

В древности цари после военных походов воздвигали из каменных плит или цельного гранита столпы, на которых писали об одержанных победах над врагами в память своим потомкам. А на Церкви - вечные письмена о том, как Христос победил сатану и ад и как христианин может стать победителем в духовной битве.

Апостол Павел и апостол Иоанн Богослов называют Церковь и Царство Божие Небесным Иерусалимом, где обитают вместе ангелы и души святых. Иерусалим означает "мир Божий", мир как духовное единство в любви и благодати. Мир - это Бог, обитающий в своих творениях.

Вопрос. Что такое раскол?

Ответ. Само слово "раскол" означает разделение, расчленение, дробление, отторжение части от целого. Раскол - это грех против любви, на которой основано единство. Где нет любви, там не может быть благодати.

Раскол имеет три плана: еkkлезиологический, психологический и оккультный. Еkkлезиологический план - неверие в обетование, которое Спаситель дал Церкви, дерзкое разрушение всех церковных канонов, попытка создать новую "церковь" без святой

Пятидесятницы. Психологический план - гордыня, властолюбие и непослушание. Оккультный план - противостояние благодати Божией, действующей в Церкви.

Вопрос. Мы хотели бы рассмотреть раскол с точки зрения эkkлезиологической. Раскольники утверждают, что как раз они являются единственно истинной церковью, и все перечисленные выше свойства Церкви относятся к их общине. В чем основная ошибка раскольников? [1]

Ответ. Раскольники игнорируют соборный принцип и иерархическую структуру Церкви. Они считают, что при наличии единомысленного с ними архиерея можно искусственно создать новую Церковь. Но от большего происходит меньшее, а высший благословляет низшего; епископ получает благодать своего сана от Церкви, следовательно, он не равен Церкви, а меньше ее, поэтому он со своими сторонниками не может создать, как бы сочинить новую Церковь. В противном случае епископ был бы больше Церкви.

Вопрос. Как понять зависимость епископа от Церкви?

Ответ. Епископа избирает собор епископов поместной Церкви, который уполномочивает совершить хиротонию нескольких архиереев как своих представителей. Епископа судит собор епископов, который может лишить его кафедры, запретить к служению, извергнуть из сана. Кроме того, епископ подчинен старшему в области епископу (митрополиту или патриарху). Вопросы, касающиеся церковной жизни, решает Синод, а в некоторых случаях Собор. Человек, находящийся на иерархической лестнице, может передать другим меньшее, чем имеет сам. Поэтому епископ, будучи меньшим, чем Церковь, не может создать Церкви. Порывая общение с Церковью, он лишается того, что дала ему Церковь. Поэтому раскольничий епископ не может совершать ничего священного.

Вопрос. Верно ли раскольники говорят, что Церковь - это чистота вероучения, которую, по их мнению, сохраняет их община?

Ответ. Чистота вероучения - необходимое свойство Церкви, но еще не Церковь. Иначе новозаветная Церковь строилась бы постепенно в течение трех с половиной лет Евангельской проповеди Христа Спасителя и была бы завершена Его последней прощальной беседой. Но Церковь была создана в день Пятидесятницы, во время схождения Духа Святаго на Апостолов. Господь перед Своими страданиями обещал Своим ученикам ниспослать им Духа Святаго, Который будет наставлять их на всякую истину.

Христианское вероучение - не абстрактная доктрина, а действие Духа Святаго - Духа Истины Церкви, где вероучение неразрывно с литургией и иерархической преемственностью. Церковь хранит чистоту веры в единстве любви, в единстве между поместными Церквами, в единстве небесной и земной Церквей, в единстве народа и иерархии. Это единство является неременным условием для действия в Церкви Духа Святаго, Который есть Хранитель Истины, Учитель Истины и Сам - абсолютная, совершенная и живая Истина. Отпадение от Церкви раскольников во имя догматического правдоподобия, основанного на личных мнениях, влечет за собой потерю Духа Истины. Поэтому всякий раскол - это область духовного мрака, пустоты и лжи, где не может существовать и сохраняться ни единство любви, ни вероисповедальная чистота.

Вопрос. В чем выражается единство Церкви в ее земном плане? Где конкретный, видимый принцип этого единства?

Ответ. В соборности как выражении сознания всей вселенской Церкви, которая, по словам апостола Павла, имеет "ум Христов". Каждый раскол - это борьба против Церкви и прежде всего противопоставление своего группового, в сущности, замкнуто-сектантского мышления соборному разуму. Трагический пример противопоставления себя вселенской Церкви представляет история Римской кафедры. Многие считают, что причиной ее падения была латинская ересь "филиокве" и другие несовместимые с Православием отклонения, но они являлись скорее следствием, чем причиной. Причина - желание поставить себя над вселенской Церковью, игнорирование соборного мышления как принципа сохранения истины. Именно поэтому частные ошибки и отклонения, которые были бы исправлены в соборном единстве, вошли в практику и сознание Рима, а затем были догматизированы. Всякий раскол - это претензия части представлять собой все целое.

Церковь - это живое тело, поэтому часть, отторгнутая и вырванная из организма, становится мертвым, гниющим куском.

Вопрос. Раскольники говорят, что у них есть свой епископат, свой синод, следовательно, есть и своя соборность?

Ответ. В начале каждого раскола мы видим непослушание и восстание против Церкви. Из самоволия не может возникнуть соборности, а от запрещенного епископа - иерархии. Один из Отцов писал, что диавол - это обезьяна Бога. Мы можем сказать, что раскол - это обезьяна Церкви.

Вопрос. Раскольники ссылаются на пример преподобного Максима Исповедника: когда его убеждали вступить в евхаристическое общение с еретиками и говорили, что все патриархи приняли монофилитство, тот ответил, что если весь мир примет ересь, то он все равно останется с истиной. Верно ли раскольники на основании этого делают заключение, что одному человеку во всем мире можно хранить истину?

Ответ. Преподобный Максим сказал - "если весь мир", но само слово *если* свидетельствует о том, что он вовсе не допускал этого, оно означает, что фраза условна. Здесь риторический прием, когда гипербола подчеркивает и усиливает мысль о том, что истина выше всего, в том числе евхаристического общения с царем и патриархами, принявшими ересь. Здесь еретики пытались обмануть преподобного Максима, говоря, что вся вселенская Церковь приняла монофилитство, и он ясно видел эту ложь. Ересь приняли только Константинопольский и Антиохийский патриархи, а Иерусалимский патриарх и Римский папа сразу же отвергли ее. Александрийский патриарх принял ересь временно, по ошибке, а затем, убежденный Максимом Исповедником, вернулся к Православию. В Константинопольской и Антиохийской Церквях большинство епископов, священников и мирян оставалось православными. Поэтому на VI Вселенском Соборе ересь монофилитства была отвергнута и осуждена. Преподобный Максим Исповедник отказался от совместного причастия с лицами, которые явно и всенародно приняли ересь, а в его лице пытались найти себе поддержку.

Преподобный Максим Исповедник, посвятивший свою жизнь борьбе с ересью, никогда не отождествлял вселенскую Церковь с еретиками и не пытался создать свою собственную Церковь.

Вопрос. Раскольники ссылаются на правила Константинопольского Собора (называемого Софийским по имени кафедрального собора) о том, что с епископом, учащим народ ереси, следует прервать молитвенную связь и не поминать его имени на литургии.

Ответ. В правилах Собора нет никакого основания для раскола как выхода из Церкви и образования новой иерархии, напротив, обвинители епископа должны обращаться с жалобой к местному собору и ожидать его решения. Если суд малого собора не удовлетворил какую-нибудь из сторон, то она может принести жалобу или апелляцию к большему - окружному собору, но до этого подчиниться решению первого суда епископов. Неподчинение соборному суду навсегда лишает права обращаться к высшей инстанции, так как само неповиновение становится обвинительным приговором. Что касается разрыва молитвенного общения с иерархом-еретиком, то здесь предполагается учение ереси в проповедях, которые являются органической частью богослужения, учение о ереси как о церковном догмате, упорство в еретическом мнении, несмотря на увещания со стороны епископов-собратьев. Разрыв молитвенного общения с архиереем - это временная мера до решения собора, который должен или оправдать архиерея, или отлучить его от Церкви, или принять от него покаяние. В то же время правило Софийского Собора запрещает выходить из повиновения епископа по причине личных подозрений. Все церковные каноны основаны на вере в то, что Дух Святой - Дух Истины - всегда будет пребывать в Церкви, и поэтому вселенская Церковь не может впасть в ересь и лишиться спасительной благодати. Ни одно правило святых Апостолов, Вселенских и поместных соборов не содержит даже намека на то, чтобы чистоту догматов можно было бы сохранить через ломку церковной структуры.

Вопрос. Раскольники говорят, что у них свой епископат и своя Церковь. Что Авксентий [2], имя которого они носят, был епископом православной Церкви, а когда Церковь впала в ересь, то он и его последователи сами стали Церковью.

Ответ. Мы уже сказали, что епископ получает свою благодать от Церкви через хиротонию - как меньший от большего, поэтому своей благодатью он не может создать Церковь, то, что больше него. Епископ, запрещенный Церковью и при этом совершающий служение, уже святотатствует, ворует и похищает священное у Самого Бога.

Вопрос. Раскольники называют себя "православной североамериканской греческой Церковью". Что это значит?

Ответ. Церковь не абстракция, а реальность. Каждая церковь имеет свой статус. О какой Церкви говорят раскольники? Если она автономная, то кто ей дал автономию? Если автокефальная, то какие поместные Церкви признали ее? Если она вселенская, то как может она именоваться по имени народа и региона? Значит, это Церковь с неизвестным Православию, несуществующим и ложным статусом. Но так как раскольники считают ее единственно православной во всем мире, то в их глазах она должна быть "вселенской" Церковью, а название *североамериканская греческая* - временное прикрытие, нужное для того, чтобы скрыть и замаскировать свою претенциозность и явную нелепость. Если они - вселенская Церковь, то их архиерей должен обладать властью главы вселенской Церкви, то есть быть "папой Православия", так как соборность здесь невозможна. Соборность - то качество Церкви, которое присуще ей всегда, а не создается по мере умножения архиереев. Если же они будут утверждать, что внутри их раскола существует принцип соборности, то значит, каждое их собрание будет представлять всю полноту вселенской Церкви и равняться Вселенскому Собору, который может принимать и утверждать догматы, образовывать поместные Церкви и так далее. Если они - вселенская Церковь, то, значит, они могут дать своему представителю в Грузии звание католикоса-патриарха или экзарха. А так как в настоящее время существует около 10 раскольничьих группировок, из которых каждая считает себя истинно православной Церковью, то в Грузии могут появиться сразу же несколько экзархов и несколько патриархов, и мы можем быть свидетелями той картины, которая раньше могла происходить в доме умалишенных, где несколько человек в одной палате утверждают, что каждый из них Юлий Цезарь или Александр Македонский. А так как каждый раскол имеет тенденцию к распаду и дроблению, причем каждая часть также считает себя единственно православной, то число архиепископов, экзархов и патриархов может увеличиваться в геометрической прогрессии. В этот бедлам хотят загнать верующих людей, потерявших чувство ответственности перед Церковью.

Вопрос. Раскольники представляют обвинения, которые нам кажутся серьезными.

Ответ. Ошибки, грехи и несовершенства присущи всем людям, какое бы положение они ни занимали. Как раз поэтому православная Церковь считает притязания Римского первосвященника на безгрешность в вопросах веры и благочестия абсурдными. Но Церковь и иерархия - это настолько великие дары Божии, что не могут быть поставлены в зависимость от человеческих немощей и несовершенств лиц, получивших апостольскую власть, поэтому служение этих лиц спасительно для народа. В Евангелии от Иоанна пастырем назван тот, кто входит дверьми в овчий двор, а вором и разбойником - тот, кто хочет проникнуть туда другим путем. По толкованию экзегетов, овчий двор - Церковь, ворота - законная хиротония, воры и разбойники - еретики и раскольники, которые, разрушая ограду, то есть церковную структуру, воруют и похищают души людей. Увести человека из Церкви - это значит духовно убить его. С худшим из православных архиереев можно спастись путем терпения и послушания, только не слепого, а разумного, то есть послушания в русле Евангельских заповедей и церковных правил. А перейти к лучшему из раскольничьих архиереев - значит оказаться в благоустроенном морге, запертый вместе с трупами, хотя бы этот морг внешне имел форму храма.

Вопрос. Почему же глава раскольников не назвал себя патриархом, а только епископом, а затем архиепископом?

Ответ. Во-первых, как мы сказали, по тактическим соображениям раскольники назвали себя греческой Церковью, а глава греческой Церкви носил звание архиепископа, поэтому одно повлекло за собой другое. Самозванный архиепископ и самозванный патриарх мало чем отличаются друг от друга. Затем возникает вопрос: каким патриархом назвал бы себя Авксентий? Если он считает свою общину единственно вселенской Церковью, то титул этого патриарха должен бы быть "Патриарх патриархов". Даже титул "вселенский Патриарх" означал бы поместную Церковь, в данном случае Константинопольскую, что не отвечало бы претензиям раскольников на единственную истинную Церковь. Для их "самосвяства" просто не оказалось бы титула во всей истории Православия. Но от имени не меняется сущность дела. Раскольники вторгаются в поместные Церкви, хозяйничают в чужих епархиях, рукополагают священнослужителей, совершают вторичное миропомазание и так далее, то есть не считаются ни с какими церковными канонами. Даже католическая Церковь запретила именовать своих епископов по названиям ранее существующих православных епархий, поэтому действия раскольников по своему самовластию превзошли даже цезаристские тенденции Римских пап. Они похожи скорее на полномочия диктатора в военное время, который может по своему усмотрению отменять любые законы, вплоть до конституции. Звание архиепископа у главы раскольников столь же условно и маскировочно; на самом деле он ведет себя как монопатриарх. Но монопатриархи рождают не соборную Церковь, а новых архимонапатриархов, для которых церковные каноны - это их собственная неограниченная воля.

Вопрос. Если епископ ушел из Церкви в раскол, но над ним еще не произнесено отлучение, то насколько он сохраняет благодать, полученную в Церкви, и может ли он вообще называться епископом?

Ответ. Церковь произносит официальное отлучение для того, чтобы оповестить народ, что бывший епископ стал лжеучителем и ему нельзя воздавать чести, принадлежащей архиерею. Согласно определению II Вселенского Собора, "все, что он совершает, ничтожно". Святой Киприан Карфагенский пишет: "Церковь во епископе, а епископ в Церкви", - Церковь не может существовать без епископа, а епископ без Церкви. Покидая Церковь, епископ, священник и мирянин теряют все, что получили в Церкви - по словам святого Киприана Карфагенского, даже имя христианина.

Епископ, нарушивший архиерейскую присягу послушания Церкви, теряет апостольскую благодать, его нельзя уже назвать епископом, как погасший луч нельзя назвать светом. То же самое относится к священнику, который одновременно нарушает две клятвы священнической присяги: послушание законному архиерею и послушание Церкви.

Церковные правила запрещают брать благословение у еретиков и раскольников; оно называется "суесловием". Апостольские правила категорически запрещают молиться вместе с отлученными от Церкви не только в их собраниях, но даже на дому. ("Помолившийся с отлученными, сам отлучен да будет" - 10-е апостольское правило.)

Вопрос. Может ли грех архиерея, совершенный против Церкви, быть оправданием для раскола?

Ответ. Раскол хуже всякого греха против Церкви, так как он представляет собой отвержение самой Церкви. Господь сказал: *Исследуйте Писания* (Ин. 5, 39). В Библии мы можем найти ответ на наши сомнения и недоразумения. Первосвященник Аарон еще до его призвания во священство тяжело согрешил: поддавшись угрозам, он сделал идола в виде золотого тельца и учредил в честь его праздник. Этот грех был настолько тяжел, что Господь хотел уничтожить весь израильский народ, и только молитва пророка Моисея отвратила гнев Божий. Моисей просил Господа или помиловать согрешивших людей, или вычеркнуть его самого из числа живых. Здесь мы видим, что участие в грехе брата пророка не явилось для народа оправданием. Церковное послушание - это послушание воле Божией, а лживое послушание - это удовлетворение своих страстей ссылками на чужие преступления. Но Аарон после своего грехопадения стал первосвященником, "призванным от Бога" (Евр. 5, 4). Когда Корей, Дафан и Авирон восстали против законной церковной власти и потребовали предоставить им честь и право совершать жертвоприношение, то гнев Божий постиг их:

разверзшаяся земля, как ад, своей пастью поглотила их, а огонь, сшедший с небес, испепелил их сторонников. Эта казнь была похожа на гибель Содома, поэтому раскольники должны задуматься, образом чьего конца, Церкви или раскола, является гибель преступного Пятиградия. Хотя грех священников мог быть для восставших поводом к обвинению первосвященника, но мятеж в Церкви, попытка силой захватить храмовую власть и не принадлежащий сан, был осужден Богом и предан всенародной казни. Благословение, данное Аарону и его потомкам, - быть священниками ветхозаветной Церкви - не было отменено до времен новозаветной Церкви, хотя к этому роду принадлежали богоубийцы: Анна и Каиафа.

Библейские книги говорят нам о многих преступлениях, которые были совершены священниками и первосвященниками (1-я книга Маккавеев одного священника называет безбожником, нечестивцем [3]), но мы не найдем ни одного случая, чтобы церковное благочестие было бы возобновлено и сохранено через раскол. Народ смотрел на грехи священников как на наказание за свои грехи и видел спасение во всеобщем покаянии, а не в расколах.

Вопрос. Можно ли найти подобные примеры в истории новозаветной Церкви?

Ответ. Во время арианских, монофизитских и иконоборческих смут были периоды, когда казалось, что весь Восток погружается в ересь. К началу патриаршества святителя Григория Богослова в Константинополе из полутора тысяч храмов только один принадлежал православным. Почему же никто из православных архиереев не создал свою собственную Церковь с новой, идущей от него иерархией? Святитель Афанасий Александрийский большую часть своей жизни провел в ссылках и заключениях, однако он не объявил себя и своих сторонников новой Церковью, а боролся за Православие до самой смерти, если можно так выразиться, в Церкви, объятай пламенем.

На Флорентийском соборе почти все греческие архиереи приняли позорную унию. Почему же ревностный борец за Православие святитель Марк Ефесский не объявил поместные Церкви, которые были представлены на Флорентийском соборе еретиками, упраздненными, и не стал хозяйничать в чужих епархиях?

Святые Отцы знали, что Церковь непобедима и непреборима силами ада, поэтому дыхание благодати развеет темные тучи ересей, и солнце Православия вновь ярко засияет над миром.

Примечания:

[1] Здесь на деле архимандрит Рафаил говорит о принципах раскола как такового, но в частности касается и проблемы раскола в Грузинской Православной Церкви. История его вкратце такова. В мае 1998 г. настоятели ряда грузинских монастырей обратились в Синод с ультимативным заявлением: они требовали выхода Грузинской Православной Церкви из Всемирного Совета Церквей и отказа от участия в иных экуменических организациях, обещая в противном случае прекратить евхаристическое общение с грузинским Патриархом Илией.

Синод удовлетворил их требования, приняв решение о выходе из ВСЦ. Однако часть монашествующих решила пойти дальше, потребовав также прекратить общение со всеми (!) поместными Церквями по причине участия этих Церквей в экуменических движениях. Поскольку это условие Синодом выполнено не было, представители "крайнего" меньшинства действительно прекратили поминовение за богослужением Патриарха Илии и обратились в раскол. В настоящее время они составляют немногочисленную группу, поддерживающую общение с греческими раскольниками. - *Изд.*

[2] *Авксентий* - лидер одного из старостильных греческих расколов. - *Изд.*

[3] См. 1 Мак. 7, 9: царь *послал* <...> *нечестивого Алкима, предоставив ему священство*; этот Алким был *священник от племени Аарона* (1 Мак. 7, 14); *Алким же домогался первосвященства* (1 Мак. 7, 21). - *Изд.*

Образ Христа

Все Священное Писание христоцентрично: Ветхий и Новый Заветы можно сравнить с двумя окружностями, вложенными друг в друга. Христос - центр Ветхого Завета, к которому ведут, как силовые линии от периферии, пророческие откровения и храмовые прообразы; Христос - центр Нового Завета, от которого идут, как лучи солнца, вечный свет Евангелия и сила благодати. В последние века перед пришествием Христа на землю, в эпоху нарождающегося раввинизма, образ Мессии подвергся искажениям, главным образом под действием национальных утопий, что привело к трагическому результату: большинство иудейского народа не поняло и не приняло Иисуса из Назарета. Где искажается образ Христа, там искажается или вовсе уничтожается христианство. Спасение человека - это его преобразование по образу Христа Спасителя через благодать Духа Святого. Иногда христиане задают вопрос: "Разве не спасется еретик, если он был замучен за Христа?". Но в каждой ереси и секте сам образ Христа подменен. За какого Христа отдал свою жизнь еретик? Какой Христос может быть запечатленным в его душе не визуально, а в Духе Святом? За кого он отдал жизнь - за истинного Христа или за свое искаженное представление о Христе, за лжехриста, который не может быть Спасителем и Искупителем? У древних еретиков-докетов, упоминаемых в посланиях Иоанна Богослова, Христос - это некая космическая сила, пришедшая на землю не во плоти, а в призрачном эфирном теле. Это учение делало два важнейших Евангельских события - Распятие и Воскресение - простым сценическим представлением, поэтому Иоанн, Апостол любви, запрещал приветствовать гностиков-докетов как своих братьев и принимать их в свой дом. Может ли образ Христа, пришедшего на землю как театральная маска, спасти гностика-еретика, если даже он отдаст жизнь свою за идею, за такого иллюзорного Христа? В апостольские времена существовала секта эбионитов, то есть "бедных", которые учили, что Христос - один из пророков, рожденный Марией и Иосифом, и требовали исполнения всей ветхозаветной атрибутики и обрядности. Мог ли такой мессия спасти от смерти и ада не только других, но и самого себя? Для позднейших гностиков Василида и Валентина Христос был силой Божией, эоном, пришедшим в материальный мир, чтобы вывести из него другой эон - Софию. Об этом учил еще в апостольские времена первый гностик Симон-волхв, а в XX веке старые гностические заблуждения собрал и проповедовал другой гностик - Рудольф Штайнер.

Для Талмуда Иисус - сын прелюбодеяния и обманщик, для магометан - сын Девы и пророк, который, однако, не был распят и не воскрес: за него распяли Симона Киринейского, а Христа Аллах взял на небо, как пророка Илью; он должен прийти в последние времена, чтобы умереть и лечь в могилу в Медине, рядом с Магометом. В Коране написано, как Аллах вопрошает Иисуса: "Говорил ли Иисус, что он Бог?" На что тот отвечает категорическим отказом. Магомет сравнивает себя с Духом-Утешителем, о Котором возвестил Иисус. В теософии, индийской и европейской, образ Христа аморфен и неоднозначен, для Вивекананды, знаменитого проповедника йоги, Христос - это миф и выдумка, некий абстрактный художественный образ; такого же мнения Елена Блаватская. Рамакришна, Шюрре и другие считают Христа великим посвященным на уровне Будды и Магомета, притом с явным предпочтением Будды. Кришнаиты хотят присвоить себе Христа, выдать свое учение за обновленное Евангелие. Они учат, что Христос - это одно из многочисленных воплощений Кришны. Массированное наступление восточных оккультных систем на Европу и Америку поставило перед индийскими и тибетскими гуру задачу заменить образ Христа другим, темным ликом; тогда без Христа падет христианство, как крепость, взорванная изнутри, и на развалинах прежних христианских храмов будут построены руками самих европейцев буддийские и шиваитские капища.

В XX веке стали появляться десятки провокационных заявлений о якобы найденных древних рукописях, в которых говорится, что Христос учился в Тибете, что после Распятия Он был в обморочном состоянии, Его исцелили ламы и помогли бежать на Восток, где Он окончил жизнь: одни указывают как вторую родину Христа Тибет, другие - Бирму, третьи - Японию. Существует одна японская фамилия, которая считает, что ее клан ведет свое происхождение от Христа, женившегося на японке, и даже показывает чью-то могилу, выдавая ее за могилу Иисуса.

Индийские брахманы оказали яростное сопротивление христианству. Апостольская проповедь нашла себе почву только в Южной Индии, населенной дравидскими племенами. Жрецы древней Индии применили тактику борьбы с христианством, которая не удалась элите эллинистического мира. Они объявили Евангелие неудачным вариантом буддизма и брахманизма. Некоторые из Евангельских эпизодов и притч были в результате сложной интерпретации включены в биографию Будды и ведийскую мифологию. Достаточно просмотреть ранние и поздние варианты жития Будды, чтобы увидеть эти вставки и интерпретации, похожие на заплатки из чужой одежды. Этим методом пользуются их преемники - современные гуру, пытающиеся доказать, что их учение - это элитарное и эзотерическое христианство.

Значительную роль в искажении христианства сыграл гностик и манихей Рудольф Штайнер. Для него Иисус - сын от брака Иосифа и Марии, причем в новорожденного младенца вселяется душа другого, ранее умершего младенца Иисуса; таким образом, в ребенке живут две души (напомним, что слово "шизофрения" означает раздвоенность, которая субъективно ощущается больным как присутствие в нем двух существ). Иисус Штайнера - слабовольный, нравственно несовершенный человек. Во время угрозы со стороны язычников он готов принести жертву идолам, то есть отречься от Бога, и только глубокий обморок спасает его от богоотступничества. В 30 лет на Иисуса сходит Христос - солнечный эон, заключающий в себе 7 элогимов, то есть 7 космических духов. Иегова идентифицируется с архангелом Михаилом. Во время погребения тело Иисуса упало в расщелину земли, где нашло себе могилу. Воскресения Христа во плоти не существует. Пасха - это иллюзия; воскресает эфирное тело Христа, в котором Он через девятнадцать веков вновь невидимо пришел в мир (1914 год). На открытии антропософского храма в Швейцарии, в котором стоят изображения языческих богов, Штайнер прямо говорил, что миссия его жизни - реабилитация язычества, и эту древнюю гностическую ересь, вернее, букет ересей, нам преподносят как истинное христианство и пытаются убедить, что оно не противоречит Евангелию и Церкви, а только углубляет их. Кстати, главный свой труд, почему-то малоизвестный среди современных антропософов, Штайнер назвал "Пятым Евангелием"; возможно, эту книгу сознательно скрывают от широкой аудитории, чтобы раньше времени не отпугнуть прозелитов. Самого Иисуса Штайнер объявил воплощениями Заратустры и Будды.

Свой вклад в искажение образа Христа внесли и литераторы. Во главе литературных профанаций стоит Ренан, который в прошлом веке написал книгу "Жизнь Иисуса", похожую на романтический детектив. За эту книгу Ренан получил в подарок от бельгийских масонов ручку с золотым пером. По случаю выхода книги, написанной этим бывшим воспитанником иезуитов, римский папа объявил трехдневный пост в католическом мире, указав на нравственное падение человечества, на фоне которого могла появиться такая нравственная грязь. Литературные традиции Ренана продолжил Булгаков в своем романе "Мастер и Маргарита". Там Христос - наивный утопист, безвольный мечтатель, не понимающий, чему он учит и к кому обращается со своим учением; Христос Булгакова бессилен против зла и греха человечества. Кроме бледных и многословных проповедей об абстрактном добре, он ничего не может дать. Образ Иисуса, названного Булгаковым Иешуа, создан как будто для того, чтобы контрастно подчеркнуть другой образ, образ его антипода - Воланда, который является носителем деятельного добра. Воланд - это сатана не в христианском, а в манихейском понимании, это князь тьмы, который через зло творит добро. В своем романе Булгаков старается незаметно внушить мысль, что Евангелие - выдумка Апостолов, то есть повторяет позицию неоплатоника Порфирия и эклектика Юлиана Отступника, которые считали, что Иисус неплохой человек, но Апостолы сделали из Него Сына Божия. Апофеозом романа является картина Вальпургиевой ночи, которая по своему литературному мастерству может соперничать с Вальпургиевой ночью Гете. Есть одно странное совпадение, наводящее на мысль, что роман Булгакова написан непосредственно под действием демонических сил, а именно, Булгаков указал место лифостротона, тогда еще не обнаруженного археологами под последующими застройками Иерусалима. Раскопки 60-х

годов, во время которых были открыты мощенный каменными плитами двор и часть лестницы римского судилища, подтвердили описание Булгакова.

Продолжателем Булгакова в русле литературной романтики на религиозные темы, но уже не мистической, а атеистической окраски, стал писатель Айтматов. Мусульманин взялся писать о христианстве, - неужели потому, что уважает его больше, чем ислам? Вовсе нет. Если бы он повел себя так бесцеремонно с мусульманством, то, возможно, его ожидала бы судьба Рушди, во всяком случае, суровое порицание со стороны единомышленников; а христиане съели приготовленную им похлебку, да еще поблагодарили, так и не поняв, в чем здесь дело. В отличие от Булгакова, Айтматов не медиум, а функционер антихристианских сил. В романе "Плаха" он старается показать, что Православная Церковь - это давно отжившая бездуховная корпорация, которая изгоняет из себя все честное и нравственное. Профессор-священник и исключенный из семинарии студент Авдий, представители как будто двух полюсов в христианстве, на самом деле оба безбожники и атеисты. Профессор носит несуществующее в семинарии звание "координатора" словно для того, чтобы подчеркнуть, что он страж системы, безликая и обезличивающая сила, и ему на самом деле все совершенно безразлично, кроме чувства собственной сытости. Авдий - скептик, для которого Бог - это только состояние души, а объективно Бога не существует (почти плагиат рассуждений Луки из пьесы "На дне" Горького, только в еще более атеистическом варианте). Автор подводит к мысли, что Христос остался бы историческим ничтожеством, иудейским хиппи, если бы не был распят. Слава Христа - это слава от бессмысленной жертвы, от самоубийства на кресте, то есть слава Герострата. Герой повести Авдий выбирает смерть как средство для самоутверждения: без нее он оказался бы никем и ничем.

В настоящее время выявляется еще одна интерпретация Христа - это Христос-космонавт. В английской Церкви есть секта, управляемая епископом Робертсоном, она-то и называется "Христос-космонавт". Звезда волхвов интерпретируется как космический корабль, а вознесение Христа - как возвращение к высшим цивилизациям, которые послали Его на землю.

Мы говорим о грубых искажениях образа Христа, но к изменению Его образа ведет всякое догматическое отклонение, поэтому только в Православной Церкви, в ее литургическом бытии существует истинный образ Христа. Христос - это сердце христианства. Если сравнить христианство с другими религиями, то можно найти отдельные сходства и аналогии, но в них нет главного - Христа, а если удар в сердце будет сделан тонким, как бритва, лезвием стилета, то хотя бы на поверхность выступило лишь несколько капель крови, человек станет трупом. Спасение - это уподобление Христу через стяжание Духа Святаго. Христос невидимо пребывает в Церкви, живет в ее богослужении, действует в ее таинствах, присутствует в ее обрядах, в иконописи и песнопениях. Жить во Христе - это значит быть включенным в жизнь Церкви.

Об отрицании церкви

Одним из важных разделов православной догматики и богословия является учение о Церкви. Если времена двух первых Вселенских Соборов были эпохой тринитарных споров, когда в постановлениях Никейского и Константинопольского Соборов выкристаллизовалось из Священного Писания и Предания православное учение о Святой Троице, а время последующих Соборов, включая последний, VII Никейский Собор, - эпохой христологии, когда учение о Христе, органически содержащееся в Евангелии, приняло форму догмата, то последние века выдвинули на первый план богословских изысканий экклезиологические проблемы. Учение о Церкви - это основная граница, разделяющая православный и неправославный мир. Учение *Церкви о Церкви* остается невыясненным для многих христиан и поэтому вызывает частые сомнения и недоумения. Одни отождествляют Церковь с церковнослужителями и священнослужителями и на основании их этического и интеллектуального уровня делают свои выводы о самой Церкви (это примитивное конкретное мышление); другие, напротив, смотрят на идею Церкви как на абстракцию, и

поэтому произвольно манипулируют тезисами и текстами, не считаясь с Церковью как с исторической реальностью. (Для таких взглядов характерен адогматизм, а в последнее время экзистенциализм.) Понятие о Церкви то расширяется до пределов космоса (оригенизм и софиология: "Церковь - это литургисающий космос", С. Булгаков), то сужается до пределов общины: секты и группы верующих во Христа (протестантизм), то прилагается к любой религии независимо от ее содержания вплоть до сатанических религий (суперэкуменизм и теософия), то признается одна будущая небесная Церковь, членами которой могут стать люди различных конфессий и даже неверующие, в зависимости от их нравственного уровня (либеральное христианство). Здесь религия сводится к понятию нравственности, этики и, теряя догматическое содержание и мистическую глубину, низводится до утилитарных норм поведения. Центром такой религии становится не Бог, а человеческое общество; целью - не богообщение, а польза, которую личность может принести коллективу.

Такая безрелигиозная религия может действовать под маской нетрадиционного христианства. Современная интеллигенция, будучи преимущественно интеллигенцией технократической, лишенная традиций и аристократизма прежних поколений, склонна в своей значительной части игнорировать или отвергать Церковь. Для нее Церковь представляется антиподом свободы, системой запретов, в рамках которой не может проявляться индивидуальное творчество тех, кто желает экспериментировать с религией, как физики в своих лабораториях. Принцип иерархии, подчиненности, необходимый для борьбы с эгоизмом и своими страстями, им чужд. Напротив, они привыкли смотреть на человеческий рассудок как на универсальный инструмент, который может своими силами вскрыть все тайны бытия физического и духовного миров, поэтому они склонны, едва соприкоснувшись с религией, повторить слова Уитмена: "Скажи мне, кто прошел дальше всех, чтобы мне пройти еще дальше". Если им не удастся превратить Церковь в полигон для испытания своих изобретений и идей, то такие попутчики вскоре порывают с ней и называют себя "свободомыслящими христианами" или "христианами для себя". Затем у них начинается полоса богостроительства, а если находятся сообщники, то церковного строительства.

Близко к ним стоят модернисты, которые не отрицают Церковь, но считают ее эволюционирующим организмом и поэтому стараются приспособить к вкусам и понятиям современного им общества. В этом случае не мир идет за Церковью, а Церковь идет за миром. У экспериментаторов и модернистов не хватает религиозной интуиции, чтобы отличить вечное от временного, духовное от материального, не хватает культуры мысли, чтобы увидеть предел и границы возможностям человеческого разума, за которыми простирается область тайны и веры, не хватает нравственного чувства, чтобы ощутить и понять свою греховность, необходимость изменить себя по идеалу Церкви, а не Церковь изменить по своему подобию. У них не хватает аристократизма духа, чтобы оценить значение преемственности и традиции. В настоящее время нередко можно услышать вопрос: "Я верю в Бога и принимаю Евангелие. Зачем нужна Церковь?"

Всякий организм может существовать только в своей жизненной среде, вне ее он погибает. Церковь - это жизненная среда христианина, это духовная атмосфера, которой он дышит. Церковь - это мистическое тело Христа Спасителя. Церковь земная и Небесная неразрывно соединены друг с другом в Духе Святом. В земной Церкви открывается Небесная Церковь; она реально присутствует в каждом богослужении. Церковь - это царство Божие, начинающееся на земле и продолжающееся в вечности. Церковь всегда обращена к вечности, она готовится человека для вечности. Церковь в апокалиптических пророчествах представлена в образе Матери, рождающей в муках ребенка. Церковь в муках и боли рождает каждого христианина для вечной жизни. Онтологический аспект Церкви - это Церковь как реализация Божественных обетований, как динамика духовной жизни, как поле Божественных сил и энергий, в которое включается человеческая душа.

Церковь - это единство любви человека к Богу и людей друг к другу. Здесь психологический аспект Церкви. У человека есть потребность к общению: собираются вместе родные, сходятся друзья; первые - в знак солидарности, вторые - в силу общности взглядов и интересов. Человек ощущает в этом общении душевную помощь и поддержку. С

друзьями горе становится более легким, а радость увеличивается. Если человек делится с друзьями тем, что имеет, то становится как бы богаче, если прячет это от других для себя, то становится беднее. С друзьями его жизнь как бы расширяется, становится более полной и емкой. А Церковь - это воплощение высшей духовной любви в главных ее проявлениях: в молитве и таинствах.

В искреннем общении с друзьями образуется некое поле единства, которое продолжает связывать их даже на расстоянии. В Церкви это - поле благодати Божией и единство веры, высшая форма реализации любви в общей молитве и в мистическом соучастии в таинствах. Церковь - это световой круг, за пределами которого лежит мир с его нераскаянными грехами и страстями, с его эгоизмом, бегущим от Бога в область хаоса, в никуда.

Многие недоумевают: "Зачем нужна совместная молитва? Дома наедине с самим собой молиться спокойнее, легче и лучше". Церковь - это единство в молитве. Малые капли дождя собираются в один поток, под мощным напором которого не могут устоять даже каменные глыбы. Свет множества свечей сливается в одно сияние, озаряющее огромное пространство храма. Молитва Церкви - это световой столб, устремленный к небу, молитва одного человека - это только вспыхнувшая искра. Но церковная молитва больше, чем молитва всех людей, находящихся в храме, которая вменяется каждому как его собственная молитва. В храме вместе с людьми молятся святые и Ангелы, поэтому в богослужении участвует вся полнота Небесной и земной Церкви. В этом тайна Церкви.

Духовная жизнь - это непрестанная битва с силами ада, с духом мира и со своими страстями. В Церкви христианин чувствует себя как в непобедимой войне, вне Церкви он один выходит на сражение с демоническими силами греха и зла. Храм - это духовная скала, вершина которой касается неба. В храме, не сливаясь, а взаимно проникая друг в друга, соединяются три сферы духовного мира, именуемые небом, космосом и преисподней. В храме пространство трех миров как бы предельно сжато до плотности большей, чем плотность алмаза. В качестве примера возьмем популярную в наше время космогоническую гипотезу о первичном сверхплотном веществе, из которого, по этой теории, образовался космос; объем его был таков, что вся метагалактика могла бы уместиться на ладони. Для нас это, конечно, только образ той концентрации пространства и времени, когда вся священная история и вся вселенная (видимый и невидимый миры) пребывает в храме не как в своей модели, а реально. В храме время в циклах и ритмах богослужения принимает свойство вечности, а вечность открывается в человеческом сердце через соприкосновение с благодатью. Встреча души со Христом в молитве и таинствах Церкви - этот поразительный опыт вечности - открывается человеку как новая жизнь, где все иное, неведомое и неповторимое.

Многие не понимают смысла церковных обрядов. Это знаковая система, особый символический язык, в котором заключено и зашифровано Божественное откровение, это - мистическое видение христианскими подвижниками духовного мира и путь к этому видению; то, что в Библии написано словами, в храме воплощается в символах и обрядах.

Не только с мистической, но даже с утилитарно-психологической точки зрения храм выделяется как место, специально посвященное молитве и богослужению, отличающееся от мирских жилищ с их земным бытом, где на самих вещах лежит печать тревог и забот их хозяев, где обычная обстановка, по закону ассоциативных связей, погружает мысль в круговорот земных дел и забот.

Храм - это место, где каждый предмет является священным символом, напоминает о вечности. Церковь - духовное училище. Те, кто сомневается в необходимости Церкви, забывают, что свое образование или профессию они получили не в своей комнате, а в школах и училищах, получили знания от своих учителей. Основа всякого учения - это преемственность. Необходимо не только знание, но и наличие методов и традиций, согласно которым эти знания передавались бы ученикам. С гностической стороны Церковь - это непрерывный световой поток духовных знаний, идущий от Христа через Апостолов и их преемников. Вне Церкви этот свет, проходя через призмы человеческого восприятия,

раздробился бы и затем погас. Кто из людей полностью мог усвоить Божественное откровение и передать потомкам во всей чистоте духовный свет?

Нам могут возразить, что имеется Библия как Слово Божие. Но сама Библия понимается неадекватно. Церковь хранит толкование Библии, восходящее к апостольскому преданию, и богослужение как аналог Библии. Вне Церкви не только затемняется и теряется смысл Священного Писания, но вне Церкви ветхозаветной и новозаветной не существовало самого свода библейских книг; вне Церкви не могло бы произойти разделения книг на канонические, неканонические, апокрифические. Вне Церкви не был бы составлен святоотеческий комментарий этих книг, так как не существовало бы экзегетических и герменевтических традиций. Каждому предоставлялось бы понимать Библию по мере сил и знаний, которые всегда недостаточны, а также под воздействием своих страстей и гордыни, которые часто властвуют над рассудком. Такой человек оставался бы в кругу своих собственных представлений без объективных ориентиров. Вне Церкви христианство превратилось бы в аморфное, расплывчатое учение, не существовало бы догматики как различия метафизической истины от метафизической лжи. Тот, кто не предаст значения догматам, забывает, что каждый догмат - это истина, напоенная вечным светом, которая вносит в душу и сознание человека жизнь и свет, делает ее способной к богообщению. Ложные догматы - это искаженное представление о Божестве, ложь против Бога, которая вводит в душу и ум смерть и распад, а ересь - это инъекция яда, впрыснутая в главный нерв человеческого сознания. Вне Церкви не было бы различия между мировоззренческой истиной и ложью, Православием и ересью. Вне Церкви не существовало бы знакового языка икон, обрядов, священных предметов храма, самого богослужения, объединяющего людей в ее едином сердце. Вне Церкви люди с духовными и мистическими потребностями принуждены были бы создавать свои собственные знаковые индивидуальные системы, которые, возможно, фиксировали бы образы их подсознания, придавая этим образам сакральное значение. Религиозное искусство вне Церкви выродилось бы в абстракцию или в поэтические иллюстрации - аллегории индивидуальных состояний; при этом демонические образы, всплывающие из недр подсознания, из глубин души, могли бы восприниматься как видения духовного мира. Вне традиций священные символы, оторванные от корня, искажались бы и заменялись новыми, а так как человек по своей греховности и страстности ближе к демоническому миру, чем к небу, то эти знаки и образы стали бы проявлением демонофилии, как в современном авангардном искусстве.

Народ в световом поле Логоса превращается в Церковь, в духовное тело, объединенное любовью и верой, единой целью и общностью средств (священной символикой). Народ вне Логоса превращается в толпу, живущую концентрированными страстями и импульсами своего темного подсознания. В Церкви человек создается как личность (духовно-нравственная монада), вне Церкви высшей ценностью объявляется или безличностный коллектив, или индивидуальность. Личность - это выявление и реализация целевой идеи человека, то, что сближает людей между собой. Индивидуальность - это те свойства человека, которыми он отличается от другого; характерно, что у современных светских философов понятие личности слилось с гиперболизированной индивидуальностью и внецерковное религиозное искусства занято поисками возможностей выявления и отражения индивидуальности или замещения ее абстракциями. Одним из средств этого служит гиперболизированный смех и гиперболизированный ужас - атрибуты демона.

Об обрядах церкви

Обряд - это сложившаяся знаковая система, исполняющая информационную и коммуникативную роль. Церковные обряды - это последующий за Священным Писанием гностический пласт, который имеет сходство и различие со священной символиккой. Обряд отличается от символа тем, что он более конкретен, более узок по своему объему, чем символ, более подвержен факторам истории и разнообразен по своим формам, то есть более обусловлен.

Символ имеет аналогическое значение: он возводит ум человека от низшего к высшему, от известного к неизвестному, от невидимого к видимому. Обряд включает человека в уже известную данность. Но обычно обряд не отделен от символа; он основан на фундаменте символических знаков, только берет определенный аспект многогранного символа, как бы конкретизирует символ и приспособливает его к целевой задаче.

Религиозный обряд включает человека в сферу духовных реалий, в поле вечных Божественных энергий, в мир вневременных, внепространственных измерений. В своей повседневной жизни мы выражаем себя через систему символов и обрядов, без которых человек остался бы самозамкнутым существом, вещью в себе, а так как человек - общественное существо, то, отбрасывая и ломая образы, он оказывается разрушителем общественных этических структур. Обряд, как и символ, не может быть истинным или ложным, добрым или злым, реалией или иллюзией, он - средство выражения. (Нравственные категории относятся к содержанию, которое должен выражать символ или обряд, но не к самому обряду как средству выражения, основанному на традиции, на выкристаллизованном веками опыте человечества - опыте общения.)

Яркую попытку мыслить вне символики и обрядов предприняли киники, которые призывали человека к непосредственному выявлению своей сущности. Киники вышли на сцену мировой культуры как разрушители всех интеллектуальных и нравственных ценностей во имя свободы человеческого духа, но вместо того, чтобы стать освободителями от рабства, они превратились в клоунов и паяцев истории. Разрушая общественные обряды, они в то же время создавали свои обряды и символические действия, например, бочку Диогена. Разрушая образы, они создали свой образ *циника*.

Безумие поражает прежде всего две способности человеческой души: творчество и самосознание. Психически больной человек обычно или теряет способность к творчеству, или оно приобретает у него спорадический характер; то же происходит с самопознанием как оценкой своего внутреннего состояния. Душевнобольной - преимущественно эгоист, потерявший сочувствие к окружающему миру. Творчество и самопознание основаны на символике. Мы осознаем себя как личность только с того времени, когда наша психика стала организовываться и включаться в знаковую систему слова (человеческая речь). Киники отождествляли обряд со злом, но как философская система кинизм оказался пустоцветом - кроме острот с широким спектром, от забавных афоризмов до пошлостей, он ничего не мог дать. Он был паразитом, питавшимся кровью осмеянной им жертвы, но сам был бесплоден. Диоген покончил жизнь самоубийством, убедившись во время лихорадки, что никакими язвительными насмешками над болезнью нельзя уничтожить жар в собственном теле и боль в костях; другой ученик его последовал его примеру, когда понял, что не может победить время и старость. Диогена называли безумным Сократом.

Кинизм был подобен соляной кислоте, которая, попадая в трещины общества, разъедала их. Но отрицание и язвительная ирония не могли дать ответ: кто такой человек и для чего он пришел в этот мир; напротив, киники отрицали духовную субстанцию и духовные ценности, они имели дело с эмпирическим человеком. Идея о возрождении человека казалась им бессмысленной и иллюзорной; они хотели не возрождения, а освобождения, что в своем логическом конце приводило к отождествлению человека с его физиологическими функциями. Первым было освобождение от своей собственной души, второе освобождение - это освобождение от общества. Разрушая обряды и символы, киники порывали связь с прошлым, будущим и с той средой, в которой они существовали; этический и философский антисимволизм неизбежно приводил их к крайнему индивидуализму и изоляционизму. Одной из разновидностей современного цинизма является экзистенциализм, который рассматривает человека как эмпирическую данность, включая при этом в эмпирику все психическое содержание человеческого индивидуума. Философия экзистенциализма, этого декадентского цинизма, смотрит на традиции, обрядность и символику как на рабство духа. Сартр - это Диоген XX века, только менее талантливый и отважный, чем "синопский пес".

Искусство - это интимная сторона философии. Искусство киников было карикатурой; искусство экзистенциалистов вылилось в безумие и бред, то, что принято называть абсурдом. Разрушая обряд и символ, они разрушают логос человеческой души; тогда из черных бездн индивидуальности, соединенных с космическими и духовными безднами, вырываются призраки смерти и разрушения, подобные бесформенным грезам опиофага. Разрушение обрядности как знаковой системы религии приводит к двум противоположным полюсам; или к рационализации религии, к замене литургических глубин плоской словесной интерпретацией, или к экстатическому мистицизму, древнему дионисизму. Современное так называемое авангардное искусство, отрицающее принципы гармонии (как киники отрицали символику), окрашено в черные цвета демонической мистики, потому нередко состояние толпы после концертов рок-музыки похоже на вакханалию.

Церковные обряды - это не нечто внешнее и механическое по отношению к душе человека, это каналы, по которым благодать Божия сообщается человеческой душе, это тот стержень богослужения, опираясь на который люди, присутствующие в храме, могут духовно сближаться до понимания единого живого мистического тела. Церковный обряд имеет два направления: вертикальное и горизонтальное; вертикальное - как богообщение, направленность души из материального мира в духовный, и горизонтальное - как объединение стоящих в храме людей в одной вере, в одном мистическом переживании, в одном молитвенном потоке. Разрушение обряда - это разрушение духовной коммуникации, это низведение религии на плоскость философских абстракций или в темную область дионисийского мистицизма, хаоса, в область подсознания и инстинктов, в область призраков и грез. В этом демоническом состоянии повторяется древнее сказание о том, как вакханки убивают Орфея; иступленные чувства убивают дух.

Церковный обряд - реалья другого измерения, нежели слово, потому он не может быть раскрыт и заменен словом, как луч живого света, который несет в себе тепло и жизнь, не может быть заменен словесной теорией о природе света. Церковный обряд может быть понят только в храме, в непосредственном переживании, поэтому в литургике объяснение обрядов и комментарии богослужения занимают сравнительно малое место: религиозные реалии понимаются в той степени, в какой они воспринимаются. Обряд понимается так, как он принимается, то есть через изменение и возрождение самой человеческой души. Литургию невозможно объяснить. Это тайна, ее можно только пояснить, указать на определенные целевые идеи и аналогии, но она навсегда останется тайной, которую должно в благоговении пережить человеческое сердце. Потому обряд одновременно скрывает и открывает; он скрывает внутреннюю жизнь Церкви от посторонних, любопытных и наглых глаз, - скрывает, как плотным покровом, - и в то же время открывает верующей душе завесу во "Святая Святых", - но постепенно, в меру ее внутренней подготовленности, чтобы слишком яркий свет не ослепил ее.

Для рационалистических сект, которые уничтожили символику богослужения, религия застыла на уровне катехизаторства; для экстатических сект она превратилась в возвращение к древнему хаосу, в игру со своим подсознанием и миром падших духов. Киники особенно злобно ненавидели христианское учение. Если стоики относились к христианству с холодным презрением, считая его достоянием одной невежественной толпы, а пифагорейцы и платоники, обладающие большей проницательностью, - как к своему главному интеллектуальному противнику, то киники ненавидели христианство как своего лютого врага и в период гонений на Церковь часто выступали в роли провокаторов и доносчиков (жизнь Иустина Философа), и сами римские императоры нередко прибегали к услугам киников в борьбе с христианством. Но синкретическая философия язычества оказалась бессильной против небесного света Евангелия. Огромная государственная машина империи не смогла сломить дух христианских общин. Тогда на арену вышли киники и актеры с их оружием: насмешками, ложью, клеветой, - демон принял личину обезьяны, передразнивающей Бога. Основа христианства - любовь и благоговение перед святыней, основа цинизма - гордость и презрение ко всему во имя себя самого.

Нередко сектанты называют храмовое богослужение и совершение таинств колдовством, а церковные ритуалы - магическими обрядами, поэтому остановимся на принципиальной разнице между мистикой и магией. Основа христианской мистики - любовь к Богу; христианские обряды и таинства являются средством богообщения. Основа магии - гордыня, желание подчинить себе окружающий мир посредством воздействия оккультных сил. Для мистики Бог - высшая ценность, конечная цель и главное содержание бытия. Для магии высшей ценностью является падший человек с его необузданными страстями, которые он стремится реализовать любыми средствами. Христианство требует от человека уподобления Богу. Желание мистика - быть послушным Богу; проявление этого чувства - молитва: "Да будет воля Твоя!". Занятие магией - это агрессия по отношению к миру, стремление посредством определенных магических формул и действий подчинить себе мир. Цель магии всегда утилитарна и не выходит из пределов земной жизни. Цель мистики лежит за пределами земного бытия, это - включение в вечность. Маг употребляет силы демонического мира, но в то же время страшится его. Явление демонов вызывает у мага чувство ужаса. Мистик стремится к встрече с Христом через благодать Духа Святого в своем сердце, и состояние богообщения является для него самым отрадным и светлым событием, которое навсегда запечатлевается в его памяти. Явление духов в магических обрядах происходит в визуальных или слуховых формах. Мистик видит в человеке образ и подобие Божие; прощение обид становится для него потребностью духа. Магия смотрит на человека как на инструмент; понятие личности для нее не существует. Прощение обид и жалость в магических ритуалах считается малодушием. Мистик говорит: "Я хочу умереть для себя, чтобы жить для Тебя". Маг говорит: "Я хочу жить только для себя".

Мистика и магия противоположны друг другу не только по своему содержанию, но даже по своим знаковым системам, но о магических обрядах лучше умолчать. Тертуллиан говорил, что это пародия на литургию, черная месса, которая служится в аду сатане, то есть мрачная карикатура на святыню. Во многих колдовских обрядах употребляется ритуальное поругание святыни. Кто заявляет о сходстве церковных ритуалов и магии, тот или совершенно невежественный, или одержимый демоном человек.

Мистика неотделима от нравственного возрождения человеческой личности. Чем выше нравственность человека и чем ближе она к Евангельским заповедям, тем больше расширяется круг духовных познаний человека. Духовная мудрость имеет своим источником не внешние знания, а внутреннее состояние, о котором сказано: "блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога". Магия требует от человека не нравственности, а только концентрации внимания. Магия по своему ползучему унитаризму, неразборчивости в средствах и по ориентации на оккультные, космические и психические силы ставит целью для человека самоутверждение в этом мире, развивает в нем гордыню и эгоцентризм, которые в свою очередь являются субстратом всех страстей и психических комплексов.

Главное средство мистики - молитва, благодарность Богу, благоговейная беседа с Ним, исповедание грехов, просьба, прославление Бога. В магических обрядах не существует ни благодарности, ни исповеди, ни просьбы как мольбы о помощи, ни благоговейной беседы души с Богом; в магии другая форма общения: повеление, договор, соглашение, приказ. Маг обращается к духовному миру тоном императива. Мистик переживает благодать как обновление души, как покой и вечность. Маг, получая в общении с демоническим миром его черную энергию, переживает ее как прилив извне чужой силы, несколько напоминающей ощущение от электричества. Его состояние - тяжесть души, смятение сердца, безжалостность даже к самым близким людям, соперничество и в то же время тайное желание смерти. У мистика сердце открыто для Бога, у мага сердце закрыто для всех. Бог для него чужд, от безразличия до ненависти; демонам он повелевает, как дрессировщик связанным зверям, но всегда с тайным страхом, что эти пути могут разорваться и зверь умертвит его. Христианская мистика - это обращение человека к Богу как к Личности. Личность, а не безликая сила может быть предметом любви. В магии, демонологии личное общение отсутствует; магические заклинания обращены к демоническому миру, к миру деструктивному, следовательно, безличному. Демоны обладают индивидуальностью по

прежней ангельской иерархии как уровнем сил и возможностей, притом эта иерархия опрокинута, как пирамида, и кто стоял во главе, пал ниже всех. Но бесы лишены свойств личности, нравственности и самопознания; самопознание их выродилось в познание материального мира и зла. Они обусловлены своей ненавистью к Богу и людям до полной потери свободной воли как выбора между добром и злом, следовательно, они безличностные индивидуумы.

Иногда заговоры обращены к олицетворенным (персонифицированным) силам природы, здесь - замена Бога космосом. Характерно, что в эзотеризме язычества главную роль играли хтонические (земные) и подземные божества (Пан, Дионисий, Деметра и др.), магия обращена не к небу, а к земле и аду. Маг, как гипнотизер, посредством заговора заставляет темные силы выйти из своего мрачного подземелья и служить ему. Центр мистических переживаний - человеческое сердце. Под действием благодати оно делается мягким, как воск. Магия имеет своим инструментом человеческий рассудок; при магических обрядах сердце как будто умирает, оно сжимается и становится твердым, как камень. Мистика имеет свои ритуалы, но для нее главное не форма, а содержание, чувство любви и единства с Богом. Магия ставит форму над содержанием; она стремится к внешне точной форме магических ритуалов, их содержание сводится к загадочным знакам и именам, которые становятся паролем для адского мира. В магических ритуалах можно различить два вида колдовства: 1) шаманство, когда маг искусственно доводит себя до экстаза и его душа, отделяясь от тела, сходит на время в мир преисподней; 2) вызов духов из преисподней к себе путем заговоров и магических обрядов. Для христианина-мистика необходим аскетизм, в том числе аскетизм в миру, жизнь по заповедям, участие в таинствах Церкви. Для магии этого не требуется, здесь условие-следствие только одно: чтобы человек сделал душу свою заложницей адского мира.

Общение - это уподобление. Для уподобления светлому миру требуются огромные труды и борьба с собой, а темный мир, кипящий злобой и страстями, близок к состоянию падшего человека, поэтому для общения с демоном ничего не надо, кроме обращения к нему. Нередко человек смотрит на заговоры и гадания как на невинную игру; в таком случае он похож на ребенка, который разводит костер в собственном доме, не зная и не понимая, что произойдет потом. Всякое соприкосновение с демонским миром наносит глубокие психические травмы. Всякое обращение к любого вида магии, хотя бы в виде шутки, должно быть исповедано как тяжкий грех. Некоторые говорят, что при помощи магии можно совершать добро: излечить от болезни, предупредить об опасности и так далее, но не надо забывать, что ложь употребляет добро и правду как приманку, чтобы легче и полнее овладеть своей жертвой. Метафизическое зло не может творить истинного добра.

Нередко наши оппоненты спрашивают: "А для чего вообще нужна символика и обряды, не лучше ли в простоте души молиться Богу?". "Богослужение должно быть не символическим, а реальным", - говорят они. Однако здесь таится противоречие. Само слово уже есть условный знак, оно не реалия в смысле тождества с обозначаемым предметом или событием, а условное, знаковое, абстрагированное отражение реалии в системе звуков и графики, поэтому, зашифровывая содержание в форме слова, мы уже прибегаем к отвлеченной системе моделирования действительности, что является одним из характерных отличий человека от других существ, населяющих землю. Вне слова наша мысль не может подняться над уровнем земной материальной предметности и получить некоторое познание о духовном мире, находящемся за пределом нашего чувственного (сенсорного) восприятия. Мы воспринимаем мир не адекватно, а через его энергии, которые трансформируются в нашем сознании в модели реальности. Например, цвета и звуки - это трансформация волн, которые преломляются через органы наших чувств, поэтому мы под покровом материальности видим не мир, какой он есть, в самих сущностях предметов, а только свойства, действия и энергии, зависящие от возможности механизма нашего восприятия. В будущей жизни мы увидим мир в других измерениях. Наше представление о мире также

условно и моделировано. Познание - это раскрытие невидимого; вечная жизнь будет вечным познанием, раскрытием вечно нового; в этом раскрытии предыдущее будет относиться к последующему, как подобие к действительности, а эта действительность окажется только подобием при переходе в другое состояние на новой ступени богообщения. Поэтому говорить о реальности как адекватности вне символики невозможно. Апостол Павел пишет, что здесь мы видим неясные отражения, как в тусклом зеркале, а там увидим воочию. Платон и другие философы сравнивали наше чувственное видение мира с теневыми отражениями предметов.

Отклоняясь несколько в сторону, скажем, что математика - "душа" остальных наук - вся основана на условности и абстракции; все цифры, числа и формулы являются символическими знаками. Любая наука прибегает к моделированию и схематизации. Буквы, ноты, астрономические таблицы и географические карты - это все тоже условные знаки, которые расширяют возможности и границы человеческого познания. Храм является моделью вселенной и символом небесной Церкви, которая наполняет этот символ реальным содержанием. Круг годовой литургии, записанный в богослужебных книгах, можно условно сравнить с картой неба, только это духовное небо, по которому проходит путь человеческой души. Вне символа и обрядов невозможны общая молитва и общее богослужение, где необходимы порядок и ритм. Поэтому те, кто отрицает церковные обряды во имя непосредственной реальности (которая для нас является целью, а не данностью), на самом деле вынуждены создавать свои собственные обряды, например, обряд преломления хлеба у баптистов, сборники песнопений и так далее. Можно убедиться, что каждая община и секта создали свою обрядность, которая со временем переходит в традицию.

Революция стремится уничтожить обряды, чтобы люди забыли свое прошлое, но затем вынуждена спешно создавать свои новые искусственные обряды. Они в большинстве случаев оказываются мертворожденными и постепенно заменяются возобновлением или имитацией прежних обрядов. Движение хиппи как революция против общественной этики, стремление к свободе от морали начинается также с отвержения норм поведения как светской обрядности, а кончается созданием своей системы ценностей - антиэтики, для поддержания которой необходима и своя знаковая система.

Церковный обряд - это традиционный священный символ, посредством которого человек имеет возможность вступить в общение с символизируемым, воспринимать его энергии, включиться в мир духовных реалий. Поэтому модернизм является врагом Православия. Не зная глубины церковной символики, он стремится приблизить обряды к душевному состоянию человека, его эстетическим потребностям, интеллектуальному уровню восприятия и так далее, то есть символ из средства духовной коммуникации (что требует внутренней подготовки и очищения самого человека) превращается в способ удовлетворения душевных потребностей. По сути дела, здесь происходит оземление самой Церкви. Всякое сочинительство священных символов похоже на создание новой реформированной Церкви, а с православной точки зрения - это ритуальная ересь. Обряд и символ не имеют ни предметно-вещественного, ни миметического свойства с содержащимся в них смысловым гносисом, с тайнописью духовных реалий или событиями священной истории. Здесь связь - в плане идей и энергий, поэтому литургия - такое же откровение, как и Священное Писание. Консерватизм Православия - это сохранение тайны. Обряд, придуманный человеком, быстро исчерпывает себя, он может быть эффектен, но остается лишенным глубины, его эффект - новизна душевных ощущений, то есть то, что противоречит духовному созерцанию, и такой принцип модернизации требует постоянной перемены обрядности и атрибутики, как наскучившей песни или надоевшей одежды, поэтому реформаторство обречено на постоянное сочинительство. Обряд при этом переносится из области духа в область души, берет на себя несвойственные ему эстетические и развлекательные функции, не помогает, а противостоит молитве или, что не менее опасно, искажает внутренний характер молитвы, делает ее сентиментальной, восторженной и нередко просто фамильярной. Поэтому Православие представляет собой не только чистоту догматики, но также чистоту богослужения, традиционализм ритуалов.

Духовный и материальный миры имеют между собой различие и сходство как творение единого Создателя, как две картины, написанные художником: одна - цветовыми красками, другая - тонкими штрихами туши, где едва намечены контуры предметов. Если бы отношения между духовным и материальным мирами заключались только в сходстве и степени их совершенства, то изображение духовного мира носило бы образно-картинный характер; если отношения между ними заключались бы только в несходствах и отрицаниях, то изображение духовного мира носило бы совершенно условный, произвольный и абстрактный характер, как некий договорный знак. Но так как взаимоотношения между двумя мирами носят характер сходства и различия, то символ и обряд содержат в себе элементы одного и другого, как иероглиф содержит в себе абстрагированный намек на картину, имея характер скорее не сходства, а ассоциации.

Рассмотрим храм как священный символ. Храм - это дом, в высшем смысле слова - обитель души. Храм - изображение духовного пространства, мистического пути души к Богу, вечности, где события прошлого и будущего переходят в настоящее; физическое место, где присутствует духовный мир, пространство, заключающее собой бесконечность, место, где земля соединена с небом.

Каждый храм - это не пространственный, а энергетический центр вселенной, откуда исходят, как радиусы, волны, но окружности как таковой не существует. В то же время храм является зашифрованной моделью вселенной: его купол - подобие небосвода, стены - горизонта, алтарь, возвышающийся над общим залом храма - суши, обитаемой людьми, восходящей из пучины моря. Это, так сказать, низший аспект символа, а высший - небесная Церковь, духовный мир, где устремление ввысь означает вечное поступательное движение души к Богу. Окружность купола - вечность, крест в основании храма - любовь как содержание вечной жизни. В то же время храм - не статичный, а динамичный символ: он не только указывает на будущее преображение мира во вселенскую Церковь, но кладет начало этому преображению. Сужающийся до точки купол храма означает вращение космоса в духовный эон, а округленный купол в виде пламени - огонь, который преобразит мир, отделит добро от зла, тьму от света и одухотворит саму материальность.

Итак, символ является ключом к истине, а обряд - каналом благодати, которую Господь назвал живою водою. Вне символа человеческая мысль о духовном мире или повисла бы в пустоте, или замкнулась бы в кругу фантазии, то есть в области человеческих представлений, имеющих в своей основе метафизическую ложь падших духов.

О крещении

Одним из главных принципиальных расхождений между православными и баптистами является вопрос о крещении младенцев. Баптисты категорически отвергают крещение детей как насильственный акт над ними, поэтому нам надо рассмотреть этот вопрос в следующих пунктах:

- 1) Имеют ли родители власть и право решать за ребенка важные для него вопросы, если от этого зависит его благополучие и даже жизнь?
- 2) Нуждаются ли дети в благодати Божией?
- 3) Как протекает духовная и психическая жизнь ребенка?
- 4) Соответствуют ли обеты крещения предназначению человека? Если соответствуют, то отказ от них является не проявлением, а злоупотреблением свободной воли.
- 5) Существуют ли аналогии крещения в Ветхом Завете, если да, то каково отношение Ветхого Завета к участию в них детей?
- 6) Может ли ребенок быть лишен плодов крещения без ущерба для себя?

Основой христианской сотериологии (учения о спасении) являются следующие три универсальных факта:

- 1) грехопадение Адама как источника и потенциального носителя всего человечества легло клеймом отвержения и проклятия на его потомков, которые жили, живут и будут жить на земле до конца ее существования;

2) Сын Божий, став Сыном человеческим, взял на себя проклятие и грехи всего мира. Его распятие было жертвой и священнодействием;

3) в таинстве крещения Голгофская Жертва усваивается каждому человеку как жертва, принесенная лично за него.

Каким образом грех распространяется на последующие поколения? Создание человеческой души является актом творческой силы Божества, но в то же время оно совершается при участии душ родителей. Поэтому человек - уникальное и неповторимое явление, а не копия своих родителей, и в то же время он генетически связан с ними, о чем свидетельствует не только телесное, но и душевное сходство. В этом соучастии душ родителей происходит передача первородного греха, подобно тому, как из загрязненного источника текут мутные воды. Каким образом передается наследственная порча? Через материальный субстрат или другими неизвестными нам путями? Мы этого не знаем - это тайна. Но для нас важен тот факт, что грех в своей безграничной универсальности поглотил, как воды всемирного потопа, все человечество, и поэтому печать греха уже лежит на еще не рожденном младенце. С возрастом в грех включается воля ребенка, и тогда он становится произвольным, личностным грехом. Поэтому непорочность ребенка - выражение весьма условное. Это скорее не проявление его порочности на уровне сознания и воли.

Грех - разрыв между Богом и человеком, и только благодать Божия может восстановить потерянную связь и союз. Возможно ли действие благодати на ребенка? Священное Писание утвердительно отвечает на этот Вопрос. Пророк Иеремия был освящен благодатью еще до своего рождения. Пророк и Предтеча Иоанн возрадовался во чреве праведной Елисаветы, когда она встретила Деву Марию. Значит, младенцы подвержены действию благодати. Лишить ребенка крещения - значит насильственно отстранить его от воздействия благодати, то есть препятствовать цели и предназначению его жизни.

Младенца, еще не научившегося произносить человеческое слово, ни в коем случае нельзя сравнить с животным. Наиболее интенсивная психическая жизнь проходит в раннем возрасте, когда ребенок получает и перерабатывает самый большой объем информации. С возрастом объем этой информации резко уменьшается, и усвоение его становится более поверхностным, поэтому психологи ищут корни характера, привычек и заболеваний во впечатлениях раннего детства. Ребенок эмоционально чутко реагирует на окружающую его среду, только он опирается не на слово, а на более непосредственное восприятие мира, поэтому наши воспоминания детства, проходящие в плане рефлексий, обычно начинаются с того периода, когда мы овладели связной речью. Младенчество является важнейшим периодом для формирования психики человека. Видение мира ребенком для нас тайна, но непосредственное восприятие в переживании и информация, лежащая глубже слова, дают ему возможность переживать явления духовного мира, может быть, с большей, чем у взрослого человека, интенсивностью. С возрастом душа затемняется и грубеет от раскрывшихся в ней страстей и волевых грехов. Священное Писание и опыт жизни говорят о реакции ребенка на святую. Многие матери замечают особое состояние ребенка в день причастия, как бы озарение внутренним светом и покоем. По-видимому, для ребенка больше, чем для взрослого, открыт мир светлых и темных сил. Ребенок, как и взрослый, носит в себе образ и подобие Божие, следовательно, он нуждается в духовной жизни, и родители должны стараться не заглушить, а пробудить эту жизнь посредством церковных таинств и молитв, а также домашних молитв в присутствии ребенка. Если родители окружают тело ребенка заботой, кормят и одевают его, не дожидаясь того возраста, когда он скажет сам, что согласен есть и пить, то почему они не должны удовлетворить самую главную потребность человеческого духа - потребности у ребенка общения с Богом и духовным миром через Христа в Духе Святом?

Так как укоренилось мнение, что крещение во младенчестве не только игнорирует свободное самоопределение ребенка, но является насилием над его личностью и волей, то нам необходимо ответить на вопрос: что такое религиозное чувство? Является ли оно врожденным свойством человеческой души или приобретает в последствии? Христианство учит, что религиозное чувство является главным субстанциональным качеством души как

образа и подобия Божиего; в нем главное отличие человека от животного. У животного имеется эмоциональный мир, может быть, не менее динамичный, чем эмоциональный мир человека. У животных существует в примитивных формах то, что можно назвать рассудком, то есть умение находить связь между причинами и отдаленным следствием и делать выбор в меняющихся ситуациях. У животного имеются инстинкты более тонкие, чем у человека, но у животных никогда не было обнаружено религиозного чувства. Здесь принципиальное различие между человеком и теми, кого привыкли называть его "меньшими братьями". Но религиозные чувства, как и остальные способности человеческой души, можно развить и заглушить.

Религиозная жизнь человека является синергизмом двух волей: Божественной и человеческой, двух действий - благодати совершающей и ответа человека, принимающего благодать. Воля имеет не только аспект выбора; более важное свойство воли - это сосредоточение и внимание, поэтому у духовных писателей воля и внимание часто выступают синонимами.

Ребенок еще во чреве матери воспринимает поступающие к нему сигналы, то есть внимает им; это уже важное действие. Однако выбор определяют во многом родители и среда. Психологи отметили интересный факт: обучение до рождения. Оказывается, ребенок тянется к своей матери потому, что узнает ее голос. Это обучение происходит в плане, пока что недоступном нашему анализу. Сюда включается и состояние души матери, то, что можно назвать духовной гигиеной. Духовный опыт народа предписывал матери во время беременности читать продолжительные молитвы и часто причащаться. Естественно, мать читает молитвы и причащается, не спрашивая ребенка, хочет ли он слушать молитвы или участвовать через состояние матери в церковных таинствах. Можно ли рассматривать чтение матерью молитв как принудительное участие в этом младенца? Замечено также, что грехи и преступления, совершенные матерью в период беременности, тяжелыми впечатлениями ложатся в душу ребенка и впоследствии предрасполагают его к тем же грехам. Ребенок должен быть окружен определенной духовной атмосферой, которая необходима ему, как свет растению. В духовном мире нейтральных состояний не бывает. Когда исчезает поле светлых сил, то вакуум заполняется темными сатанинскими энергиями; где нет добра, там возникает зло.

Все христианские конфессии, а также секты, отрицающие крещение младенцев, согласны, что религиозное чувство врожденно человеку, как инстинкт вечности, оно может быть искажено и заглушено, но полностью уничтожить его невозможно. Оно есть данность человека, которую необходимо развить. Дети стоят ближе к духовному миру. Наблюдая за маленькими детьми, психологи свидетельствуют, что они видят в физическом пространстве то, чего мы не видим. Часто взор ребенка фиксирует то место, которое кажется нам пустым, он эмоционально реагирует выражением лица или плачем на присутствие неких духовных существ, а плач ребенка - это средство самопроявления, сигнал, который может отражать целую гамму его эмоций, недоступных для нашей расшифровки.

Является ли крещение младенца насилием над его свободной волей? Если свободная воля рассматривается как возможность и право выбора, то здесь происходит выбор между духовной жизнью и духовной смертью. В этом выборе родители являются не посторонними лицами, а людьми, соединенными с ребенком любовью и ответственными за него. Что приобретает ребенок при крещении? Он становится членом Церкви, получает благодать как неистребимую печать в своем сердце. Его жизнь протекает под покровом светлого духа, который называется ангелом-хранителем; тем самым крещение - это начало жизни во Христе. Чем раньше благодать начнет действовать на душу ребенка, чем менее он будет подвержен космическим импульсам зла и греха, тем правильнее сформируется его характер, тем глубже и действеннее будет его общение с Богом.

Что теряет ребенок, получив крещение? Нам ответят: его не спросили, то есть лишили возможности выбора. Но ведь главный вопрос - правильно или нет сделан выбор. Если христианство истинно, то органическое включение ребенка в Церковь как в поле истины - самое большое благо, которое могут совершить для него родители. Но если бы даже

христианство не было истиной, то ребенок ничего бы не терял; крещение было бы пустым обрядом. Нам могут ответить: но человек как свободное существо имеет право и на ошибку выбора. Права на ошибку, как и на грех, не существует; имеется возможность ошибки. Но допустим и это. В таком случае человек, который предпочтет христианству другую религию, перейдет в нее, не считаясь с крещением, так как, отвергая христианство, он отвергает и силу крещения и ответственность за него; поэтому здесь христианство не является некой физической преградой или лишением человека права на духовное самоопределение [1].

Баптисты говорят, что преждевременно получивший благодать может не понять этого дара, согрешить против благодати и потерять ее. Во-первых, без благодати тот же человек согрешил бы еще сильнее; во-вторых, после крещения человек, испытавший действие благодати, не становится безгрешным в том смысле, что никто не удерживает в себе полноту благодати. Каждый день христианина омрачен грехом, и вся жизнь ревностного христианина является тяжелой мучительной борьбой с грехом и злом в его душе. Здесь победы чередуются с поражениями, поэтому премудрый Соломон пишет: ***семь раз упадет праведник и встанет*** (Пр. 24, 16). Свет благодати открывает в человеке бездну его греха. Напротив, нередко порочные, испорченные люди считают себя праведными и безгрешными.

Вопрос о крещении связан с различными взглядами православных и протестантов на следствие первородного греха и действие благодати на человека. Православные считают, что первородный грех внес глубокое расстройство в психофизический организм человека на всех его уровнях, однако не уничтожил образа и подобия Божия в человеке как потенциал добра и волевою самоуправляющуюся монаду. Протестантизм склонен думать, что первородный грех уничтожил добро в человеке, и сам человек способен только ко греху и злу.

В православной сотериологии человек - активный соучастник своего спасения, соратник Богу на ниве своей души. Утверждая, что спасение совершается через действие благодати, Православие подчеркивает необходимость содействия ей самой человеческой личности. Эти взаимодействия души с благодатию Божией и, с другой стороны, - с импульсами сатанинских сил, проникающих в душу извне, и со страстями, гнездящимися в самой душе, создают сложную картину духовных состояний человека. Усвоение благодати, этот внутренний путь к Богу, является непрестанной духовной борьбой, оканчивающейся только со смертью человека. Протестантизм придерживается идеи пассивности человеческого начала перед действием благодати, поэтому принятие Духа Святаго рассматривает не как процесс, а как акт, который поддерживается верой человека, уверенностью в своем спасении; человек, получивший спасение в крещении, выражает посредством добрых дел свою благодарность. В протестантизме нет глубокого анализа внутренней жизни человека. Тщательно разработанная в православной аскетике стратегия борьбы с демоническими искушениями и страстями, учение о молитве и так далее чужды протестантизму. Протестантизм развил бурную миссионерскую деятельность, разработал методы бесед и проповедей, дискуссий и полемик с привлечением обширного арсенала научных открытий и гипотез, широко использовал метод психологического воздействия. Он практикует благотворительность, способствовал переводу Священного Писания на языки различных народов и племен, но так и застыл на катехизаторстве. Если духовное рождение - это акт наития и благодати, и человек уже спасен, лишь бы у него была уверенность в своем спасении, то литургия и аскетика становятся малоценными. Протестантизм потерял мистическую глубину и из Церкви сделал собрание, выражение человеческой солидарности.

Вера баптиста - это уверенность в своем спасении, то есть субъективный процесс. Поэтому баптисты вошли в союз с евангелистами и пятидесятниками, отрицающими необходимость крещения, а также с меннонитами, которые, подобно кальвинистам, учат о божественном предопределении, разделившем мир на две части: спасенных и погибших, вне жизни и воли самих людей. Сектанты игнорируют длительную борьбу благодати и греха в сердце человека, а считают спасение мгновенным актом преобразования души благодатью. Они низводят веру со степени духовных интуиций и проникновений в мир вечных сущностей до субъективного переживания радости о своем избранничестве. Для них вера - это убежденность в своем спасении. Баптисты не понимают, почему надо крестить младенца,

в каких внутренних муках рождается душа для Христа, пока, по слову апостола Павла, "не изобразится в душе Христос" (Гал. 4, 19).

Семейная жизнь и воспитание ребенка - сложный процесс. В семье осуществляются многогранные взаимоотношения между супругами и детьми, но главная идея христианской семьи - это союз во Христе, как говорит апостол Павел, "домашняя церковь" (Рим. 16, 4). Для христианина религиозный аспект семьи имеет первенствующее значение. Основа семьи - это треугольник: муж, жена и ребенок. Сюда могут быть включены другие члены, но главный треугольник остается. Дети до крещения являются членами семьи в биологическом, психологическом и юридическом значениях, а в религиозном аспекте они выпадают из понятия членов домашней церкви; следовательно, духовное единство семьи еще не осуществлено, и главная идея единства в мистической благодатной жизни только предполагается, но реально отсутствует. Семья без детей всегда расценивалась как ущербная; было только одно исключение: когда супруги добровольно отказывались от брачной жизни и посвящали себя Богу, но тогда образовывалась другая форма и структура взаимоотношений, не совпадающая с понятием семьи.

При ограничении прав родителей крестить своего ребенка религиозный аспект семьи разрушается, ребенок низводится на степень оглашенного, который является только учеником, но не членом Церкви. Мы говорим о праве крестить детей, потому что, по слову древнего апологета, "душа - по природе христианка". Если бы был выбор между религиями как выбор между мистическими путями и дорогами к Богу, тогда было бы понятно, что человек может выбрать путь, соответствующий его призванию и индивидуальности. Но христианство не имеет альтернативы, которая могла бы заменить его. Перед человеком два пути: к жизни и к смерти, к Богу и к дьяволу. Вне крещения человек находится под печатью первородного греха, во власти вечной смерти. Родители не знают, спасутся ли их дети, но они надеются. Вера, надежда и любовь родителей, желание ребенку блага, как себе, и соучастие его в вашем благе благодати - вот нравственные основы крещения. Ребенок может не оправдать крещения, но и получивший крещение в старости также может не оправдать его. Противостоит вере гордыня, а заповедям - развращенная воля. Рождая физически ребенка, мать тоже не знает, что выйдет из него и оправдает ли он в своей жизни имя человека, однако она надеется, что ее ребенок будет ее утешением и счастьем, поэтому даже плотское рождение соединено с верой, надеждой и любовью.

Господь после крещения от Иоанна удалился в пустыню, где был искушаем от демонов. Христианину предстоят искушения и борьба. После крещения покой бывает только кратким утешением, как бы отдыхом, а истинный покой - в благодати, в состоянии будущей жизни, в тайне вечности, - покой, который завоевывается в жестокой борьбе.

Ветхий Завет содержит в себе не только пророчество о Мессии, но и прообразы Нового Завета. Таинство крещения является воссоединением человека с полнотой Церкви через жертву Христа в Духе Святом. Первый плод крещения - прощение первородного греха, через который осуществилась власть демона над человеком. Прообразом этого таинства в Ветхом Завете служил обряд обрезания, который стал обязательным со времен Авраама, но существовал еще до Авраама у многих народов мира. Первым плодом этого обряда являлось включение ребенка в ветхозаветную Церковь. Он становился членом религиозной общины. Обряд совершался в восьмой день. Восемь - знак вечности. Обряд указывал на предназначение человека к вечной жизни. Во время обряда младенцу давалось имя, - знак спасения. Метафора *имя, записанное в книге жизни*, часто встречается в Библии. Имя - принадлежность личности. Ангелы и люди имеют имена. У животных нет имени, а есть кличка как звуковой сигнал. Имя - достоинство человека, имя носит в себе идею возможности принадлежать к небесной Церкви. Обрезание крайней плоти имело два значения: первое - нравственное, борьба со страстями. Здесь берется половая страсть как концентрат всех страстей, которые надо обуздывать силой ума и воли. Это указывает на будущее очищение души от первородного греха, который человек получает в крещении. Второе - мистический аспект, посвящение потомства Богу, так как Потомок Адама должен,

по божественному обетованию, "стереть голову змея"; другими словами, обряд поддерживал веру в рождение Мессии.

Крещение - это исполнение обетования и воспоминание о смерти и воскресении Спасителя. Обряд обрезания соединен с пролитием крови младенца, которое указывает на искупительную жертву. В Библии содержится категорическое повеление Аврааму об обрезании его семьи, домочадцев и рабов. Эта заповедь повторно дается Моисею, она распространяется на пришельцев, живущих среди израильтян и составляющих вместе с ними одну религиозную общину. Прообраз не может содержать ложную идею; обрезание младенцев в Ветхом Завете свидетельствует о необходимости присоединения младенца к Церкви (ветхозаветной), что в новозаветное время совершается через таинство крещения. Все возражения баптистов против крещения младенцев с таким же основанием можно отнести к обряду обрезания младенцев. Божественное повеление подтверждало необходимость этого обряда; значит, еще более необходимо раскрытие и исполнение его символов и пророчеств в Новом Завете, то есть таинство крещения. Если баптисты говорят, что время Ветхого Завета прошло, то и мы согласны с этим, но именно потому, что Ветхий Завет раскрылся, исполнился, осуществился в Новом Завете, как зерно, умирая в земле, продолжает жить и раскрывается в колосе пшеницы.

В Послании апостола Павла к Колоссянам явно указывается связь между обрядом обрезания и крещения как прообразом и его исполнением. **Обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; быв погребены с Ним в крещении** (Кол. 2, 11-12). Вне крещения не может быть спасения, потому что только в таинстве крещения Голгофская Жертва становится жертвой в отношении к крещаемому, как бы принесенной лично за него. До пришествия Христа на землю души умерших сходили в ад, в том числе души младенцев. Если бы младенцы могли быть спасены одной своей личной невинностью, несовершенством сознательных грехов на уровне рефлексивной одиночности своих действий, то тогда и во времена Ветхого Завета души младенцев не сходили бы в ад, дожидаясь времени искупления и спасения. **Кто родится чистым от нечистого? Ни один** (Иов. 14, 4).

В Посланиях, а особенно в Деяниях святых Апостолов рассказывается о крещении целых семейств. После проповеди Апостолов в Самарии принимали крещение села, то есть все их жители. В Деяниях апостолов указано, что крестился дом темничного стража и дом начальника синагоги Криспа (Деян. 16, 33; 18, 8), дом Стефана (1 Кор. 1, 16). Под домом подразумеваются все члены семьи, родственники, а также слуги и рабы, если они дают согласие в юбилейные годы пребывать с хозяином до самой смерти. Возражение, что в этих семьях не было детей, малоубедительно, оно не выдерживает критики. Крисп, который со своим домом принял крещение, был начальником синагоги. По законам Талмуда, ни раввином, ни начальником синагоги не имеет право быть человек, не имеющий детей, так как это воспринималось как знак наказания и отвержения. Многочисленность детей и потомков считалась наградой за праведность, поэтому бесчадие иудея или его взрослых детей преграждало ему путь к каким-либо должностям в синагоге.

В книге Бытие (17, 11) обрезание названо **знаменем завета**, знаком союза (крещение - это вхождение в Новый Завет, осуществление союза). Этот обряд в новозаветной Церкви исчез не потому, что он был признан ошибочным, а потому, что он осуществился с приходом Мессии. **Необрезанный... мужеского пола... в восьмой день истребится... ибо он нарушил завет** (Быт. 17, 14). Эта казнь нарушителей завета - прообраз вечной смерти тех, кто остался без крещения.

Второй прообраз таинства крещения в Ветхом Завете - это Ноев ковчег (1 Пет. 3, 18-21). Вместе с тем это образ Церкви, в которую человек входит через крещение. В волнах всемирного потопа погибло все человечество, кроме тех, кто вошел в ковчег, в том числе погибли дети и младенцы. Грех был уничтожен вместе с грешниками, так как в то время еще не было Церкви Христовой и возрождающего действия ее, которое могло бы исцелить душу человека, положить разделение между человеком и грехом, дать силы человеку противостоять тому потоку греха, зла и разврата, который покрыл землю до водного потопа.

Еще один ветхозаветный прообраз крещения - прохождение израильтян через Чермное (Красное) море. **Все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море** (1 Кор. 10, 1-2). Облако - символ благодати, море - купели крещения. Сам Моисей - прообраз Христа в смысле пророческого служения. Через Моисея дан Ветхий Завет, через Христа - Новый Завет. Израильтяне вышли из Египта вместе со своими семьями, они прошли по дну расступившегося моря, держа на руках своих детей и младенцев, следовательно, в событиях, имеющих прообразовательный смысл, участвовали младенцы.

Если младенцы не способны к осознанной вере на уровне суждений, то они не лишены другого аспекта - веры на уровне интуиций и мистических переживаний. Господа окружали дети; ученики Христа, видимо, считая, что дети неспособны к пониманию Евангелия, не допускали их ко Христу, но Господь сказал: **Не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное** (Мф. 19, 14). Вряд ли эти слова можно понять только в буквальном смысле. Душа приходит ко Христу через действие благодати. Дети ощущали благодать, потому спешили ко Христу, встречали и окружали Его, между тем как их отцы, обученные букве закона, проявили большую холодность. Особенно это было видно во время торжественного входа Господа в Иерусалим, называемого Вербным Воскресением. **Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу** (Мф. 21, 16, ср. Пс. 8, 3). Сердце детей оказалось более восприимчивым к Свету Евангелия, чем изоощренные умы иудейских книжников. В Евангелии от Марка написано, что Господь благословил детей и возложил на них руки. Благословение - это священнодействие, значит, дети были способны и готовы принять благодать Божию.

Одной из важных причин крещения младенцев в самом раннем возрасте служит неизвестность срока человеческой жизни. Апостол Павел говорит о том, что день спасения - сегодня, а завтрашний день для нас неизвестен. Смерть посещает не только глубоких старцев, стоящих на краю могилы, но умерщвляет детей, как серп земледельца срезает вместе с пожелтевшей травой еще не распустившиеся цветы. Она вырывает младенцев из рук матерей. Надписи на могильных плитах говорят о том, сколько детских душ ушло в неведомый мир еще до того, как они начали произносить первые слова. Мы не владеем временем, а время владеет нами.

Будущее неведомо и непроницаемо для человека, как темная бездна. Смерть - это разлучение души и тела. После смерти крещение души невозможно. Душа идет в вечность с клеймом первородного греха не как волевой участник преступления, а как потенциальный носитель зла, уходит, не возрожденная благодатью, не получив крещения водой и духом, без которого, по слову Спасителя, никто не может получить Царствия Небесного (беседа Христа с Никодимом). Нужно как можно раньше ввести ребенка в поле действия благодати. До крещения благодать Божия действует извне, после крещения она обитает в сердце человека. О том, что ребенка надо воспитывать с самого рождения, знали уже древние мудрецы. Однажды мать принесла ребенка к Сократу с просьбой научить, как воспитывать его. Сократ спросил: "сколько ему лет?" Мать ответила: "Два года". Сократ сказал: "Поздно, теперь надо перевоспитывать". При крещении ребенка мы стремимся к тому, чтобы благодать с самого раннего возраста, действуя в нем, невидимо воспитывала и учила его.

Примечания:

[1] В современной церковной практике известны обращения к духовенству с просьбой "раскрестить", исходящие от тех, кто впадает в ту или иную форму сатанизма. При этом просящие утверждают, что крещение мешает их оккультным занятиям. - *Изд.*

О почитании святых

Все протестантские деноминации и секты категорически отрицают молитвенное призывание святых, основываясь на том, что единственный посредник и ходатай за человеческий род перед Богом - Иисус Христос и что, поклоняясь святым, мы этим самым похищаем славу у Бога и отдаем ее подобным нам людям. В поклонении святым

протестанты усматривают тайное идолопоклонство и считают, что языческий пантеон вторгся в Церковь, скрыв своих богов под другими именами. Из всех протестантских конфессий только одна англиканская Церковь допускает гимны в честь святых, где прославляются их подвиги и добродетели, но отсутствует молитвенное призывание. В сущности эти гимны носят не литургический, а нравственно-дидактический характер на уровне нравоучительных повествований. Ответим сначала на вопрос: почему мы почитаем святых?

Слово "святой" многие люди понимают как "высоконравственный человек". В миру эти понятия часто употреблялись как синонимы. Человека, бескорыстно преданного своему делу, называли святым, доброго и милостивого называли святым. Между тем, нравственная сторона личности - это только одно из условий святости, а сама святость означает гораздо больше: близость человека к Богу, соединение благодати Божией с душой человека, озарение всего его существа вечным нетленным Божественным светом. Святой - это нерукотворный храм, в котором Божество невидимо обитает присутствием и явлением Своих сил, поэтому, прославляя святого, мы прежде всего прославляем Бога, избравшего его, освятившего его и таинственно живущего в нем. Мы не отнимаем славу от Отца, когда прославляем детей, которых Он воспитал. Мы не унижаем полководца, прославляя воинов, потому что их победа - это его победа. Мы поклоняемся святому прежде всего как храму, в котором обитает Бог. В то же время спасение - это синергизм двух волей - Божественной и человеческой: Божественной, которая пробуждает человека к духовной жизни и дает силы бороться с грехом, и человеческой, которая принимает благодать и покоряется ей; поэтому, прославляя Бога, мы прославляем подвиг жизни святого - человека, подобного нам, но в отличие от нас имевшего пламенную решимость скорее умереть, чем отдаться во власть греха. Мы прославляем человека, по природе подобного нам, но преображенного благодатию Божией и вознесенного ею на ангельскую высоту.

Прославление святого заключается прежде всего в молитвенно-литургическом почитании, а затем в воспоминании его жизни, которая является назиданием для нас как пример исполнения Евангелия для посильного подражания ему. Мы прославляем святого, как прославляем победителя, потому что святость - это венец тяжелой борьбы с демоническими силами, с языческими обычаями и предрассудками мира, которые опутывают человека, как сеть, брошенная гладиатором на своего противника, и с самим собой, со страстями, восстающими на дух. Святость - это соответствие человека своему высшему предназначению. Слово *церковь* означает сосредоточие, собрание. И это собрание или единство наиболее полно осуществляется в литургической жизни. Молитва к святым - это вера в единство земной и Небесной Церкви, реальное присутствие Небесной Церкви в сакральном пространстве храма. Прославление святых - это вера в бессмертие души, которая общается с живущими на земле. Господь сказал: ***Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова, Бог не есть Бог мертвых, но живых*** (см. Мф. 22, 32; Мк. 12, 26-27; Лк. 20, 37-38).

Молитва - это лучи духовной любви. Апостол Павел сказал, что в будущем веке упразднятся вера и надежда, но останется любовь. Вера исчезнет, так как мы воочию увидим то, во что верим, надежды не будет, так как исполнится то, чего мы ожидали, а любовь останется; не только останется, но в вечной жизни будет похожа на разгорающееся пламя. Вечная жизнь - это вечное приближение к Богу. Способность любить имеет свои измерения, и любовь становится все более глубокой и интенсивной. Любовь - содержание будущей жизни, поэтому мы обращаемся к святым с молитвой. Молитва, как и любовь - свободный акт человеческой души. Молитва - одно из условий общения земных с небесными. Любовь деятельна, святые желают нам добра, может быть, больше, чем мы сами желаем себе, но они не вмешиваются насильно в нашу жизнь. Само добро несовместимо с насилием, поэтому святые ждут нашей обращенности к ним, и этот диалог осуществляется в молитве, особенно в храмовой молитве.

Из Священного Писания мы знаем, что святые обладали особыми дарами Духа Святого: исцеляли больных, избавляли от смерти, прогоняли демонов, предсказывали будущее, видели на расстоянии, знали мысли и так далее. Бог - это Дух, вездесущий, вневременной и

внепространственный. Святые видят и слышат нас в Духе Святом. Некоторые сектанты говорят, что душа после смерти до Страшного суда находится в состоянии сна, однако сон - это состояние тела, а не души. Нервная система - это пограничная полоса между душой и телом, но структурно она относится к миру физическому. Во сне происходит восстановление, очищение нервной системы, обработка информации, полученной человеком, но душа в это время не спит; состояние сновидения - это ее деятельность при уменьшении телесных импульсов и активизации подсознания. Если бы душа умершего погружалась в состояние беспамятства и забытья, то любовь не могла бы оставаться в душе после смерти. Любовь же динамична и активна. Сектанты возражают нам, что в ветхозаветной Церкви отсутствуют праздники в честь святых, гимны и молитвы Церкви в честь святых. В ветхозаветное время души праведников сходили в ад, ожидая своего искупления. До распятия и воскресения Христа Спасителя между землей и небом пролегал непроходимая пропасть, поэтому святые сами нуждались в искуплении и спасении, сами находились во временной власти демона и ада. Человечество должно было быть вначале искуплено и земля соединена с небом, тогда человеческая природа в Лице воскресшего и вознесшегося на небеса Спасителя и спасенных Им праведников стала достойной прославления и вечной жизни. Славить того, кто находится в аду, и просить тех, кто еще разлучен с Богом, было бы преждевременно и поэтому бессмысленно.

Любовь расширяет пределы человеческой жизни. Есть изречение: "Живет тот, кто любит, и живет настолько, насколько умеет любить".

В сферу общения христианина входит не только ограниченный круг людей, с которыми он встречался и был связан в этой жизни, но и огромное поле всей священной истории человечества, световыми вершинами которого являются святые. Они пребывают духом или волей своей в Церкви. Мы осуществляем общение со святыми через молитву. Это мистическая связь. Существует еще онтологическая связь: и они и мы включены в единое духовное тело Церкви, тело Христа. У нас один ходатай пред Богом - Христос, в том смысле, что Голгофская Жертва - это единственный путь, по которому человек может прийти к Небесному Отцу. Кровь Авеля, пролитая его братом, вопияла к небу об отмщении, кровь Христа ходатайствует о нас и умоляет Бога о прощении. Что же касается ходатайства святых, то они являются нашими сомолитвенниками и старшими братьями. Они молитвенно ходатайствуют пред Богом о нас, чтобы Бог по любви к ним дал бы нам те блага, которыми одарил их и сделал бы достойными этих благ. Их молитва тоже жертва, но если Господь на кресте искупил нас Собой, то святые просят, чтобы Господь одарил нас так, как их, услышал нас так, как услышал их, то есть себя (как объект Божественной любви) заменяют нами. Любовь хочет страдания других взять на себя, а свою радость разделить со всеми. Любовь - это мистическое единство, которое не интегрирует личности: каждая из них, оставаясь собой, живет другим и в другом, отчего ее жизнь становится более глубокой. Рай - это море света, где лучи любви идут от одного ко всем и от всех к одному.

Протестанты, будучи чужды мистики и литургических глубин Церкви, сравнивают ее с пантеоном богов. Но язычество - это замена единого абсолютного и трансцендентного Божества космическими и историческими феноменами, олицетворенными и облеченными в форму мифов. Язычество как религия хтонических (земных и подземных) богов вырождается в демонопоклонение и демонологию с магией, с магическими ритуалами, экстатическими прорицателями, оргиями и гекатомбами, вакханалиями и сатурналиями. Это атрибуты языческого мира, к какому бы региону он ни принадлежал. Этот кипящий страстями демонический мир язычества, языческих богов, враждующих и соперничающих друг с другом, объединился в единый военный лагерь против Церкви Христовой. Там не было альтернативы: или сатана в многоликом виде Пана, Сатурна, Шивы, или Христос. Христос победил ад и мир. Силою Христа святые побеждают грех. Их жизнь - уподобление Христу. О них сказал Господь: **Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет** (Ин. 12, 26). Христос невидимо пребывает в Церкви, следовательно, и они в Церкви с Христом.

Языческий Рим, воздвигший пантеон как свой духовный акрополь, посылал христианских святых на съедение голодным львам и в пламя костров, а теперь протестанты сравнивают с пантеоном сонм христианских мучеников, отдавших жизнь за имя Христа. Разорвав связь между земной и Небесной Церковью, отвергнув молитвы святых, протестанты логически должны были отвергнуть молитвы христиан за умерших. По мнению протестантов, Церковь бессильна помочь тем, кто перешел за грань земного бытия. Там их ожидает только одно - возмездие. Там человек находится в некоем вакууме, изоляции. Апостол Павел говорит, что любовь пребывает во веки (см. 1 Кор. 13, 8). Сектанты лишают умерших любви, предоставляя их себе самим. Это безразличие или беспомощность, которая превращается в жестокость к умершим, несовместима с потребностью человеческого духа помогать не только живущим на земле, но и тем, кто ушел в другой невидимый мир. Для протестантов ад - это Аид, где нет надежды, куда не проникают лучи любви и молитвы.

В ветхозаветной Церкви было почитание Ангелов. Изображение Херувимов стояло в алтаре иерусалимского храма. Господь сказал, чтобы никто не унижил в своем сердце даже ребенка, потому что его Ангел-хранитель видит лицо Небесного Отца (Мф. 18, 10). Если малое дитя достойно уважения ради его Ангела, то какого почитания требует достоинство самого Ангела, - а святой, по словам псалмопевца, "в малом умален от Ангела" (Пс. 8, 6): Ангел уже утверждён в добре и благодати, а святой до конца земной жизни находится в огне духовной борьбы. Господь дал людям, народам и странам Ангелов-хранителей. Библия повествует о том, что Ангелы принимают участие в Священной истории мира. Ангелы - духи, пребывающие в благодати Божественной любви. Помогать людям - не обязанность Ангелов, а их духовная потребность и желание. Они любят людей как образ Божий; они любят людей потому, что за человеческую душу отдал Себя на распятие Сын Божий. Они любят людей, потому что сама любовь хочет распространить благо на других; она подобна вину, переливающемуся через края чаши. Святые по мере сил своих подражали Христу; дело Христа - спасение человечества, поэтому святые должны продолжать дело Христа, способствовать спасению людей и каждого человека. Они - носители добра, но они, выражаясь современным языком, не интервенты добра, любовь их деликатна. Они помогают нам невидимо и ждут, пока мы не призовем их. Каждый человек чувствует в сердце своем светлые и темные импульсы, идущие, как волны, из двух миров. Если он обратит свое сердце к миру света, к душам, ставшим по благодати Божией хриstopодобными и богоподобными, к Ангелам и святым, то он будет чувствовать себя не одиноким и оставленным перед силами зла, а в великой духовной семье, где его братья придут к нему на помощь, защитят его, не оставят в руках демона, обольстителя и человекоубийцы. Святых можно сравнить с опытными воинами, которые провели всю свою жизнь в духовной борьбе, знают силу и хитрость духов ада, знают нашу немощь, сострадают нам и готовы придти на помощь тем, кто призывает их имена. Протестанты же превратили сакральную Церковь в только земную общину, разрушили связь между землей, небом и преисподней.

О поклонении мощам святых

Тишина многолика. Есть задумчивая тишина гор, есть гулкая тишина ущелий, есть тишина ледников - непроницаемая, как стена из стекла, есть тревожная тишина леса, есть давящая тишина подземелья, есть таинственная тишина древних храмов и башен, есть еще особая, наполняющая душу покоем и миром тишина - это тишина кладбища.

Кладбище как будто хранит на себе печать вечности; это проникновенная тишина, которая говорит без слов. Каждая могила - тайна. Некоторые могилы похожи на колыбель спящего ребенка, другие - излучают из себя невидимый свет; есть могилы, из глубины которых, кажется, доносится стон и мольба. Кладбище - это островок другого мира, в ограде которого еле слышен глухой гул города, подобный шуму бьющихся о берег морских волн. Он не нарушает, а как бы контрастом подчеркивает покой и тишину кладбища. Могила - это не только видимый знак конца земного пути, точка, поставленная под строкой человеческой жизни, это не только визуальная память о смерти; могила - нечто другое. Могила - отпечаток

человеческого духа, который перешел в вечность, и того состояния, в котором он ее встретил. Около некоторых могил так легко и радостно, другие кажутся сдавленными тяжестью могильной плиты, как будто камень лежит на чьей-то груди. Каждая могила - это повесть, которую чувствует человеческое сердце, но не может прочесть ее тайнопись. Недаром почти у всех народов, даже у язычников, гробницы - жилища мертвых - почитались больше, чем жилища живых.

Древние христиане любили совершать богослужения, особенно литургию, в подземных кладбищах-катакомбах, на гробницах, где престолом-жертвенником служили гробницы христиан-мучеников, - не только потому, что над ними висел дамоклов меч гонений, но потому, что их сердца ощущали здесь особую благодать.

Баптисты проявляют по отношению к усопшим большее безразличие, нежели язычники и иудеи, так как у тех существуют погребальные ритуалы и молитвы о упокоении усопших. Доктрина баптистов о спасении одной личной верой обратилась в жестокость и беспомощность по отношению к тем, кто перешел грань земного бытия. Усопшие не только оставлены лежать в вырытых в недрах земли могилах, но и заключены в духовных могилах своих поступков и деяний, которые, как и все человеческое, пронизаны тлением и грехом. Баптисты приносят в жертву своему вероучению самую главную ценность - любовь, которая всегда действенна и динамична. Баптистский утилитаризм знает только живых членов своей общины.

Один известный философ-гегельянец заказал в церкви литургию об упокоении своих усопших родных. Когда его коллеги выразили удивление тому, что человек, отрицающий бессмертие души, идет в церковь молиться об упокоении душ усопших, он ответил: "я не знаю, что происходит, разум мой не может дать мне ответ, но сердце мое чувствует, что во время литургии мы вместе, литургия вновь соединяет нас".

Баптизм отрицает поклонение святым мощам и святыням. Баптисты ссылаются на Ветхий Завет, где прикосновение к мертвому телу считалось осквернением и требовало ритуального омовения и очистительной жертвы. Ветхозаветный священник и назорей не имели права прикоснуться к трупу даже самого близкого им человека. Но в Ветхом Завете смерть воспринималась только как следствие и образ греха; даже для праведников смерть была переходом в ад. В земной жизни человек был несчастным изгнанником из рая, а по смерти бездна преисподней смыкала над ним свои уста. Какое почитание мощей и поклонение им могло быть в то время, когда человечество потеряло благодать, когда даже души праведников были отлучены от Бога и власть сатаны простиралась над ними, когда в ад не проникали лучи небесного света? Тело человека истлевало в земле, а душа сходила в преисподнюю, где пребывала в томительном ожидании пришествия Спасителя мира.

Смерть и Воскресение Христа были новой духовной верой, победой над смертью и адом. Воскресение Спасителя из мертвых стало образом будущего воскресения, явлением Божественной силы, которая воскресит и преобразит весь физический план вселенной. Тела воскресших праведников станут подобны телу Воскресшего Христа, то есть будут преображены Духом Святым. Эта тайна открылась на Фаворе, когда Божественный свет Христа сделал сияющим, подобно свету Солнца, Его Тело и белым, как снег, Его одеяние. Преображение Христа на Фаворе - это свидетельство о будущей славе святых небесной Церкви. Бог в Своем существе за пределами миру, но в Божественных энергиях сообщается с миром, пребывает в нем, освящает не только душу, но и тело человека. Мистическое видение благодати Церковь запечатлела в иконографическом изображении святых, окруженных нимбом света. Праведники пребывают в Духе Святом, они соединены Божественным светом и излучают свет. Израильяне не могли смотреть на лицо Моисея, когда тот спустился с Синая, где беседовал с Богом, от сияния благодати, и просили, чтобы пророк закрыл лицо свое покрывалом. От случайного прикосновения к костям пророка Елисея воскрес мертвый. Гробницы праведников источают жизнь. Вечная жизнь начинается во времени, Небесное Царство - на земле в стяжании Духа Святаго.

Каждый из нас в своей жизни видел лица, озаренные светом изнутри, которые казались прекрасными. Иногда мы думаем: "как этот человек похож на Христа!", но похож не по

внешнему виду и по чертам лица, а по благодати, которая преображает его, светится в его глазах, лежит как печать небесного покоя на его лице, дышит в его словах, делает его молчание подобным таинственной беседе. Это явление Духа Святого в физическом плане. Каждый из нас может подтвердить по своему внутреннему опыту, что с одними людьми нам легко и свободно, как будто в их присутствии какая-то грязная чешуя или жесткая заскорузлая кора спадает с нашей души; нам с ними радостно, словно вернулось наше детство, еще не омраченное грехами и страстями. В общении с ними мы ощущаем новые силы, прилив духовной энергии, полученной от них. Мы знаем и другое, когда на лицах людей лежит печать греха, как клеймо каторжанина, выжженное раскаленным железом; кажется, сами глаза такого человека говорят, что он готов совершить любое преступление. Даже внешне красивые лица внезапно предстают перед нами, как залитые кровью лица убийц, безобразными и отталкивающими. Нам кажется, что такие люди излучают гнетущую, мрачную тьму, особенно их глаза; от общения с ними мы испытываем тяжесть и опустошение, как будто невидимый вампир присосался к нам. У святых даже одежда и вещи имеют чудодейственную силу, например, в Ветхом Завете жезл Моисея и милоть (мантия) пророка Илии, а в Новом Завете - убрусы (головные покрывала), которые носили Апостолы, и оковы апостола Петра.

Каждый из нас может свидетельствовать своим внутренним опытом, что не только люди, но даже местности, дома и вещи имеют свое духовное лицо, свой темный или светлый фон. В некоторых домах нам легко и хорошо, мир водворяется в сердце, забываются все наши заботы и противоречия, мы перестаем думать о греховном и суетном. Уже древние заметили, что дух человека как бы "отпечатывается" на его вещах. Так и наоборот, "есть дома, где какая-то тяжесть давит грудь, где человек чувствует тоску и тревогу, ему хочется поскорее покинуть это место, бежать оттуда. Есть места, где человек дышит полной грудью, вдыхает чистый воздух, как в горах или саду. А есть дома с роскошной обстановкой, тщательно убранные, как будто каждая вещь вылизана языком, и в то же время чувствуется, что атмосфера этого дома пропитана миазмами; человек ощущает липкую, зловонную грязь, как будто разлитую вокруг него. Есть места, где внезапно содрогается душа, ей кажется, что здесь совершилось преступление и пролилась человеческая кровь. Особенно поражены этой "черной радиацией" греха те дома, где занимались колдовством, гаданием, спиритизмом и так далее.

Темные и светлые силы проявляются в физическом плане: человек может стать причастником Божественной благодати и медиумом демонического мира. Мы почитаем не только мощи святых, но их гробницы и дома, в которых они жили, одежду, в которую они одевались; их вещи хранят благодать, как сосуд, в котором содержалось миро, сохраняет его благоухание. В Новом Завете смерть перестала быть преддверием ада, для святых она - встреча со Христом, начало истинной жизни, переход в царство света. Не только душа, но и тело человека причастны благодати, в противном случае какой смысл имеет воскресение мертвых? К вечной жизни предназначен человек как личностное духовнотелесное существо. По воскресению из мертвых тело подобно душе (одухотворено), а душа подобна телу (будет иметь видимый образ).

Церковь открыла нам еще одну тайну, связанную с воскресением мертвых. Тело человека взято из земли, оно содержит в себе все физические элементы и, кроме того, энергетические структуры космоса. Человек представляет собой всю вселенную в миниатюре, поэтому некоторые из древних философов и отцов Церкви называли человека микрокосмом. Чтобы подчеркнуть эту связь и зависимость, у древних мистиков видимый мир иногда аллегорически изображался в образе человека. Душа человека, как дыхание Божественных уст, принадлежит духовному миру. Человек - звено между двумя мирами, более того, эти миры содержатся в нем самом, во взаимосвязи его души и тела. Человек - венец Божественного творения, им заканчивается последний акт создания видимого мира; как царь олицетворяет собой свою державу, так человек является представителем космоса в духовном мире.

Разорвав союз с Богом, человек отдал во власть смерти и ада не только себя, но вверг весь материальный мир в бездну тления и грубой овеществленности. В материальном мире произошла глубокая деформация: иерархическое устройство самих материальных структур, предполагающее принцип свободы и симпатии, сменилось механическими законами. Эти законы в сравнении с прежней гармонией похожи на болезненные комплексы, в них отразилась, как следствие греха, потеря любви - главного основания всего мироздания. Например, закон тяготения - это насилие и порабощение слабого сильным, меньшего большим. Вне любви насилие, подчинение и ограничение стали единственными средствами сохранения структур от полного распада. Через восстановление союза между Богом и человеком, царем космоса, произойдет преображение и одухотворение самого космоса. Космос будет восстановлен в прежнем своем величии, все мироздание превратится в единую симфонию во славу своего Создателя. Но это будущее преображение начнется с освящения Духом Святым человека, поэтому воскресение мертвых будет также воскресением всей вселенной.

В земной жизни между душой и телом существует тесное взаимодействие, но и после смерти остается некая сокровенная связь, поэтому погребение мертвых считалось одним из дел милосердия уже в Ветхом Завете (см. книгу Товита), а в Новозаветной Церкви существовали братства, члены которых брали заботу о погребении бедных, безродных, странников и нищих. Есть много случаев, когда души непогребенных, особенно злодейски убитых, являлись людям и указывали место, где находился их труп или кости, и просили совершить погребение.

Христианство учит о первородном грехе, который, как болезнь, поразил человека и сделал тело гнездом страстей. Но в то же время христианство свидетельствует о достоинстве человеческого тела как дивного инструмента души. Другие религии не дают основания уважать человеческое тело. Для пантеистов тело - переходный этап, дурная модальность, эфемерная форма, случайно связанная с духом, его временная одежда. Для материалистов тело - конгломерат клеток, молекул и атомов, структура, распадающаяся по смерти на элементы. Для крайних спиритуалистов тело - тень души; уходит душа - исчезает тень. Для антропоморфных религий античности сама душа - тень тела. Для индуистов тело - это форма иллюзорного бытия, зло и мираж. Для буддистов почти то же, с той разницей, что они не признают природу души, а только ее элементы, которые после смерти под импульсом жажды жизни создают новые комбинации души и тела.

Мы почитаем мощи святых как неоскудевающий источник благодати, как образ будущей жизни. Тела святых - это пророчество о том времени, когда смерть упразднится, ее больше не будет, когда по воскресении из мертвых исчезнет дуализм души и тела и образуется единая монада личности, где тело станет формой души, а душа - содержанием тела. Поэтому для нас мощи и гробницы святых - символы вечности, источники невидимого света и духовных сил. Гробницы святых - это солнца из недр земли, озаряющие мир.

О священстве

Одной из самых больших проблем для православных христиан, особенно для людей, недавно пришедших в Церковь, является их духовное и эмоциональное восприятие священнослужителей как живых представителей Церкви. Этот вопрос часто становится предметом спекуляции со стороны сектантов, а также представляет широкую возможность обвинять и дискредитировать Церковь на основании поступков священнослужителей. Необходимо уяснить, какое место и значение имеет личность священника в его церковной деятельности и какая зависимость существует между благодатью, действующей в церковных таинствах и обрядах, и нравственным уровнем священника, совершающего их.

Грех - это универсальное явление, это болезнь, которая поразила все человечество, здесь нет исключений, здесь разница только в степени греха и в соотношении между злом и добром в душе каждого человека. Макарий Великий пишет: "Даже в душах святых остаются некие темные пятна, поэтому спасение и для святых - дар Божественного милосердия".

Христианство не знает механического освящения: человек, получая сан священника, остается как личность с тем же потенциалом добра и зла, ему так же, как и любому из его пасомых, необходимо бороться с собой, искоренять, как бы с кровью вырывать из своего сердца страсти и пороки, для него не облегчен путь духовного совершенствования, напротив, он становится ответственным за ту благодать, власть и право, которые получил в таинстве хиротонии, то есть подлежит более строгому Божескому и человеческому суду.

Есть два вида иерархии: одна - церковная иерархия, где благодать дается как право и власть совершать таинства и обряды. Эта благодать принадлежит не человеку, а его сану, она дается ему как бы взаймы для исполнения им своей миссии. Со смертью эта благодать не дает душе никаких привилегий и преимуществ, она покидает ее - так воин слагает свое оружие, возвращаясь домой. Но в служении священника действует именно она, поэтому само священство и иерархическая система в Церкви является средством к освящению и спасению самого себя и других людей. Иерархия - это каналы, через которые благодать Божия изливается в мир.

Существует еще духовная иерархия: это степень благодати, зависящая от личного подвига человека. Эта благодать принадлежит личности человека, если только он не потеряет ее через грех, по смерти она не отнимается у души, а, напротив, соединяется с ней веками, нераздельно и неразлучно. Это благодать мучеников, преподобных и праведников.

Благодать священства дана не для самого священника, а для народа, но по мере личного подвига священника действия ее становятся более явственными и полными, как поток воды из родника, который его хозяин непрерывно очищает от камней и песка. Благодать священства, соединенная с личной святостью человека, делает его служение исключительным по силе действия на душу. К числу таких священнослужителей принадлежали в свое время: Гавриил, архиепископ Кутаисский, архимандрит Алексей Шушания [1], святой праведный Иоанн Кронштадтский и Оптинские старцы. Они были всегда окружены народом, который явственно чувствовал свет и тепло благодати, исходившей от них.

Возьмем другой пример: священника, не поднимающегося по своему нравственному уровню над паствой, а иногда стоящего и ниже ее. Что происходит во время служения такого священника или епископа? Благодать действует через него, но против него. Она просвещает народ, но опаляет душу недостойного. Святитель Григорий Богослов, один из великих Вселенских учителей, приводит такое сравнение: вода, источающаяся из скалы, течет потоком в долину, но камень, орошаемый ею, остается камнем, а в долине, где протекают потоки и ручьи, цветут кусты и трава, жадно прильнув к этой воде. Так душа священника, у которого нераскаянные грехи, остается бесплодной и мертвой, как камень, но люди, присутствующие в храме при богослужении, пьют устами души своей живую воду - благодать Божию. В другом месте, сравнивая таинство, совершенное достойным и недостойным иереем, святитель Григорий говорит, что оттиск от золотой и свинцовой печатей один и тот же. Поэтому мы стоим перед антиномией: во время священнодействия недостойного священника благодать не уменьшается, а при служении достойного - увеличивается.

Церковь в ее земном бытии называется воинствующей. Эта Церковь борется с невидимым царством зла, она противостоит натиску черного поля космического зла, сотканного из грехов людей и падших духов. Черные сатанинские энергии несут с собой хаос в жизнь человечества и внедряют в души людей безумную жажду греха, проявляются в видимой природе катастрофами и катаклизмами. Когда этот черный сатанинский покров окутает тучей всю землю, она забьется в судорогах предсмертной агонии. Единственная сила, которая реально противостоит царству ада - это Церковь, поэтому Церковь так ненавистна и гонима. Святой Климент, епископ Римский, сравнивает Церковь, ее иерархию с войском. В жестоком невидимом бою, от которого зависят судьбы всего человечества, священники, пусть даже грешные и недостойные, находятся на передовой, - а ведь мы не станем жестоко осуждать солдат, которые стоят в первом ряду, в первой цепи, хотя бы они были слабы и плохо обучены. Пусть многие из них будут грешны и порочны, но мы простим

их ради битвы, в которую они брошены, ради того риска, которому они подвергаются. Сан священника ответственен и опасен, поэтому святой Иоанн Златоуст пишет: "Мало вижу священников спасающихся". Смерть как отвержение от вечной жизни страшнее, чем физическая смерть. Если мы сравним грехи священника как человека с тем ответом, который он будет держать как священник перед Богом, то мы скорее пожалеем, чем осудим его.

Все мы испытывали в жизни особенно тяжелые искушения, которые обезволивают человека и влекут его ко греху. Эту давящую силу греха, похожую на гипноз, каждый из нас хоть когда-либо в жизни ощущал как присутствие какого-то страшного невидимого существа, которое подчиняет нашу волю своей власти. Священнослужители испытывают особо сильные искушения, на борьбу с ними демон посылает самых испытанных и опытных во зле падших ангелов, поэтому некоторые люди после принятия священства впадали в те искушения, о которых даже не имели представления раньше. Мы видим их грехи, так как священник у всех на глазах, но демонов, борющихся с ним, мы не видим.

Некоторые говорят: "Я верю в Христа и Его первую общину, но в Церковь, в священников я не верю". Но ведь первая община - Апостолы Христа - как раз были первой христианской Церковью, от которой идет преемственность рукоположения, как свет свечи, зажженной от другой свечи. Грех присутствовал и среди учеников Христа: из 12-ти Апостолов Иуда был предателем и богопродавцем, но можно ли из-за этого отрицать остальных Апостолов? Среди 70-ти Апостолов был Николай Антиохиец, гностик и еретик, о котором Дух Святой сказал: **Ты ненавидишь дела николаитов, которые и Я ненавижу** (Откр. 2, 6). Значит, грех присутствовал всегда, но сама Церковь - свята. Церковь - это прежде всего невидимая сила, благодать Божия, освящающая и спасающая тех, кто покоряется этой благодати. Апостолы исполняли миссию Христа на земле, Миссию Апостолов продолжают исполнять священники. Эта миссия заключается, во-первых, в храмовом богослужении, во-вторых, в проповеди Евангелия, в-третьих, в руководстве верующих: священник - отец и наставник своих прихожан. Деятельность священника подчинена твердым канонам, правилам Церкви. Христос сказал Своим ученикам, чтобы они никого, кроме Бога, не называли отцом и учителем, так как фарисеи подменили учение Завета раввинистическими преданиями, человеческими измышлениями, которые исказили в глазах народа сам образ ожидаемого Мессии. И священник - **учитель**, поскольку учит евангельскому слову, руководствуясь толкованиями святых Отцов, а не своими собственными представлениями и домыслами. Впавший в ересь перестает быть учителем. Священник называется **отцом**, поскольку он участвует в духовном рождении христианина: от таинства крещения до обряда погребения. Священник называется **наставником**, так как он наставляет своих прихожан к исполнению Евангельских заповедей, руководствуясь патристической литературой. Если он учит чему-либо противоречащему Церкви, то он теряет право на имя наставника, его слова превращаются в пустоцвет.

Эти три вида служения ("отца", "учителя" и "наставника") отличаются друг от друга: в своем литургическом служении священник является образом и символом Христа-Спасителя, поэтому через священника Сам Христос присутствует в богослужении. В некоторых случаях священник символизирует различных лиц Священной истории: Иоанна Предтечу, Апостолов и так далее. Проповедь священнослужителя зависит не только от действия благодати, но и от личных способностей, изучения Священного Писания и логики. Благодать способствует развитию его естественных сил, а кроме этого воздействует на сердца людей, слушающих его. Поэтому проповедь священника имеет большую силу и воздействие, чем проповедь мирянина, при остальных равных условиях.

Основой христианской нравственности являются заповеди Ветхого и Нового Заветов. Заповеди - это неизменные повеления Божии, обращенные к душе человека, и звенья союза между человеческой душой и Божеством. Священник является наставником, поскольку его советы находятся в русле Евангельского учения, но как учитель нравственности он сам должен знать путь, по которому ведет других. Если это условие отсутствует, то христиане могут иметь своим наставником книги святых Отцов. Первый вид служения - безусловен, второй - необходим, но не всегда успешен (проповедь), третий - желателен, но часто остается

неосуществленным. Первый вид служения дан в полноте каждому священнику, второй зависит от способности священника, третий определяется личностью самого священника.

Между душой священника и благодатью священства происходит непрерывное взаимодействие. Оно похоже на пылающий огонь, который скорее согревает дом души, но при неосторожном обращении с ним, как пожар, сжигает его. Благодать священства помогает священнику в его личном духовном подвиге, но в то же время при нерадивой и греховной жизни отдаляет от Бога дальше, чем мирянина. По откровению Макария Александрийского, в самом сердце ада находятся не разбойники и убийцы, не идолопоклонники и чародеи, а священники, которые вели греховную жизнь, не каялись и при этом литургисали. Как должен вести себя мирянин по отношению к грешному священнику, то есть когда поведение священника превышает обычный уровень греха, который мы встречаем в человеке? Так, как сын должен вести себя по отношению к недостойному отцу: уважать отца ради заповеди Божией, но в то же время не подражать ему.

Что означают внешние знаки почитания священника, например, лобызание руки при его благословении? То, что священник является образом Христа и через него Христос благословляет, то есть эти знаки относятся не к человеку, а к Божеству, как честь, оказанная послу, относится не лично к нему, а к государству, которое он представляет. Оскорбление даже недостойного посла считается оскорблением правительства, которое он представляет. Поэтому верующий может ограничить общение с недостойным священником, дабы избежать соблазна, но должен оказывать ему подобающее уважение во имя Христа, благодать Которого тот получил при рукоположении.

Примечания:

[1] Архиепископ Гавриил Кутаисский (канонизирован Грузинской Церковью) и архимандрит Алексей (Шушания) обладают огромным духовным авторитетом в Грузинской Церкви. - *Изд.*

О монашестве

Сектанты рационалистического толка отрицают институт православного монашества. Не понимая сущности монашества, они представляют его как агностическое презрение к человеческому телу, как извращение богоустановленных отношений между мужчиной и женщиной, как человеконенавистническое отрицание семьи и общества. Одни из критиков монашества видят в нем духовную гордыню, эгоцентризм и эгоизм, то есть отсутствие любви к человеку, своему ближнему, другие - бессмысленное самоистязание, вроде самобичевания жрецов Осириса, третьи - форму психического расстройства, четвертые - атавистический зов человека в леса и пещеры, из которых вышли его предки, пятые - результат приобретенной или наследственной патологии и так далее. Почему-то именно монашество вызывает у атеистов и сектантов особое раздражение и становится излюбленной мишенью для нападок, насмешек и иронии. Особенно изощрялся в издевках над монашеством чувственный и развращенный Ренессанс. Реформация в Германии, так называемая великая революция во Франции и октябрьская революция в России начались с погрома монастырей. Значит, монашество мешало своим существованием развитию и воплощению в исторические формы планов демонических энергий и сил. Если верна поговорка: "скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты", то отчасти верна и другая - "скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты". К сожалению, у определенной части интеллигенции также сложилось отрицательное отношение к монашеству - отчасти под влиянием светской литературы, не создавшей ни одного правдивого образа монаха; по слову апостола Павла, душевный не может понять духовного (см. 1 Кор. 2, 14), отчасти под влиянием модной модернистской философии Розанова, Мережковского и различных софиологов и "богостроителей", пытающихся создать культ "святой плоти", для которого святы все желания тела. Литературно-философский декаданс начала XX века довершил изоляцию Церкви от общества. Для современной интеллигенции (или ее значительной части) жизнь

монаха стала чуждой, незнакомой и непонятной, как жизнь Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Относительно вышеуказанных обвинений монашеству отметим следующее.

1) Монашество - это религиозный максимализм, любовь к Богу, которую человек не хочет разделить между Богом и миром. Церковь порицает подвижничество, основанное на гностическом дуализме, на противопоставлении друг другу духа и тела как двух начал - Божественного и демонического, доброго и злого. Об этом существует особое постановление Гангрского собора [1]. Если монах из секты гностиков переходил в Православие, то древняя Церковь освобождала его от обетов монашества, принятых в результате неправильных антропологических представлений, и предоставляла ему выбор дальнейшей жизни: повторить монашеский постриг в Православной Церкви или остаться мирским человеком со свободным правом создать семью.

2) Христианское подвижничество имеет целью не уничтожение тела, а подчинение его духу. Святые Иоанн Кассиан, Василий Великий и другие предостерегали монаха от чрезмерного аскетизма, который может не только повредить здоровью, но и развить в неопытном подвижнике чувство гордыни. Святитель Василий Великий говорит: "Мы боремся со страстями, а не с телом". Самоистязания в виде бичевания, нанесения себе ран и тому подобного запрещаются в Православной Церкви. Аскетизм имеет целью воздержание от излишеств. Поразительные подвиги святых Отцов совершались при поспешестве благодати Божией и поэтому превосходили обычные человеческие силы. Церковь считала их чудом, а не образцом для копирования. Следует, однако, помнить, что излишества и распущенная жизнь приносят гораздо больше вреда организму, чем воздержание.

3) Психические расстройства обычно проявляются в виде аффектов, депрессий, галлюцинаций и экзальтаций - того, что более всего чуждо православному монашеству, которое учит о рассудительности, трезвости, очищении сознания от ярких картин и грез, о состоянии внутреннего мира и покоя. Творения отцов-подвижников обладают ясностью мысли, четкой композицией, рассудительностью, - тем, что отсутствует в творчестве душевнобольных. В своей жизни аскеты проявляли не эгоизм, а любовь, доходящую до самопожертвования, уважение к людям, терпение и прощение обид, тогда как для душевнобольного характерен эгоцентризм.

4) Основной формой монашества является не отшельничество, а общежитие в виде монастыря или скита. Отшельническая жизнь - последующая ступень; она нужна только некоторым особым подвижникам для глубокой молитвенной сосредоточенности. Говорить о пещерном атавизме монахов так же странно, как говорить о любом человеческом сообществе или союзе как о волчьей стае.

5) Мы знаем выдающихся общественно-политических деятелей, полководцев и ученых, которые исполняли свои обязанности и службу в течение многих лет, не проявляя каких-либо психических отклонений, а затем приняли монашество в результате большего осмысления жизни.

Однако не только люди, стоящие за оградой Церкви, отрицают монашество. Среди самих христиан, называющих себя православными, появляются критики монашества, которые считают его чем-то случайным и наносным в Церкви. Они обычно предъявляют монашеству следующие обвинения:

- а) человек, принимающий монашество, сознательно обедняет свою жизнь;
- б) он лишает себя законных и благословенных радостей земного бытия;
- в) он перестает быть полезным членом общества.

Обедняет ли себя монах в интеллектуальном плане? Священное Писание и святоотеческие творения - это глубочайшие философские истины, которые открыл не человеческий ум, а Божественный Логос. Христианскую литургику сами рационалисты назвали "поющим богословием". В этом кругу высших истин постоянно находится мысль монаха. Главное - не внешний объем знаний, а их высота, не горизонтальное, а вертикальное измерение. Неужели гора сырой руды дороже крупиц золота? То, до чего не могла дойти мировая философская мысль, дано в Откровении. Многие из того, что мир считает

интеллектуальной ценностью, оказывается интеллектуальной ложью, которая не приводит к истине, а отводит от нее. Главное для человека не механическая память, фиксирующая поступающую информацию, а творческая память, которая может на основе глубоких онтологических знаний решать сложные задачи во всех областях жизни и деятельности.

Христианское учение, богословские знания, Евангельская нравственность, антропологические наблюдения аскетов прошли через тысячелетние проверки, через фильтр испытаний, через опыт жизни многих поколений, поэтому они объективно более достоверны и устойчивы, чем новейшие философские и психологические системы. Обедняет ли себя эмоционально монах? Эмоциональное богатство - это чистота и глубина чувства. Аскетизм - это очищение человеческого сердца. Современное искусство и каналы массовой информации можно сравнить с селевым потоком грязи, который, как лавина, затопляет островки прежней культуры, погружает воображение человека в болото секса и крови. На обеднение *таких* эмоций сетуют враги монашества? Эмоциональное богатство - умение сопереживать, это пробуждение духа. Оно как раз характерно для монашества.

Преподобный Агафон говорил: "Я хотел бы взять у прокаженного его тело и взамен отдать ему свое тело". Страсть и чувственность, напротив, делают человека эгоистичным и жестоким.

Нам говорят, что монашество лишает человека радости искусства и литературы. Так ли это? - А церковное зодчество? Литургические песнопения и поэзия Псалтири? Разве они не шедевры искусства даже с формальной стороны? Это не искусство для искусства, а искусство как воплощение идеи; искусство, которое содержит в себе глубочайший смысл. Оно выше мирского искусства уже тем, что осуществляет связь с трансцендентным миром, с вечными духовными сущностями, с вечной красотой. Что же касается христианской литературы, то возьмем хотя бы Библию. Здесь содержится история, поэзия, философия, этика и то, что несравненно больше - Божественное откровение.

Ценители мировой литературы обычно говорят, что литература помогает им лучше понять человека и узнать жизнь. Между тем в святоотеческих творениях душа человека раскрыта до таких глубин, куда не проникал скальпель таланта мирского писателя или поэта. Какой светский писатель может сравниться с Иоанном Златоустом даже по внешней красоте и экспрессии слова? Один из ученых-византологов пишет, что Демосфен в течение семи веков до Иоанна Златоуста не имел себе преемника, равного по дарованию. Творения Златоуста - это целая энциклопедия нравственных и богословских знаний, психологических наблюдений, историко-типовых характеристик. Возьмем другого отца - Григория Богослова, слог которого отличается виртуозным искусством и филигранной отделкой каждой фразы. Его можно назвать поэтом-философом. Еще один духовный писатель - Ефрем Сирийский стоит на одной ступени с лучшими поэтами мира. В средневековых монастырях были переписаны и сохранены многие исторические и научные произведения. Духовная литература имеет все, что есть у светской, кроме ее страстности и грязи. Неужели модные детективы и эротическая литература, которая, как мутные волны, выплеснулась на современный книжный рынок, могут эмоционально обогатить человека? Если искусство - это вид познания через сопереживание, то современная литература дает познание греха через соприкосновение с ним и оставляет в душе человека грязные пятна. Если, по словам пословицы, ложка дегтя портит бочку меда, то нам серьезно предлагают в бочке дегтя искать пропавшую ложку меда.

Критики монашества утверждают, что оно лишает человека радости жизни. Разве существует в мире радость более глубокая и чистая, чем духовная радость? Мирская радость, пронизанная чувственностью и страстностью, сменяется усталостью, опустошением, часто - скорбью и разочарованием. Нам говорят - есть не только радость страстная и опьяняющая, есть еще и другая, светлая радость, например, в общении с природой. Но ведь монастыри чаще всего строились в самых красивых местах, где сама природа учила размышлять о вечности. Перенеситесь мысленно в те места, где построены древние грузинские монастыри. Их строители обладали не только эстетической одаренностью, но и чувством высшей красоты и гармонии. Напротив, противники монашества, дети современной урбанизации,

чаще всего видят природу в немногие дни своей жизни, а рассуждают о красоте ее, находясь в асфальтобетонном плену.

Наши оппоненты говорят о радости семейной жизни, однако они сами, не осознав этого, дотронулись до болевой точки современного общества. Официально более половины семей разваливается в первые два года после их образования, - и нет гарантии, что в других семьях дело обстоит благополучно. Разрыв и разногласие в семье оставляют травмы и разочарования, иногда на всю жизнь. А другие трудно разрешимые вопросы семейной жизни? Например, детоубийство (аборт), которое делает семью союзом убийц, шагающих к своему иллюзорному благополучию по трупам детей. Какая радость может быть у людей, запятнанных человеческой кровью? Нам говорят, что бывают благополучные семьи. К сожалению, таких семей становится не больше, а все меньше и меньше. Психологически не подготовленные к браку супруги превращают свой дом не в оазис, а в поле борьбы за власть и место сведения счетов за взаимные обиды. Часто такие супруги позволяют себе по отношению к своим детям то, чего не позволили бы по отношению к чужим и даже - к своим врагам (также - и дети по отношению к своим родителям). Христианство с уважением относится к браку, но смотрит на семью как на нелегкое, ответственное дело, требующее от супругов много самоотверженности, терпения и такта, а не как на источник постоянных наслаждений.

Нам говорят, что есть еще один вид радости, которого лишают себя монахи - это радость творчества. Но, во-первых, сама молитва - это высшее творчество и динамика души, которая включает человека в поле трансцендентного мира и в личностный диалог с Творцом всего сущего. Во-вторых, церковное искусство - это творчество особого рода, заключенное в рамки традиций и твердых канонов, основанное не на воображении, как мирское искусство, а на мистическом видении и духовном сопереживании. Это творчество включено не в чувственно-материальный мир, а в надмирную сферу духовных реалий. Религиозное творчество отрицает только фантазию как область лжи, и считает грезы (которые могут стать мысленным наркотиком) не творчеством, а безвольным тяготением к наслаждению. Религиозное творчество - это волевой синергетический процесс, где духовный мир обнаруживает себя через материальные формы; этот процесс включает в себя вечные энергии, действующие в Церкви.

Третье обвинение критиков монашества: человек, уходя из мирской жизни, перестает быть полезным членом общества. В истории Церкви огромное духовное и нравственное значение имел тот институт с вековыми традициями, который называется духовничеством и старчеством. Его представителями были преимущественно монахи-аскеты. Их жизнь в уединении или монастырском послушании, борьба со страстями, непрестанная молитва делали духовный мир реально ощутимым до очевидности. Они видели свою душу в различных состояниях, то озаренную светом молитвы, то погруженную в черные бездны греха. Перед ними открывалась страшная картина падения человечества, борьба демонических сил за душу человечества, тонкая стратегия ада, выработанная и отшлифованная в продолжение тысячелетий. Они видели зарождение и развитие грехов в своем собственном сердце, как бы на высвеченной карте греха, овладевали умением подавлять и уничтожать его в самом начале, воплощали в своей духовной жизни аскетические знания древних подвижников, умели различать импульсы светлых и темных духов и поэтому сами становились наставниками на пути ко спасению для сотен и тысяч людей. Без их водительства и руководства сколько бы людей погибло в волчьих ямах и западнях, расставленных демоном на этом пути; сколько бы не выдержало борьбы с грехом, сколько бы извратило свою духовную жизнь, сколько бы пребывало в состоянии ложной духовности, гордыни и того самообольщения, которое именуется прелестью!

Жизнь людей полна трагизма, измен, потери близких. Превратности жизни ставят человека на край пропасти, которая называется отчаянием. На протяжении истории христианства монастыри были тем местом, где люди обретали силы пережить свою внутреннюю Голгофу, находили помощь и утешение. И этого было бы достаточно, чтобы свидетельствовать о высоком служении монашества человечеству. Но есть еще другое,

невидимое, мистическое служение - это сила молитвы за весь мир. Добро и зло не проходят бесследно. Каждый человеческий грех расширяет мрачное царство ада. Грехи человечества, соединяясь вместе, как невидимые капли влаги в тучи, нависают над землей - это потенциал и причина тех катастроф, которые переживает и будет переживать человечество. Темным силам противостоят светлые силы - та удерживающая сила, о которой говорит апостол Павел (см. 2 Фес. 2, 7), - дух благочестия и молитвы. В этом мистическом плане монашество возлагает на себя главный подвиг - покаяния и молитвы за человечество, и поэтому монахи, ушедшие из мира, осуществляют высшую близость к миру в духовной любви и высшее служение в молитве за мир. Недаром демоническая сила старается искоренить и уничтожить монашество или умертвить его.

Критики монашества говорят, что глубина жизни - глубина любви, а монах лишает себя любви. Напротив, жизнь монаха - это любовь, а не влечение темных инстинктов и страстей, не аффект, который легко превращается в ненависть. Любовь монаха обращена к высшему существу - Богу, к высшему добру и красоте, то есть к единственно достойному предмету любви, в котором может успокоиться человеческое сердце. Глубина любви - в ее интенсивности. Монах ограничивает себя во внешних впечатлениях, уклоняется от ненужных забот именно для того, чтобы его любовь была сконцентрирована, как свет, проходящий через увеличительное стекло. Любовь к Божеству постоянна, здесь нет разочарований, измен и перемен; здесь только восхождение от одной ступени к другой. В мирской любви столько трагедий, столько кровоточащих разрывов, столько разбитых сердец. Как часто то, что в миру называется любовью, разрушается от малейшего испытания, как хрупкий сосуд от удара, и превращается в холодное безразличие, отвращение, ненависть и насмешку. Монах любит человека, но не эмпирического человека, а то, что вечно в нем, - образ и подобие Божие, то есть любит человека отраженной от Бога любовью. Даже самая счастливая дружеская и семейная любовь похожа на мерцающий свет лампы, которая освещает угол комнаты, а любовь монаха - как свет путеводной звезды, сияющей высоко над миром. Церковь - это сердце мира, а монашество - сердце Церкви.

Примечания:

[1] *Гангрский собор* (сер. IV в.), признав духовную ценность монашеского пути, предостерег от неистовствующего неправославного аскетизма. - *Изд.*

Пост и телефильмы

Многие христиане считают, что пост установлен только для того, чтобы подчинить тело душе. Святитель Григорий Богослов назвал тело "ночной и страстной служанкой". Душа - царица, тело - ее раба, которая должна участвовать в славе своей царицы. Но эта "раба" своенравная, непослушная, склонная к мятежам, и поэтому ее часто надо силой принуждать к повиновению.

Однако это лишь одна сторона поста. Есть другая, еще более важная, то, что святые Отцы называли "духовным постом".

Человек состоит из души и тела, но в самой душе можно различить две не сливающиеся друг с другом силы: первая - обращенность к вечности, к тому, что стоит над текущим потоком земного бытия, - способность души к богообщению святые Отцы называли духом; вторая сила - обращенность к земле, совокупность познавательных сил: рассудка, воображения, памяти, а также чувственные влечения, эмоциональные переживания и, наконец, генетически вложенные инстинкты, без которых человек не мог бы существовать ни одного дня.

Главное в человеке - дух; в духе - образ и подобие Божие, дух отделяет человека как бы глубокой пропастью от всех остальных обитателей земли. В духе вложена целевая идея человека - вечное богообщение. Насколько человек живет духовно, настолько он живет достойно своего предназначения; это единственная возможность иметь радость и мир в земной жизни, в этом море страданий. У некоторых христиан такой триметрический взгляд

на природу человека (дух, душа и тело) вызывает представление о душе как о чем-то низменном и недостойном в сравнении с духом. Это не так. Без душевных способностей невозможна была бы для человека земная жизнь и, следовательно, формирование его как нравственной личности для вечной жизни.

В самой природе человека нет ничего скверного и низменного; скверное - это извращение воли, разрушение иерархии и правильной соподчиненности способностей и сил человека; низменное и недостойное - это страсти и грех. В нашем наличном, а вернее, падшем состоянии тело проявляет себя непокорным душе, а душа - непокорной духу.

Поэтому пост - это не только укрощение тела, но прежде всего - укрощение душевных страстей для того, чтобы мог пробудиться и действовать дух.

Пост телесный подразумевает: 1) ограничение в пище; 2) употребление особого вида пищи; 3) редкий прием пищи.

Душевный пост также должен включать в себя: 1) ограничение внешних впечатлений - пищи души, информации, которую привык получать человек ежедневно в огромных объемах, подобных "пиршествам Гаргантюа"; 2) контроль над информацией, то есть над качеством пищи, которую получает душа, исключение того, что раздражает страсти; 3) редкий прием пищи, то есть периоды уединения, молчания, безмолвия, пребывания с самим собой, которые дают человеку возможность познать свои грехи и осуществить главную цель поста - покаяние.

С постом несовместимы все виды развлечений и зрелищ, бесконтрольное чтение, продолжительные разговоры, шутливый тон, посещение тех мест и домов, где царит мирской, нецерковный дух, - все то, что рассеивает человека, отключает ум от молитвы, а сердце от покаяния.

Наши страсти тесно связаны с чувственными образами. Страсть появляется в сознании в виде греховного образа; и наоборот, греховный образ, воспринятый со стороны, возбуждает страсть в нашем сердце (преподобная Синклитикия называла глаза *окнами смерти*). Сценой, на которой непрестанно демонстрируются человеческие страсти во всем их разнообразии, эффектности и изощренности, в наше время является телевизор. Он похож на источник постоянной радиации, который облучает смертоносным стронцием психику людей.

Телевизор держит человека в страстном напряжении, как будто в пространстве его экрана заключен сгусток всех чувственных эмоций, страстей, похоти, жестокости, преступлений. То, с чем человек в прошлые века мог - и то случайно - соприкоснуться несколько раз в жизни (скажем, картина убийства), теперь он видит каждый день. Широкими волнами с телеэкрана льется мутный поток на седовласых стариков, девушек и малых детей. Кажется, что телевизор поймал земной шар, как мяч, в свою сетку. Он дотянулся до вершин гор, проник в тундру и тайгу, вошел, как хозяин, почти в каждый дом.

Телевизор потакает самым низменным страстям человека; даже в как будто нравственных постановках вкраплены сексуальные сцены, может быть, из опасения, что зритель заснет от излишней морализации, а иногда эти сцены представляют собой главное содержание всей передачи. Человек, включая телевизор, добровольно включает себя в поле душевной грязи.

Говорят, что демоны сами не могут совершать блуд, но обитают около тех мест, где творится мерзкий грех, мысленно наслаждаясь им, по выражению древних писателей: "обоняя смрад блуда и крови".

Подобно этому зрители теле- и видеофильмов питаются "медитацией секса" и в то же время без всякого зазрения совести считают себя самыми порядочными людьми: они оскорбились бы и пришли в негодование, если бы кто-то назвал их духовными развратниками и блудниками.

Некоторые говорят, что они совершенно бесстрастно смотрят эротические фильмы. Это самообман: если бы они были бесстрастны, то не теряли бы время на подобное занятие; именно плененная страстями душа приковывает их к телевизору, и они отходят неудовлетворенными, если случайно не получают привычного для них "допинга".

В древнее время Церковь на долгие годы отлучала от причастия блудников, так как этот грех пропитывает смрадным ядом все поры души и тела, и нужно продолжительное время, чтобы человек очистился и отрезвился, встал бы снова на ноги, как после тяжелой болезни.

Блудник духовно мертв, пока не принесет искреннего покаяния и не исполнит епитимии. После эротических передач по телевизору человек приходит в церковь так, как мертвого приносят для отпевания; стоит в храме, но его нет. Там его тело, как гроб, а душа глуха и слепа, как труп, она не чувствует благодати, не может искренне молиться. Покаяние подразумевает волевое желание и решимость больше не совершать грех, а здесь человек обычно, возвратившись домой из церкви (иногда даже после причастия), проводит часы около телевизора.

Он не только духовно опустошен, в нем постепенно отмирает сама способность искренне каяться, то есть возможность вернуть потерянную благодать.

Другая "инъекция зла", которую получает человек от телевизора, - это серия убийств и насилий, к которым он привыкает.

В древнем Риме борьба гладиаторов в цирке, бой людей с дикими зверями и другие подобные "развлечения" привлекали десятки тысяч зрителей. Девиз римской толпы был: "хлеба и зрелищ", как будто в этих словах заключалась вся их жизнь. А самым захватывающим зрелищем для толпы являлась льющаяся кровь и предсмертная агония.

Телевизор делает из людей садистов, которые спокойно и с тайным наслаждением смотрят на сцены убийств. Если бы в них оставались человеческая любовь и сострадание, то они в ужасе отвернулись бы от этого кошмара. Телевизор сделал преступление и жестокость обыденностью. Попробуй кто-нибудь сказать, что ему противно и страшно смотреть на сцены насилия и убийств, его посчитают за истерика и нервобольного. Если человек скажет, что считает ниже достоинства христианина смотреть на сексуальные картины, то ему открыто заявят, что он "ханжа", имеющий отжившие старомодные взгляды.

Душа имеет три способности: разум, эмоцию и волю. От неразлучной дружбы с телевизором воля у человека обессиливается, как у тех, кто часто принимает сеансы гипноза; чувство притупляется и требует новых острых ощущений и "допингов", а разум становится порабощенным сменяющимися друг друга картинками, которые заставляют его жить в каком-то фантастическом мире, в постоянно продолжающейся фантазмагории.

У разума две силы: образное и словесное мышление. Слишком обильная, неуправляемая информация развивает низшую механическую память, но подавляет творческую силу и энергию. Человек, непрерывно получающий обильную пищу, становится бесформенной грудой жира, которой трудно двигаться и дышать, которая еле передвигает ноги под собственной тяжестью. Слишком большая, неуправляемая информация похожа на хроническое переедание, при котором мышцы перерождаются в сало. Ум становится дряблым и пассивным иждивенцем чужих мнений и идей. Картины, которые человек увидел на экране телевизора, вращаются в его подсознании, всплывают в памяти, мелькают в сновидениях, как призраки. Мышление становится поверхностным, а язык - болтливым. Защитные силы психики истощаются, не будучи способными справиться с лавиной впечатлений.

Где место для безмолвия, для сердечной молитвы? Человек не видит самого себя, он как будто бы живет не в доме, а в театре с непрекращающимися представлениями.

Святые Отцы говорят о том, что существуют три вида деятельности ума: это **созерцание**, рождающееся в безмолвии молитвы, **рассуждение** и **воображение**, при этом воображение - самый низший вид мышления, соединенный с чувственными страстями и фантазией. Святые Отцы заповедовали пребывать в молитве, давать, когда это нужно в практической жизни, место рассудочному размышлению (при этом знать его меру и пределы) и бороться с воображением как со своим противником. А телевизор способствует обратному: развитию воображения, подавлению творческой силы ума и потере молитвы. Человек, проводящий время поста у телевизора, похож на обжору и пьяницу, который глотает все без разбора, даже не разжевывая куски, и при этом считает, что он держит пост по всем уставам Церкви.

Воскресный день

Некоторые секты, в частности, адвентисты, упрекают Церковь в том, что она изменила четвертую заповедь Синайского Десятилетия - онтологическую, неизменную основу догматики и нравственности Ветхого и Нового Заветов, которая названа в Библии "Законом Вечным". По мнению сектантов, празднование первого дня недели вместо седьмого является незаконным и неоправданным нарушением прямого Божественного повеления, не допускающего каких-либо отступлений или изменений. Празднование воскресного дня вместо субботы сектанты склонны объяснять подчинением Церкви государственной власти в лице императора Константина, который в 324 году издал закон, повелевающий праздновать во всей империи воскресный день.

Мы знаем, что ветхозаветные пророчества в Новом Завете не отменились, а исполнились. Ветхозаветная символика не уничтожилась, а воплотилась и приобрела новый, более глубокий смысл в обрядах, священных символах и таинствах новозаветной Церкви. Одним словом, Ветхий Завет раскрылся и осуществился в Новом Завете. Слово *суббота* означает покой. Этот день, завершивший цикл творения, символически указывал на вечность, но истинный покой - это мир души с Богом, поэтому ветхозаветная суббота была только прообразом чаемого небесного покоя. Даже души умерших праведников ожидали своего искупления и спасения. Их покой был покоем от мук, но не покоем встречи с Богом, когда душа успокаивается в царстве благодати, как ребенок на руках матери. Это был покой, похожий на отдых после долгих трудов. Ветхозаветный праведник не осуждался своей совестью и карающим законом, но предоставлялся сам себе и был не в силах выйти из своего ограниченного сотворенного бытия в метафизическую свободу через приобщение к Божественной жизни. Ветхий Завет запрещал делать грех и зло, но еще не давал человеку силу творить истинное добро, поэтому суббота в Ветхом Завете была упразднением от всех дел. Истинный покой души - это Сам Господь, поэтому истинная суббота могла настать только после Голгофской Жертвы, схождения во ад и Воскресения Христа Спасителя. Итак, суббота давала форму покоя, но не имела внутреннего содержания, она была пустым алавром, который еще не наполнен миром. Пасха страданий и Пасха Воскресения явились центром Священной истории, началом Нового Завета и основанием Церкви. Воскресение дало содержание субботнего покоя: мир с Богом, восстановление в человеке образа и подобия Божия, богообщение и покой в Духе Святом. Суббота была пророчеством о покое, пророчеством о Воскресении, в этом смысле - образом вечности. Воскресение - это начало вечной жизни на земле. Ветхозаветная Пасха воплотилась в Новозаветную Пасху, а суббота - в воскресный день.

После воскресения Христа из мертвых ветхозаветная Пасха стала иудейской Пасхой, Пасхой тех, кто не принял Христа как Спасителя и Мессию. В древнеиудейском сознании суббота была ожиданием Мессии. Теперь празднование субботы, как и ветхозаветной Пасхи, - это в мистическом плане неверие в Христа и ожидание пришествия другого Мессии. Днем Великой Субботы, когда Христос лежал в гробу, окончился Ветхий Завет. Воскресением Христа из мертвых началась новая жизнь - Новый Завет. В Ветхом Завете субботой оканчивалась неделя, в Новом Завете воскресеньем неделя начинается. Праздник субботы был благодарением Бога за сотворение видимого мира, ожиданием Мессии и приготовлением к вечности. Воскресение Христа - это залог нашего общего воскресения. В воскресный день мы благодарим Бога за вечную жизнь. Для творения мира было достаточно воли Божией, для искупления и спасения человека послужили кровь и страдания Сына Божия. Если зерно, брошенное в землю, не проросло, если суббота выше воскресенья, то, значит, ее прообразовательный смысл и пророчество не исполнились, значит, еще не кончилось время Ветхого Завета. Истинный покой - это не покой мертвого тела, это не покой ничегонеделания и пустоты; истинный покой души - это покой от грехов и страстей, покой от демонических сил. Некоторые из Отцов рассматривают воскресенье не как первый день недели, а как 8-ой. Восемь - образ вечности. Ритм недели остался тот же: 6 и 1.

Символически единица (1) - это начало, вечность и абсолют; 6 - равновесие, симметрия и гармония между духовным и материальным; 7 - действие Божественных сил в мире; 8 - вечная жизнь. Суббота была дана в Ветхом Завете, так как до Воскресения Христа не могло праздноваться еще не совершившееся событие. Суббота названа Вечным Заветом, но жертвоприношения в ветхозаветном храме также названы "вечными", так как они были пророчеством о Голгофской Жертве. Их таинственный смысл осуществился в распятом Христе, в вечной Жертве.

О церковном календаре

I

Непрекращающаяся полемика о церковном календаре может превратиться в тавтологию: каждая сторона будет варьировать одни и те же мысли и положения. Поэтому мы считаем, что для каждой культурной и целесообразной дискуссии необходим определенный план. Мы предлагаем сторонникам реформы ответить на ряд принципиальных вопросов, которые, по нашему мнению, были обойдены молчанием, то есть сознательно проигнорированы.

Наши оппоненты говорят о прогрессе и цивилизации, о необходимости контактов и сотрудничества, и почему-то одним из условий этого ставят интеграцию культурных и исторических традиций. Для нас остается непонятным, неужели наши уважаемые ученые-оппоненты не знают таких очевидных фактов, что в современном мире, в том числе в тех странах, которые они считают эталоном функционирования общественных организаций и структур, существуют и действуют десятки культовых и ритуальных календарей, которые пользуются защитой как закона, так и общественного мнения? Это первый вопрос, на который мы хотели бы получить Ответ. Известно ли нашим оппонентам, что в США насчитывается несколько сотен религиозных организаций, конфессий и сект, причем каждая конфессия и община вправе иметь свой ритуальный календарь? Так, например, в Америке существует большая община зороастрийцев-маздеистов с центром в Чикаго, которая пользуется древнеперсидским календарем. В этой стране оберегаются как реликвии ритуальные календари аборигенов. В ряде мистических сект введены древнеиндийские календари; в некоторых ашрамах (монастырях) пользуются древне-китайскими календарями. Если бы в США какая-либо общественная организация или группа людей стала бы требовать отмены культового календаря, то это было бы воспринято как нарушение религиозной свободы - одного из основных прав человека, и дело могло бы быть передано в суд, поскольку это рассматривалось бы как дискриминация религиозного ритуала и психическое насилие.

Некоторые из наших оппонентов считают наличие двух календарей опасностью для сельского и промышленного хозяйств, каким-то дестабилизирующим явлением. Известно ли им, что супертехнологическая держава - Япония в 70-х годах нашего столетия решением парламента приравняла к гражданскому календарю синтоистский календарь с 60-летними циклами и эпохами императорских династий? С тех пор государственные и гражданские документы должны иметь две даты. Привело ли это решение к дестабилизации хозяйственной жизни Японии?

Наши оппоненты говорят, что существование церковного календаря является преградой или нежелательным фактором в налаживании связей с передовыми государствами. Известно ли им, что в государстве Израиль возрожден ветхозаветный календарь - очень сложный по своей структуре, а по средней величине года близкий к юлианскому календарю? Разве это мешает Израилю находиться в самых тесных связях с американо-европейским миром?

Наши оппоненты выразили опасение, что календарь, не привязанный к сезону, может вызвать ошибку во времени посевов различных сельскохозяйственных культур. Мусульманский лунный календарь совершенно не связан с сезонами, каждый год он обгоняет григорианский календарь на 11 дней. Мы предлагаем нашим оппонентам убедиться воочию, что мусульмане получают неплохие урожаи, для этого не обязательно посещать

рынки Стамбула или Багдада, достаточно побывать на наших рынках и увидеть, как сторонники лунного календаря бойко торгуют овощами и зеленью, не уступая в этом отношении сторонникам сезонного солнечного календаря. В этом вопросе экспертами могут выступить жены наших оппонентов.

Наши оппоненты почему-то повторяют очевидную ошибку, считая, что Рождество Христово приходится на день зимнего солнцестояния, и пытаются этой ошибкой доказать преимущество григорианского календаря. Между тем солнцестояние приходится на 22 декабря, так что для подтверждения их мнения необходима еще одна, уже литургическая реформа: аннулировать праздник Рождества Христова 25 декабря и перенести его на 22 декабря. Нам кажется, что это отголосок антибиблейской школы, так называемой мифологической: Христа старались представить как солярное божество наряду с Амоном и Митрой. Может быть, наши оппоненты считают, что древние астрономы, уже до нашей эры вычислившие длину звездного года с точностью до 20 секунд, не знали точной даты зимнего солнцестояния?

Наши оппоненты ссылаются на постановление Константинопольского церковного совещания 1923 года при патриархе Мелетии, которое постановило ввести в Церковь "новый стиль". Знают ли они, что это совещание состояло всего из девяти человек: патриарха, пяти архиереев, одного архимандрита и двух мирян? Поэтому оно не было ни всеправославной конференцией, как оно наименовало себя, ни поместным Собором, как называют его наши оппоненты. Каким образом это совещание могло принимать решения от имени всей полноты Православия? Кто избрал и послал делегатов на это совещание, какие полномочия были им даны? На Соборе обычно присутствуют все архиереи поместной Церкви и представители епархий из мирян. На каком основании наши оппоненты назвали Собором совещание и решение группы из нескольких человек, по численности меньшей, чем Синод Константинопольской Церкви? Известно ли нашим оппонентам, что кроме календарного вопроса там были приняты решения о второбрачии духовенства, вступлении в брак клириков после рукоположения и тому подобные [1]?

Наши оппоненты обходят молчанием тот факт, что в 1923 году патриарх Мелетий не пригласил в Константинополь представителей Грузинской Церкви для участия в обсуждении календарной реформы. Поэтому, по нашему мнению, несовместимо с достоинством автокефальной Церкви принимать постановления и рекомендации того церковного собрания, которое игнорировало ее историческое существование.

Наши оппоненты ссылаются на Тбилисский Поместный Собор Грузинской Церкви, происходивший в 1928 году. Этот Собор избрал Католикоса - Патриарха всея Грузии Христофора. На заседании под председательством новоизбранного Патриарха архиереи приняли решение ввести в Грузинской Церкви новый стиль. Под этим документом подписались Патриарх и несколько архиереев. Вопрос остается неясным: было ли это решением Собора или архиерейского совещания? Предположим, что Собора, но разве наши оппоненты не знают, что соборные постановления должны пройти проверку временем и испытание самой церковной практикой - их должен принять весь церковный народ? Что же произошло? Реформа, будучи отвергнута народом и большинством священников, полностью провалилась и через несколько месяцев была отменена. Этот эксперимент еще раз убедительно показал, что православный народ считает юлианский календарь органической частью церковной жизни и литургического предания.

В уставе Грузинской Церкви, изданном при патриархе Каллистрате и с незначительными изменениями - при патриархе Мелхиседеке III, содержится указание, что Грузинская Церковь пользуется так называемым старым стилем. Однако наши оппоненты заявляют, что реформа была не отменена, а отложена на неопределенное время. Между тем поместный Собор не обладает компетенцией решать вопросы и утверждать правила на отдаленное и неопределенное будущее; он решает текущие дела Церкви. Из всех поместных Соборов Православной Церкви только десять вошли в Церковную конституцию и названы каноническими. Мы предлагаем нашим оппонентам найти хоть один случай в церковной

истории и церковном праве, когда поместный Собор выносил бы постановления на 70 лет вперед.

Мы указывали на то, что Церкви, принявшие новый стиль, принуждены пользоваться двумя календарями: григорианским - для непереходящих праздников и юлианским - для Пасхи и связанных с ней праздников. Один из наших оппонентов заявил, что пасхалия вычисляется по звездам, вне какой-либо календарной системы. Обратим его внимание на следующий факт: воскресный день, обязательный для Пасхи, и семидневная неделя не имеют никакого отношения к астрономии и звездной карте; неделя - условный отрезок календаря.

Некоторые из оппонентов склонны видеть в настоящем положении дел у новостильников только переходный период к григорианской пасхалии. Напомним им, что постановление I Вселенского Собора о дне Пасхи не соблюдено в системе григорианского календаря. Отменить постановление Вселенского Собора не имеет права никакая инстанция и власть, так как Вселенский Собор является высшим законодательным органом Церкви. Постановление I Вселенского Собора было также подтверждено на последующих Вселенских Соборах. Его нарушение всегда останется антиканоническим действием, а попытка отмены - не только экклезиологической реформой, но и экклезиологической революцией, ломающей самые основы церковного права.

Итак, календарная реформа привела к образованию календарного гибрида. Мы будем благодарны сторонникам реформы, если они соизволят ответить на наши вопросы не выборочно, а в том порядке, в каком они поставлены.

II

Мне задают вопрос: почему я назвал юлианский календарь "космической поэмой", а григорианский календарь - "сухой бухгалтерией"? Некоторые люди считают сравнение календаря с поэзией или прозой непонятным и неуместным.

Я думаю, что в вопросе о церковном календаре столкнулись два мировосприятия: мистическое и рационалистическое. Для мистического время - это тайна бытия, к которой можно приблизиться через символы, сравнения, ассоциативные переживания; для рационалистического время - это только фактичность, объективное условие бытия, внешняя данность, над которой нечего задумываться; факт надо вычислить, измерить, использовать по назначению и - "все в порядке", остальное - область мечтательности, недостойной трезвого и делового человека. Эти два мировосприятия невозможно согласовать, так как они уходят корнями в ту глубину сердца, где определяется сама человеческая личность. Рационалистическое мышление ограничивает средства познания рассудочным анализом, игнорируя остальные познавательные силы и способности души. Мистическое мышление имеет другие антропологические основы: оно обращено к сокровенным знаниям души и к ее потенциальным возможностям как "частицы неба", "дыхания Божества", к знаниям, которые древние мыслители называли *врожденными идеями, воспоминаниями*, а христианские мистики - *памятью сердца, внутренним логосом*. Ум для древних был больше, чем рассудок, как целое больше своей части.

Теперь перейдем к конкретному вопросу: в чем сходство юлианского календаря с поэзией?

Главными свойствами поэзии, отличающими ее от прозы, являются ритмика (последовательное чередование ударных слогов) и цикличность строф. Юлианский календарь обладает непревзойденной ритмикой - строгим повторением всех своих числовых характеристик; он заключает в себе законченные и в то же время соединенные друг с другом четкие циклы. Основной цикл - 4-летие (сочетание трех простых лет и одного високосного года) можно сравнить с четырехстишием - наиболее распространенной поэтической строфой. Для поэзии характерны рифма или рефрен; аналог рефрена - високосный год, который заключает собой каждое 4-летие, 20-летие, 100-летие, 1000-летие. Для поэзии характерны симметрические параллелизмы. В юлианском календаре параллелизмы - фазы луны и числа

месяца, которые симметричны в 19-летнем *метоновом цикле* [2], и совпадение дней недели и чисел месяца в 28-летнем цикле.

В григорианском календаре периоды, ритмы и циклы разрушены и деформированы, и пасхальный цикл (Великий индиктион) - венец православной литургии - вообще уничтожен. Поэтому григорианский календарь похож на прозу. А проза чисел - это бухгалтерия.

Я назвал юлианский календарь космической поэмой, так как он имеет космические ориентиры, указанные в Библии, и его парадигма выходит за пределы солнечной системы. Юлианский календарь отразил в себе проекцию трех сфер: звезд, солнца и луны, как чертеж многоярусного здания Вселенной.

Я говорил о мистике и рационализме как двух различных формах мышления. Однако следует отметить, что рационалисты древних веков, потеряв мистическое чувство, еще сохраняли способность к экстатическому восприятию мира, а рационализм нового времени все больше сливается с утилитаризмом. Не научные открытия XVI столетия, а утилитаризм вызвал к жизни григорианский календарь и создал широкое поле для его распространения.

Еще остается спорной проблема, способствует ли рационализм развитию науки или только обедняет интеллектуальные возможности и духовную жизнь человека.

Эйнштейн считал самой драгоценной способностью ученого умение удивляться. Когда человек начинает думать, что для него все стало понятным, он перестает быть ученым и превращается в ремесленника от науки. Эйнштейн говорил про себя, что он постоянно удивлялся феноменам пространства и времени (тому, что другие с детства привыкли воспринимать как само собой разумеющееся), поэтому он смог создать теорию относительности. Тем более характерно для человека религиозного постоянно испытывать чувство благоговения перед непостижимой тайной бытия. Там, где глаза рационалиста видят только земные реалии в трех измерениях, там взгляд мистика находит новые глубины и емкости, угадывает в вещественном символы духовного и созерцает мир в его отношении к вечности как в "световом измерении".

Юлианский календарь был и остается гениальным произведением науки и искусства и, осмелюсь сказать, мистической философии. По окончании календарных работ император Юлий Цезарь произнес слова, которые оказались пророческими: "Мой календарь не будет превзойден (буквально: "побежден") никогда". Мы знаем особые случаи, когда Господь открывал Свой Промысл через языческих царей (сон фараона, видение Навуходоносора). Но главное, что юлианский календарь был избран и воцерковлен отцами Церкви; на нем построена пасхалия и ее каноны, утвержденные Соборами; его периоды и циклы органически слились с православной литургией; в его ритмах Церковь жила почти 2 тысячи лет; он сам вошел в церковное предание; поэтому юлианский календарь - это золотая цепь, соединяющая нас со всей историей Церкви. Это наше духовное сокровище.

ПРИМЕЧАНИЕ: Мы уже отмечали, что каждое число и цикл юлианского календаря имеют строгий аналог и созвучие в периодах Великого индиктиона (532 года), как последующих, так и прошедших. Окружность древние философы и мистики считали наиболее совершенной геометрической формой. Поэтому цикличность юлианского календаря, а особенно Великий пасхальный круг является символом вечности, где нет конца. Кроме того, через 532 года (Великий Пасхальный круг) все числовые элементы повторяются, образуя единое гармоничное целое. Поэтому юлианский календарь можно метафорически назвать симфонией времени и поэмой, написанной великим мастером.

Примечания:

[1] Выдающийся богослов и канонист нашего столетия профессор С. Троицкий, говоря о так называемом "Всеpravославном" конгрессе 1923 года, отмечал, что "несомненно, будущий историк Православной Церкви должен будет признать конгресс 1923 г. самым печальным событием ее жизни в XX веке". И неудивительно, ибо назвавший себя безо всякого на то основания "всеpravославным" конгресс в Константинополе (на котором действительно присутствовало всего 9 участников, имевших от своих Церквей весьма

неопределенные полномочия) фактически открыл путь к перемене традиционного церковного календаря и к вторжению модернизма в Православную Церковь.

Первоначально его решения были отвергнуты почти всеми поместными Православными Церквами. Даже от участия в нем отказались три старейшие после Константинополя патриархата: Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Не участвовали в нем также Русская, Болгарская и Грузинская Православные Церкви, Синайская архиепископия. Однако Константинопольскому конгрессу удалось разрушить литургическое и календарное единство Православной Церкви. Реформированный календарь стал постепенно вводиться во многих поместных Церквах. От этого произошло печальное разъединение в богослужебной практике отдельных поместных Церквей, а также и в самих Церквах, официально воспринявших это противоканоническое новшество. Подробнее о константинопольском "Все православном конгрессе" 1923 года см. статью еп. Триадического Фотия в кн.: "Современное обновленчество - протестантизм "восточного обряда"". М. Изд. "Одигитрия". 1996. С. 191-209. - *Изд.*

[2] *Метонов цикл* назван по имени грека Метона (V в. до Р. Х.), предложившего этот цикл в 6940 суток как основу для календаря. - *Изд.*

О расколе

I

Положение в Церкви вызывает тревогу, но не за Церковь - "врата ада не одолеют ее", а за людей [1].

Несколько священников Грузинской Церкви примкнули к зарубежным неканоническим группировкам. Эта трагедия может иметь для них роковой исход, но это также наша общая трагедия. По словам святого Иоанна Златоуста, грех раскола равен греху ереси. Церковь едина и единственна, поэтому *Символ веры* произнес вечный и окончательный приговор над всеми расколами, которые были и будут.

Раскольники упрекают Церковь в нарушении чистоты Православия. Но Православия нет вне Церкви. Только в литургисающем организме Церкви хранится, передается из поколения к поколению, живет и животворит дух Православия. Православным быть невозможно без принадлежности к исторической Церкви, а раскольники отвергают реальную Церковь во имя несуществующего мертвого макета "идеальной Церкви", созданного их горячным воображением. Для нас Православие - не ностальгия по своей мечте, не абстрактная идея, а прежде всего благодать Божия, действующая в Церкви.

Необходимое, важнейшее условие Православия - включенность в систему церковной иерархии как носительницы благодати. В расколе иерархия или вовсе отвергается, или, что случается чаще, подменяется неканоничной, раскольниками-епископами, запрещенными в своих поместных Церквах и поэтому, согласно канонам, не имеющими права совершать никакие священнодействия.

Некоторые из братьев выдвигают странную концепцию: пока у нас пребывала благодать, раскольничьи группировки и иерархии были безблагодатны, а когда наша Церковь за грехи и отступления от правил потеряла благодать, то они стали благодатными. Неужели наши грехи имеют такую чудодейственную силу, что могут превращать чужую неправду в духовную истину, сухие ветви раскола в живые цветы, а вчерашних противников Церкви в самую Вселенскую Церковь?

Но существует множество раскольничьих группировок, называющих себя православными и не признающих друг друга. По какому же каналу протекла живая вода благодати, покинувшая нас?

Один говорит: теперь распределитель этой воды Киприан [2], другой возражает: нет, Авксентий, третий уверяет, что ее родник забил ключом в Есфигменском монастыре. Честнее было бы каждому из них сказать: "Благодать там, где я".

Неужели Грузинская Церковь превратилась в епархию Киприана, или Авксентий будет вести ее за собой, как лодочка тянет на буксире потерпевший аварию корабль?

Не только раскольничий архиерей, но канонически рукоположенный епископ не имеет права в чужой епархии ни рукополагать, ни служить, ни проповедовать без просьбы или разрешения местного епископа. Если наши братья не считаются с этим апостольским правилом, то где же их Православие? Здесь они попадают в тупик раскола: борьба за Православие превращается в борьбу с Православием.

Святой священномученик Киприан, епископ Карфагенский (III в.), писал: "Церковь во епископе, а епископ в Церкви". Без епископа, согласно апостольским правилам, иерей не может совершать ничего, относящегося к священству.

Дорогие братья, отвергая своего архиерея, вы отвергаете свое священническое служение, вы отвергаете все, что получили от Церкви.

Тот же Отец пишет: "Епископство одно и нераздельно. Пусть никто не обманывает братства ложью! Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует. Так же и Церковь одна". Поэтому все раскольничьи иерархии - это не Церковь, а мертвые тени Церкви.

В вопросах веры могут ошибаться иерархи, даже патриархи, были случаи, когда впадали в ересь поместные Церкви, но никогда в истории человечества полнота Вселенской Церкви, совокупность всех поместных Церквей, не принимала ложного догмата как своего вероучения. Иначе не исполнились бы обетования Нового Завета: *Церковь - столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15); *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Я хочу рассказать моим братьям маленькую притчу: зеленые листья сказали дереву, на котором росли: у тебя кривой ствол и потрескавшаяся от старости кора; мы попросим ветер, чтобы он сорвал нас с ветви, и на земле, собравшись вместе, станем новым лесом. Дерево ответило: детки, вы, сами не ведая того, питаетесь соком моих корней, а когда упадете с ветви на землю, то станете не лесом, а прахом.

Господь сказал: *Горе тому, чрез которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Все мы повинны в соблазнах, но самый опасный соблазн - в вере, от которого может зависеть вечная участь смерти или жизни. Если из-за вас погибает душа человека, то его гибель, как кровь, будет вопиять к небесам. Я надеюсь, что многие из братьев вернуться в Церковь, но смогут ли они привести всех тех, кого увели за собой?

II

Священник Павел Флоренский как-то сказал: "Я лучше предпочту грешить вместе с Церковью, чем спасаться без Церкви". Разумеется, эти его слова надо понимать условно, как гиперболу - "грешить с Церковью вместе" невозможно, всякий грех - это сопротивление учению Церкви, это противостояние благодати, действующей в Церкви. Также нельзя спасаться без Церкви, рассчитывая на свои человеческие силы и свою слабую волю, постоянно колеблющуюся между добром и злом. Флоренский хотел сказать, что только в Церкви спасение и что, покидая Церковь, человек совершает духовное самоубийство.

Новозаветная Церковь существует на земле около двух тысяч лет. Сколько расколов и разделений произошло за этот период! Уже в апостольские времена были несогласия и разделения, о чем пишут в своих посланиях святые Иоанн Богослов и Климент Римский. Чаще всего разделения и расколы проходили под знаменем сохранения чистоты веры, как, например, расколы донатистов и новациан, которые требовали от церковной иерархии отлучения от Церкви навсегда христиан, отвергшихся от веры во времена гонений, и за другие тяжкие грехи. Все расколы в Церкви имеют один общий признак: это вера в свою праведность, желание построить Церковь, чистую от человеческих скверн, на основе своего горячего рвения, на своем исповедании, а в сущности - на протесте и противопоставлении самих себя Церкви. Много было расколов в истории, но ни один из них не оказался оправданным последующими поколениями, ни один из них не стал спасением в критические моменты жизни Церкви. Церковь Христова никогда не возрождалась через раскол. На протесте можно только разрушать, но созидать и строить невозможно. Здесь мы видим повторяющуюся картину: центробежные силы раскола обращаются против него самого, и

община, отторгнутая от Церкви, сама разламывается, дробится, рассыпается на части, как неизбежно распадается мертвое тело.

В каждую историческую эпоху мы можем обнаружить десятки разделений и отпадений от Церкви по различным причинам, существенным и несущественным, иногда серьезным, а иной раз и вздорным. Нас спросят: а что делать, если эти причины очень серьезны? В Церкви существует и никем не может быть отменен принцип соборности, ответственности каждого христианина за чистоту веры: каждый священник и мирянин может и должен пользоваться теми правами, которые Соборная Церковь дала ему, в том числе исповедовать свою веру и защищать ее устно и письменно, но именно - как члену Церкви, в системе церковной иерархии, в живом организме Церкви. Раскол заменяет соборность противостоянием. Поскольку он образуется на разрыве - он не имеет корней, внутренних духовных сил. Следует заметить, что среди попадающих в расколы встречались богословы обширной учености, аскеты, носившие вериги, красноречивые проповедники, которые могли зажигать эмоции, убеждать народ, находить сторонников и увлекать их за собой, но среди ушедших в раскол не было и не могло быть тех, кто имел бы мир Божий в своей душе и распространял его бы вокруг себя, - тот мир, о котором Господь сказал: *Мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27; преподобный Серафим Саровский говорил: "Стяжи мир в сердце, и около тебя спасутся тысячи".) В среде же раскола всегда какое-то беспокойство, волнение, всегда поиск чужой неправды. Церковь борется с демоном, раскол же, сам того не понимая, борется с человеком.

Ефрем Сирий писал: "Мы - Церковь погибающих, но Церковь кающихся". Здесь - видение своего греха и упование на благость Божию, на благодать, которая дается или возвращается только одним путем - через покаяние: другого пути нет. Человек, находящийся в расколе, не может искренне каяться: он осудил Церковь, противопоставил Ей свою личную "праведность", дал своей "правде" б!ольшую цену в собственных глазах. Увлекая других в раскол, он указывает на самого себя как на образец исповедничества. В чем же ему каяться? Именно уходя в раскол, он теряет то глубокое самопознание, когда собственная душа открывается верующему как бездна греха, - ведь иначе он бы меньше доверял себе. Тот, кто поставил себя над Церковью, как может видеть себя ниже самой низкой твари, в проказе и сквернах греха? Он может совершать только внешний обряд "покаяния", но без горячего и искреннего самоосуждения; может смиреннословить, но не смиряться.

Раскольники всегда говорили: "мы не отпали от Церкви, мы и есть Церковь", - эти слова повторяли все отпавшие от Церкви на протяжении двух тысяч лет, но это оказывалось самообольщением. Они хотели похоронить Церковь, чтобы построить на ее месте свой храм. Но где теперь все эти "храмы" расколов? Можно сказать: "расколы рождались с победными криками, а умирали с глухими стонами", - Церковь же все жила! Приговоренная раскольниками к смерти, она существует, она полна духовных сил, она остается единственным источником благодати на земле. Христианские догматы в самой сжатой и точной форме заключены в Символе веры, который обязателен для всех христиан. Вселенские Соборы запретили изменять в нем даже одно слово: этот Символ есть чистейший свет нашей веры и исповедание Православия. В нем указаны и главные свойства Церкви. Могут ли люди, отколовшиеся от Церкви, приписать эти свойства своей общине? Церковь в Символе веры названа единой: она единственна и целостна. Выходит, раскол должен объявить несуществующими все поместные Церкви, и не только Церкви, но также отрицающие друг друга течения в самом расколе. Какая же группа в расколе - единственная в мире Церковь? Где ее признаки, в чем свойства? Одно течение раскола борется с другим с такой же непримиримостью (а может, и с большей), с какой все они борются со Вселенской Церковью, и каждый раскольник громко кричит, что "голубь" Духа Святаго - его ложе.

Царь Соломон советует обращаться к прошедшему, чтобы лучше увидеть и понять настоящее. А в прошлом мы видим одно: расколы вздымались, как волны, и исчезали, как пена на поверхности моря.

Символ веры повелевает нам верить в соборность Вселенской Церкви: это безусловная воля Божия. Священник Павел Флоренский писал, что всечеловеческое - значит соборное, а соборное - значит церковное: эти три понятия связаны между собой; всечеловеческое

выражается в соборности как форме, а соборность осуществляется в церковности как идее. В расколе соборное мышление подменяется групповым, которое не имеет ни традиций, ни преемственности, ни твердых ориентиров истины и потому превращается в конгломерат (в узел, клубок) частных мнений. Святые Отцы считали соборность выражением любви обетованной Церкви: *Да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 15, 12), *Пребудьте в любви Моей* (Ин. 15, 9). Когда оскудевает любовь, то ослабевает дух соборности; тогда соборность становится внешним, структурным понятием, а не внутренней потребностью всей Церкви: ее дыханием, ее жизнью. Соборность - вовсе не "церковная демократия", а чистота веры, хранимая единством любви, за которую каждый христианин несет ответственность.

Наши братья нарисовали картину гибели Содома, но забыли о любви Авраама, который просил Бога о помиловании уже осужденных городов.

Символ веры повелевает нам верить во Вселенскую Церковь. Но разве может хоть одна из отпавших от Церкви общин назвать себя вполне серьезно Вселенской Церковью? Неужели люди, находящиеся в расколе, особенно их лидеры, могут взять на себя миссию Вселенской Церкви? "Возвещать Истину всем народам мира", быть проповедниками Божественного света во все концы вселенной, быть "солью земли", ее духовной силой? Думают ли они, какую тяжесть хотят взять на свои плечи? Только человек с разгоряченной мечтательностью и гордой самоуверенностью может подумать, что он в силах воздвигнуть или возродить Вселенскую Церковь [3].

Символ веры свидетельствует, что Церковь свята: она свята не человеческой праведностью, а благодатью Божией, обитающей в ней. Раскольники должны сказать, что в Церкви нет благодати, иначе грех раскола будет очевиден. Но у каждого из нас имеется доказательство того, что благодать есть в нашей Церкви, доказательство, которое нельзя опровергнуть никакими доводами: каждый из нас, хотя и не часто, может, всего несколько раз в жизни переживать в своем внутреннем состоянии это глубокое неземное чувство - встречу с благодатью Божией (особенно во время принятия церковных Таинств). Тогда благодать становится для нас самоочевидной, она не доказывается, она воспринимается как новая жизнь, как ни с чем несравнимая радость. Человек, помня это состояние, может сказать: я знаю, что благодать живет и действует в Церкви.

По Символу веры мы исповедуем Церковь Апостольской, то есть верим, что ее иерархическая преемственность ведет начало от Апостолов. Раскол же отрицает эту преемственность хотя бы уже тем, что ищет другую иерархию где-то на стороне. Люди, отпавшие от Церкви, еще вчера считали такие "параллельные иерархии" незаконными. Почему же сегодня в их глазах они вдруг оказались "благодатными" и "спасительными"? Мы видим ответ только в одном: просто они стали им нужны для осуществления раскола как видимая, конкретная его опора.

Раскол происходит сам из себя, он возникает из пустоты, образно говоря, вырастает из трещины храма, живет и питается отрицанием, разрушая, а не созидая, хотя он и пытается доказать обратное.

Мы далеки от того, чтобы обвинять наших братьев в преднамеренной лжи, но сам раскол тем не менее - это поле метафизической лжи. Мы считаем происходящее трагической ошибкой, которую на земле, в этой жизни, мы еще можем исправить, но в вечности она необратима.

Святые Отцы изображали Церковь в виде корабля, плывущего по безбрежному морю, обуреваемого волнами: люди, отпавшие в раскол, - это те, кто потерял надежду и с криком "спасайтесь, корабль уже тонет" бросились с палубы в море. Им казалось, что они на крыльях своей ревностной веры, а точнее, своего распаленного воображения, преодолению пучину, но все они нашли могилу в бушующих волнах, а корабль продолжает плыть среди бурь и штормов, ночной тьмы и туманов, водимый благодатью Божией.

Примечания:

[1] Организация раскола - обычный способ действия враждебных Церкви сил. Церковь невозможно уничтожить "физически", и потому враги стремятся обессилить ее путем насаждения внутренних противоречий, разногласий и как следствие - разделений и расколов. При этом причины, провоцирующие раскол, могут быть совершенно различными. Однако очевидно, что для Церкви раскол пагубен независимо от того, что служит поводом к нему - желание "либеральных" перемен, "обновления", "реформ" или же ревность о "чистоте веры", "хранении Православия".

Хорошо известно, что в России в 20-х годах обновленческий раскол поощрялся и всячески поддерживался советской властью в лице специального секретного отдела по уничтожению Церкви, находившегося в структуре ГПУ. Возглавил его Е. А. Тучков - автор и разработчик многих мероприятий по уничтожению Русской Православной Церкви, проводившихся в те годы. Одновременно он являлся секретарем комиссии по отделению Церкви от государства. Но менее известно, что ГПУ было заинтересовано и в расколе "справа", угроза которого исходила от епископов, считавших действия святителя Тихона "неудовлетворительными", требовавших более решительного противления богоборческой власти. В своем стремлении разрушить Церковь коммунисты готовы были поддерживать своих самых непримиримых противников - лишь потому, что их действия провоцировали раскол. Вот лишь один из многих примеров:

Из протокола № 55 заседания
Комиссии по проведению декрета
Об отделении церкви от государства
При ЦК РКП(б) 6 марта 1923 года

"Поручить т. Тучкову принять меры к усилению **правого течения** (выделено Изд.), идущего против Тихона, и постараться выделить его в самостоятельную противотихоновскую иерархию <...> Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на **раскол** (выделено Изд.) между митрополитом Сергием (назначенным Петром временно Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстителство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию - Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием, как самостоятельную единицу..."

(Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга вторая. С. 13; с. 15).

В настоящее время проблема раскола в Русской Православной Церкви так остро, как в 20-х - 30-х годах, конечно, не стоит. Однако причины и поводы для него, равно как и люди, способные его возглавить, изыскиваются, враждебные Церкви силы по-прежнему стремятся создать благоприятные для раскола условия.

Первые попытки спровоцировать раскол в наше время были предприняты сразу же с началом перестроечной "оттепели", когда положение Церкви только-только стало меняться, когда тиски, в которых она находилась, понемногу начали ослабевать. Тогда в средствах массовой информации началась широкомасштабная кампания по "рекламированию" Зарубежной Церкви. Целью ее было представить Зарубежную Церковь как "единственно истинную Русскую Церковь", "не запятнавшую себя сотрудничеством с коммунистами и КГБ", и тем самым вызвать раскол в среде верующих нашей страны, "поделить" их между двумя не признающими друг друга Церквями, расколоть на два враждебных лагеря. И хотя раскола как такового не получилось, печальным последствием этой кампании стали "зарубежные" (!) приходы на территории России.

Затем на протяжении долгого времени в прессе всячески превозносился лидер современного обновленчества священник Георгий Кочетков, ныне запрещенный в священнослужении, взявший на себя функции епископа и имевший организованных в некую псевдоепископальную структуру последователей в разных регионах страны.

Наконец, в последнее время все большие опасения начинает вызывать деятельность ряда "ревнителей" Православия, подвергающих яростной критике, которая противоречит православной экклезиологии и просто-напросто выходит за рамки элементарного приличия,

епископат Русской Православной Церкви, тем самым подрывая ее авторитет и скорее нанося ей ощутимый вред, нежели принося хоть какую-то пользу. - *Изд.*

[2] Киприан, как и Авксентий (см примеч. к с. 28) - один из лидеров греческих раскольников. - *Изд.*

[3] Примечательно, что "возродить" неколебимую и несокрушимую до конца времен Вселенскую Церковь раскольники намереваются всякий раз на базе собственной маленькой группы; одно это уже в достаточной мере свидетельствует о безосновательности такого рода притязаний. - *Изд.*

Символ и христианская символика

Пограничная полоса между Церковью и сектами проходит не только в области теологии (умозрительных догматов), но также в плане антропологии. Сюда включены вопросы о познавательных (гностических) силах человека, о средствах его душевных и духовных коммуникаций, а также примыкающие к ним вопросы о формах и возможностях общения человека с Богом и духовным миром. Поэтому, по нашему мнению, первым вопросом фундаментальных богословских и философских проблем должно стать определение символов и символика в ее двух аспектах: словесной и обрядовой (ритуальной).

Православная антропология учит о двух видах слова: внутреннем и внешнем логосе. Внутренний логос можно условно сравнить с непосредственным видением вещей, интуитивным познанием, созерцанием; это - духовная сторона логоса. В душевном плане поле действия внутреннего логоса - это тайники сердца, где хранится в закодированном и зашифрованном виде вся информация, которая генетически свойственна человеку. Эта информация настолько велика, что античные философы склонны были отождествлять познание с припоминанием (информация, которую получает человек во время своего земного бытия, не только от рождения, но и от самого момента зачатия). Свойства логоса - это способность мгновенно обработать огромную информацию, превосходящую объем информации, содержащейся во всех библиотеках мира. К внутреннему логосу относится также ощущение истины как чувства достоверности. Этот внутренний логос присущ людям всех времен и всех народов и составляет одно из существенных (субстанциальных) свойств человека как образа и подобия Божия. Внутренний логос охватывает области духа и души в их динамическом взаимодействии.

На поверхности, как бы на оболочке внутреннего логоса, рождается внешнее (профористическое) слово, или комбинация представлений. Внешнее слово локализуется на плоскости рефлексий. Если внутренний логос имеет пневматопсихический (духовно-душевный) характер, то внешнее слово - психосоматический (душевно-телесный). Действенность внутреннего логоса стабильна, несмотря на то, что ее обнаруживание, то есть связь с рефлексией, зависит от многих факторов психофизического состояния человека. Внешнее слово нестабильно; оно зависит от настроения (непосредственные переживания, страсти, целевые ориентиры). Профористическое слово относится к внутреннему слову как подобие, однако воля и страсти человека колеблют внешнее слово, отрывают от внутреннего; тогда происходит ложь мыслей. Бывает состояние, когда внутреннее слово подавляется внешним. Внешнее слово, как язык, исторически непрерывно меняется, внутреннее - постоянно. Внешнее слово воспринимается как средство общения фонетически и графически (речь и книга). В некоторых случаях оно может восприниматься и визуально, и это имеет существенное значение. Внешнее слово является знаком, а язык - условной системой. Если внешнее слово совпадает с внутренним, то оно является средством его выявления, обнаружения, как бы материализации; если же оно не выявляет внутреннего, то превращается в оболочку пустоты, в средство дезинформации как для самого человека, так и для тех, кто находится в общении с ним. По отношению к языку внешнее слово - это строительный материал. Внутреннее слово - душа языка.

Священное Писание - откровение Божие, обращенное к людям на человеческих языках. Главным средством выражения и познания является символ, вокруг которого группируются

остальные изобразительные средства речи. Священное Писание многопланово, оно дает уникальный пример гармонии между внутренним и внешним словом, реальные события служат символом духовных сущностей или процессов; поэтому в словах Священного Писания история дана как тайнопись духа.

Символом широко пользовались древние поэты и философы, но никто из них не дал определения символа, возможно, потому, что они считали, что символ - не только средство выражения, а тайна бытия. Символ отличается от аллегории и эмблемы, во-первых, тем, что не сочиняется и не составляется, а находится во взаимодействующей с человеком среде, включая историческую, культурную, общественную и материальную среду, и выявляется обобщенным сознанием человечества, особенно в творческом гносисе. Аллегория - искусственное построение образа, основанное на внешнем сходстве. Символ многозначен и многогранен, аллегория обычно однозначна. Аллегория сочиняется, а эмблема составляется, притом они могут меняться. Число эмблем и аллегорий может увеличиваться и убывать, а число символов ограничено. Символ имеет постоянный и устойчивый характер.

Какова основа символа? Земной мир и духовный мир имеют одного Творца. Цель земного мира (космоса) - преображение, одухотворение и единство с духовной сферой. Земной мир действием Духа Святаго через человека как образ и подобие Божия - связующее звено - должен войти в плерому духа и эон вечности. В идее это уже осуществилось, когда Сын и Слово Божие принял человеческую плоть. В эсхатологическом плане это завершится, когда, по словам апостола Петра, мир сгорит, но не уничтожится, и будет новое небо и новая земля (2 Пет. 3, 10-13). Поэтому богословы видят сходство между духовным и материальным, но сходство особой формы: материальный мир, сотворенный Божественной Премудростью, является иерархической системой символов, в которых зашифрована информация о вечном и бесконечном, о предназначении мира и его Творце. Это сходство и различие между идеальным и реальным, духом и материей, является основой того вида гносиса, который мы назвали бы священной символиккой.

После грехопадения человека произошла деформация макромира и микромира во всех их плоскостях. Деформирован космос, в него вошли распад и тление. Деформирован человек и способности его к богообщению и богопознанию, поэтому символы выявляются из общей картины мира как уцелевшие части поврежденного здания. Символ может открыться в слове в Священном Писании и в обряде (ритуале). *Символ* в точном переводе этого слова означает связь, связывающее начало. Он имеет в себе не только закодированную информацию, но и то, что гораздо важнее, - свойство коммуникации. Через системы символов человек включается в бытие духовного мира, соприкасается с ним глубинами своего духа, недостижимыми для рефлексий. Поэтому расшифровка и объяснение обрядов имеют второстепенное значение: и богослов, и неграмотная женщина могут одинаково включаться в литургическую жизнь и переживать мистику богообщения. Символ может быть полностью понят только в вечности, когда будет раскрыт целевой план космоса, его динамических структур, энергетических сущностей и эйдосов (образов-идей), то есть он может быть понят только взором, брошенным из будущего в прошлое, а в земном бытии можно фиксировать символ, но не разрешить его иерографическую задачу. Здесь нам важна связующая коммуникативная способность символов, то есть включение человека в символ и обряд через веру и волю, чтобы посредством символа соприкоснуться с бездной духа, с бездной Божественного бытия. Храм - это символ неба, физическое место, где вмещается бесконечное - полнота бытия, не ограниченная ничем, как человеческое тело Христа Спасителя, ограниченное в пространстве, вмещает полноту Его бесконечного и трансцендентного Божества. Здесь во времени через литургические символы открывается вечность, так как вечность - это прежде всего особое состояние, откровение Духа Святаго человеческой душе. Церковные символы - это не припоминание прошлых событий и не воображение будущего, а каналы и мосты, переброшенные между двумя сферами бытия - земного, пространственно-временного, и духовно-вечного.

По нашему мнению, здесь проходит раздел между православной Церковью и сектами. Для сектантов символ - это только изобразительное средство; это носитель информации, то

есть условный знак, посторонний для человеческого духа. Поэтому сектанты стремятся утилизировать символ, заменить его словом - рассудочной информацией. Стержнем сектантских собраний служит проповедь. В плане эмоционального воздействия это выражается в замене мистики светской музыкой и пением. Сам обряд и ритуал в сектантских собраниях превращен в знак припоминания тех или иных библейских событий, а иногда в их имитации. Поэтому такие обряды у сектантов, как "преломление хлеба", являются простым воспоминанием. В связи с различным отношением к символу у сектантов возникает иная система духовных ценностей, иное представление, чем у православных, о возможностях человека к богообщению, и на первом месте ставится информация. Их религиозная деятельность бурно протекает на уровне миссионерства, но застывает там, где начинается область мистики и аскетизма. Сектанты сами чувствуют потерю мистической глубины и пытаются заменить ее в одних сектах категорической уверенностью в своем спасении, в других - искусственной экзальтацией.

Нам кажется, что различное отношение к символике можно наблюдать в католицизме и протестантизме - как по отношению к Православию, так и друг к другу. Возможно, что корни этого скрываются в антропологических концепциях. Католицизм уменьшает значение и следствия первородного греха для человека. Католические теологи, особенно из ордена иезуитов, утверждают, что первородный грех лишил человека только благодати и сверхъестественной помощи, но оставил целостными естественные силы человека. Католицизму чужд аскетизм древних подвижников, учение о борьбе со страстями и о непрестанной молитве, являющееся неперемным условием православной сотериологии [1]. Поэтому в католицизме наблюдается перемещение от символического к картинному изображению, замена иконы как символического изображения портретным рисунком и изваянием, там как будто хотят заменить символ зеркальным отображением духовного мира, что, по нашему мнению, ведет к приземлению духа. В литургике это проявляется в театрализации и внешней эффектности богослужения.

Протестантизм впадает в другую крайность: он учит о первородном грехе не как о болезни и порче мира и человека, а как о низвержении их в состояние некоего хаоса. По их мнению, грех разрушил связь между духом и материей, поэтому они не признают коммуникативное значение символа, а рассматривают его как условный знак. Эта расщепленность между образом и словом привела к крайнему упрощению обряда. Человек из соучастника своего спасения превращается в предмет спасения, от которого требуется только уверенность в том, что он спасен. Для поддержания этой уверенности в рационалистических сектах употребляется проповедь, перемежающаяся совместным пением (ритмическим словом), а для сект, называющих себя мистическими, - искусственные приемы, приводящие в состояние нервного возбуждения (магические мистерии, танцы и т.д.). Для протестантов Церковь - это форма солидарности, а религия заключается в личных субъективных переживаниях. В противоположность католицизму символ в протестантизме заменен условным знаком, поэтому здесь наблюдается тяготение к абстрактному искусству.

Так как большинство сект ссылаются на Священное Писание как на единственный авторитет, то следует разобрать вопросы о значении символа в самом Священном Писании, о символике в обрядах ветхозаветной Церкви, которые достаточно полно представлены в Библии, особенно в Пятикнижии Моисея. Без разрешения проблемы символа беседы с сектантами будут похожи на беседу людей, говорящих на разных языках. Сектанты, допуская ошибку в понятии символа, затем логически продолжают ее, отрицая Церковь, священство, иконы и ритуалы.

В проблематике символа некоторых вводит в заблуждение термин "символизм" как название литературного течения конца XIX - начала XX столетия. Однако поэтический "символизм" ничего общего не имеет со священной символикой. Там вместо символа тонкие ассоциации и неясные туманные образы, как бы знаки, всплывшие на поверхность нашего подсознания. Символ же объективен, поэтому он отвечает идее Церкви как общности и единства. Образы символистов субъективны, они ведут к крайнему индивидуализму. Характерно, что многие выдающиеся символисты, такие как Бодлер, Метерлинк, Блок и

Андрей Белый, принадлежали к оккультным сектам. Богопознание - это процесс, в котором должны участвовать все силы человеческого духа, весь целостный человек как личность, а не только его чувство или рассудок. Церковное богослужение - это система символов, в которую включается человек как цельная личность, поэтому он является реальным участником тех событий Священной истории, которые содержатся в обрядах и ритуалах Церкви.

Отвергая символы, протестантизм оказывается на краю пропасти, разделяющей духовное и материальное. Этот вакуум, эту открывающуюся пустоту он хочет заполнить уверенностью, что цель уже достигнута посредством внутреннего состояния, которое он отождествляет с действием благодати. Эти переживания носят субъективный, индивидуальный характер; они не подлежат коррекции через мистический опыт Церкви, который в протестантизме отсутствует, не интегрируются в литургику, так как обряды упрощены, объединены и сведены к минимуму. Духовный путь протестанты заменили медитацией: Христос пришел, и поэтому они уже спасены. В противоположность, как реакция на это, появились секты мормонов, иеговистов, которые абсолютизировали земные реалии и смотрят на вечность как на бесконечное продолжение земного существования. Католицизм в своем стремлении утилизировать и инструментализовать символ заменяет его в живописи миметическими изображениями, а в ритуале - сценическими имитациями событий. На полотнах позднекатолических художников увековечены человеческие страсти и завуалирован грех. Это чувствовали сами католические живописцы, и потому одни старались найти выход к потерянной духовности в античном культе красоты, другие - в патологических душевных состояниях (так, например, знаменитый Эль-Греко искал натурщиков для своих картин в психиатрических лечебницах).

Важным предметом разногласия между православной Церковью и баптистами является вопрос об иконах. Баптисты отвергают возможность изображения духовного мира в физическом плане и поэтому не признают почитание икон. Они смешивают понятие иконы с понятием идола, с изображением несуществующих божеств, то есть религиозной фантазии и фикции. Для православных икона - органическая принадлежность храма, выявление духовного и невидимого в материальном плане - не как его зеркальное изображение или проекция, а посредством особого знакового языка. Икона является символом и подобием, но особого рода, где смысловую нагрузку символа несет образ, где сходство становится знаком, а знак приобретает визуальное сходство, где конкретное изображение святого становится символом его духовного бытия, знаком его присутствия. В иконе сочетаются два принципа: катафатичность (сходство) и апофатичность (несходство). Сходство необходимо для узнавания святого, для выявления его как неповторимой личности; условность и несходство служат выражением другой формы и бытия его существования. Икона одновременно обращена к земле и от земли. Мы смотрим на нее от земли взором, привыкшим видеть только земные реалии. Святой как бы смотрит через икону на землю, поэтому в иконе нет земной перспективы, она ассиметрична и условна, в ней преломляются иные линии зрения. Как иероглиф занимает промежуточное место между буквой и рисунком, так икона сочетает в себе свойство символа и картины. Икона многопланова; иногда это достигается отсутствием перспективы, то есть иллюзорного восприятия пространства, иногда в иконе очерчено несколько взаимопроникающих сфер. Одноплановость и присутствие зрительной перспективы являются нарушением принципа иконописи и открывают широкое поле для религиозной профанации.

Итак, икона - это не живопись духовного мира и не отвлеченный знак, а обобщенный в художественную идиому мистический опыт всей восточной Церкви.

Икона имеет несколько аспектов: информативный, психологический, мистический, сотериологический, эсхатологический. В информационном плане икона - книга, написанная краской зрительных образов. Духовный мир в своей сущности невыразим. Но не следует забывать, что и материальный мир так же невыразим в своих сущностях, а фиксируется через действие и свойства. Человек воспринимает не сущность материального предмета, а его динамико-энергетическое проявление, и затем трансформирует его в образы предметов

(например, лучевые волны в цвета и звуки, и т.д.). Духовный мир так же невыразим словом, однако у нас есть Священное Писание как откровение самого духовного мира на уровне человеческого языка, в системах звуков и графики. Если утверждать, что невозможно дать некоторые духовные понятия о мире, поднять к нему мысль, отразить его хотя бы в теневом отражении изобразительным средством языка, то это будет значить, что Библия - не откровение Божественных истин, а ничто. Библия и икона - путь к богообщению. Икона и храмовая живопись - это аналог Библии в визуальном плане.

Рассмотрим и психологический аспект. Мы мыслим и воспринимаем через сложную систему ассоциаций. В нее включена наша эмоциональная сфера. Вещь, принадлежащая близкому нам лицу, дорога нам как воспоминание о нем. Портрет родного или любимого лица пробуждает чувство его присутствия, поэтому с психологической точки зрения икона способствует сосредоточенности в молитве и актуализации нашего религиозного чувства. Даже в этом, по сути дела, рационалистическом плане значение иконы не может быть отвергнуто. Икона имеет мистический и сотериологический характер. Она соединена с лицом, изображенным на ней. Благодать, то есть ипостась святого, проявляется в его образе через особое духовно-энергетическое поле. В этом смысле икона является источником сил, исцелений и сверхъестественных явлений, которые зафиксированы в истории Церкви и в наименовании некоторых икон чудотворными. Икона имеет эсхатологический смысл: это будущее преображение человека Духом Святым. Икона - это идея будущего одухотворения космоса, когда окончится противоборство духа и материи. Высшим символом и иконой преображенного космоса является храм. Символ - это связь и средство взаимодействия между модусами бытия, между материальным и духовным, временным и вечным, сотворенным и несотворенным, ограниченным и абсолютным. Первые страницы Библии - сама величественная картина творения - дают нам некоторые указания на свойства символов.

1) Творение происходило постепенно и поэтапно, от низшего к высшему:

а) символ динамичен, сходство между символом и символизируемым имеет не только структурный, но и динамический характер;

б) символ иерархичен. Символы составляют систему ценностей и ступени гностического постижения;

в) символ перспективен: событие из прошлого может раскрываться в настоящем и символизировать будущее.

2) Творение имеет цель - возведение мира к Богу.

Символ обладает целевой идеей, поэтому включение человека в ритуальную символику служит началом его одухотворения и преображения.

3) Земле даны силы для воспроизведения жизни. Она является субстратом жизни. Символ имеет свою энергетическую сущность, подобно энергетической сущности символизируемого. Поэтому, включаясь в символ, в нем и через него душа энергетически общается с символизируемым. Творение человека - это творение через единого (Адама) множественности в силу единства человечества. Символ имеет обобщенное и обобщающее свойство. Он понятен во все времена и всем народам, хотя и раскрывается на разных уровнях. Здесь корни сходства символов языческого и христианского миров, сходства, имеющего космический и универсальный характер. Это сходство, относящееся к общности человеческого рода, его познаний и исканий, нередко профанируется сектантами и атеистами как проникновение язычества в христианство. Те, кто хочет видеть в сходстве символического языка рецидив язычества в Церкви, должны помнить, что христианство не могло придумать новой символики, как, скажем, придуман искусственный язык эсперанто [2]; это была бы не символика, а непонятная, чуждая людям обрядовая тайнопись. Христианство взяло общечеловеческую символику и раскрыло ее глубокий смысл. И в ветхозаветной Церкви, и в языческом мире зажигались светильники в храмах, приносились жертвы, воссылались молитвы, но целевые идеи и понятия о символизируемом были у язычников искажены. Что же касается символического языка новозаветной Церкви по отношению к ветхозаветной, то символы были углублены, возведены на высшую иерархическую ступень, однако между ними сохраняется генетическая связь. Символами

могут являться исторические события, так как история человечества носит провиденциальный характер. Самые характерные события, как бы нервные узлы истории, - это символ будущих судеб человечества и мира.

Шесть дней творения и седьмой день покоя являются историческим ядром мироздания, которое затем через деятельность человека переходит в мирозидание и должно окончить вселенским преображением, воплощением и раскрытием всех символов и подобий в новом небе и на новой земле.

Мы отметили, что высшее место в системе символов занимает храм. Значение храма многогранно. Это место присутствия Божества, поэтому имя храма - Святыня. Это пространство, где воплощено единство двух литургисающих Церквей - небесной и земной, где события Священной истории, уже произошедшие на земле и предсказанные в Откровении, имеют форму актуального, настоящего. Поэтому в циклах и ритмах богослужения открывается вечность, а в пространстве храма вмещается бесконечность. Храм - это символ, единый и многогранный, и в то же время целый мир символов. Храм - это образ преображенного космоса, это символ небесной Церкви, это история Ветхого и Нового Заветов, радиусы которых сходятся в одном центре, в лице Христа Спасителя. Апостол и тайновидец Иоанн Богослов свидетельствует, что в небесном Иерусалиме храма не будет: сам Бог в будущем веке станет храмом для спасенных; поэтому храм служит символом Самого Божества и Божественного Света, который делает Церковью душу человека и Вселенную, освобожденную от власти смерти, тления и греха. Нам могут возразить, - а нужна ли сложная символика, не лучше ли в простоте молиться Богу. Но ведь беда в том, что в нас на самом деле нет простоты, которая чистым зрением созерцает духовный мир. Грех ввел сложность и распад в душевно-телесный организм человека, овеществил тело, разделил во внутренних противоречиях силы души, противопоставил душу духу. Человек - запутанный клубок противоречий, он оземлен, подавлен грехом, опален вспышками страстей. О простоте может говорить только человек, потерявший самопознание. Мы не можем видеть духовный мир, как наши глаза не могут видеть солнца; однако через земные символы и иносказания, как через затемненное стекло, мы смотрим в страну Вечного Света. Апостол Павел говорит: *Мы видим как бы сквозь тусклое стекло <...> тогда же лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12).

Те, кто отрицает символику или же впадает в крайний спиритуализм, забывая о своей телесности и греховности - живут в мире мечтательных представлений о себе как об уже спасенных, в замкнутом кругу, в призраках, вызванных из небытия, или же, в другом случае, материализуют духовный мир, считают его продолжением земной жизни без преображения и качественного изменения (это последователи Сведенборга, мормоны, иеговисты и хилиасты различных толков). В первом случае убеждение, что спасение совершено, делает символ как путь к спасению ненужным. Во втором случае, если земная реальность единственна, то понятие символа как связи вообще исчезает. Апостол Павел говорит, что мы через видимый мир познаем невидимое Божество (ср. Рим. 1, 20). Но религиозное познание его - не философское суждение и не абстракция, а познание через общение и контакт. Символ - связь видимого с невидимым, материального с духовным. Отрицая символику, сектанты забывают о том, что такой универсальный факт религиозной жизни, как молитва, совершается посредством слова, являющегося, с одной стороны, материальным субстратом речи (графика и фонетика слова), с другой стороны, условным знаком. И здесь в молитве совершается связь между чувственным и сверхчувственным, связь души через материально-знаковую систему профористического слова с миром духовных сущностей.

Отвергая почитание икон, сектанты отвергают также почитание Креста, в отличие от византийских еретиков-иконоборцев VIII-IX веков, которые допускали в храмах изображения Креста, но без распятия. К своей обычной критике иконопочитания сектанты прибавляют еще особые возражения против почитания Креста и употребления крестного знамения. По мысли сектантов, Крест - это орудие пыток и смерти Спасителя мира, орудие, через которое совершилось самое великое злодеяние и несправедливость, оно стало как бы сосредоточением и воплощением земного и космического зол. Сектант недоумевает, как

можно почитать ложе пыток и плаху казни любимого человека, тем более Бога, принявшего плоть. Для ветхозаветного сознания Крест был знаком отвержения и проклятия, он внушал чувство ужаса и отвращения. Апостол Павел писал о том, что распятие, Крест иудеям - соблазн, эллинам (язычникам) - безумие, а нам - сила Божия (1 Кор. 1, 23). Юридическое мышление, в основе которого лежал принцип мирской справедливости и причинно-следственной связи между действием, результатом и целью, в рамках которого рассматривалось само Божественное правосудие, промысл Божий о мире и провиденциальный ход истории, не могло понять, как из преступления, совершенного людьми по отношению к Мессии, может последовать спасение человечества. Этот кажущийся парадокс противоречил всем правовым и нравственным понятиям зарождающегося раввинизма, который хотел составить точный регламент действия не только для человека, но для Самого Божества. Иудейские книжники быстро поняли, что Иисус из Назарета обращается с вестью о спасении не только к Израилю, но ко всему миру, и это уравнение Израиля с языческим миром в возможности стать наследниками Царства Божия, Обетованной земли, воспринялось интеллектуальной элитой Израиля как вопиющая несправедливость. И само Евангелие прозвучало для них как ложная весть, как провокация против избранного народа. Крест, крестная смерть Спасителя были для них очевидным свидетельством того, что Бог отверг Иисуса из Назарета. Крики толпы: "Если Ты Сын Божий, сойди со креста, и мы поверим Тебе", говорили о том, что юридическое сознание раввинизма не могло вместить антиномических понятий Царства Божия и Креста, Мессии и Осужденного на распятие, спасения и смерти. Для иудаизма сущность Креста - проклятие и отвержение. Для языческого мира главные атрибуты божеств - это могущество и воля к победе; там боги вступают в борьбу с чудовищным порождением хаоса, друг с другом, а иногда с людьми; боги Гомера похожи на сражающихся гладиаторов. Бог, добровольно умирающий на кресте смертью раба, для язычника-эллина - безумие. Во времена гонений языческие судьи часто спрашивали христиан: как Умерший на кресте может спасти тебя? То есть, как может помочь тебе Тот, Кто умер позорной смертью и не мог спасти Себя Самого. Если иудей относился к Кресту с содроганием и ужасом, то язычник - с гордым презрением. Языческий и иудейский мир, один в силу своей космофилии, другой - по гордыне духа, не могли постигнуть тайну Креста.

Священное изображение - это отражение идеи в определенном структурно-визуальном образе. Икона отличается от картины тем, что не фиксирует конкретного события в его исторической привязанности к месту и времени, не воплощает непосредственных эмоций участников событий, а передает сущность, смысл, идею события, как бы изымая его из власти пространства и времени. Поэтому почитание Креста для христианина - это мистическое восприятие идеи Креста.

Крест для христианина имеет несколько значений. Крест - это иконографическое изображение события, которое произошло на Голгофе: это центр мировой истории; Крест в космическом аспекте - это план мироздания (всякое строение имеет своей опорой крест) и путь к мировосстановлению. Крест в Ветхом Завете - знак отвержения и гибели, состояние человечества, отверженного Богом. В христианском плане Крест - вся земная жизнь Спасителя от Вифлеема до Голгофы. В сотериологическом плане это универсальная жертва, принесенная за все человечество; в ангелологическом - победа над сатаной, разрушение его власти на земле и в преисподней, новое отношение человечества к миру светлых духов.

Крест - наиболее полное откровение любви Творца к Его созданию, которая до распятия была неведома даже ангелам. В нравственном аспекте Крест - это путь души за Христом; это новая заповедь о жертвенной любви. Без Креста были бы непонятны слова Спасителя: "Любите друг друга так, как Я возлюбил вас". В аскетическом плане Крест - образ самоотречения, в эсхатологическом плане - любовь Логоса к Церкви и обручение Христа с человеческой душой через Крест. В мистическом плане - это тайна любви, проявляемая через страдания; в символическом - это образ спасения мира, совершенного Христом.

Четыре конца Креста - знак четырех стран света и четырех времен года, жертва, охватывающая пределы пространства и времени. Верхняя линия Креста - путь к Богу, единство земной и Небесной Церкви, линия вниз - поражение демонических сил, будущее разделение зла и добра, надежда на спасение тех, кто находится в аде до Страшного суда. Горизонтальная линия Креста - Божественная любовь, которая объемлет вселенную, проповедь о спасении, обращенная ко всем народам. Для христианина Крест - символ не смерти, а жизни. Любовь - это полнота жизни, а жертвенность - высшее проявление любви, поэтому распятие Христос назвал Своей *славой*. Крест - это не поражение, а добровольный акт Божественной любви (Господь сказал Петру, что легионы ангелов могли бы защитить Его). Крест - это иконографическое изображение всего Священного Писания, так как Сам Господь сказал, что в двух заповедях любви к Богу и ближнему содержится весь закон и пророки, а Крест - это солнце любви, озаряющее мир. Крест - это символ покорности воле Божией. Только Христос мог стать жертвой за грехи мира. Если в лице Адама пало все человечество, потенциально существовавшее в нем как в своем начале и истоке, то Сын Божий, в предвечной идее Которого существовал Адам и все человечество, мог принести в Своем лице жертву за весь мир. Сущность жертвы - добровольная замена виновного невинным, поэтому Крест - это соединение Божественной правды и Божественной любви.

Во святая святых ветхозаветной Церкви хранился прообраз Креста - меч Голиафа, которым Давид-псалмопевец поразил филистимлянского исполина и спас Израиль. Христианская Церковь хранит и почитает Крест, орудие смерти, которым побеждены смерть и диавол и которое стало знаком и знаменем нашего спасения.

Сектантов смущает ритуальное поклонение и целование Креста. Здесь мы опять встречаемся с вопросом о значении обряда как знакового языка и средства общения. Поклонение включает в себя чувство благоговения и признание величия того, чему поклоняется человек. Святитель Василий Великий писал: "Почитающий добродетель становится причастником добродетели". Поклонение содержит в себе также чувство своей греховности, недостойности и внутреннего покаяния (святой Иоанн Златоуст пишет, что человек становится достойным богообщения через признание своего недостойности). Поцелуй - это знак любви и верности.

Сектанты спрашивают: нужны ли обряды? Не достаточно ли одного визуального созерцания Креста, чтобы вспомнить, что произошло на Голгофе? Обряд - это выраженное движение души, это язык, менее дифференцированный и конкретный, чем слово, но более органический и глубокий. В слове человека преимущественно содержится его мысль, а в движении - его чувства, непосредственное выражение духовного состояния. По еле заметным движениям глаз и губ мы уже можем догадываться о переживаниях человека.

Существует обратная связь от внешнего движения к внутреннему душевному состоянию человека, давно замеченная психологами. Не только чувство проявляется в движении и жесте, но само движение может индуцировать соответствующее чувство. Язык динамики и жеста принял в миру определенную поведенческую форму, им мы постоянно пользуемся в повседневной жизни. Например: рукопожатие и поклон как приветствие, привычка вставать навстречу гостю и так далее. Эти ритуалы настолько проникли в нашу жизнь, что мы перестали воспринимать их как условные знаки. Система взаимоотношений через бытовую обрядность является органической частью этикета; нарушения обычно воспринимаются как разрушение форм общения и общежития и могут привести к разрыву в отношениях между людьми. В зависимости от человека эти ритуалы могут быть бездушны (впрочем, как и слова), но если в них заключено внутреннее содержание и соответствующая эмоциональная информация, то они придают общению людей задушевный характер и как бы образуют гармонию между ними. Поклон - знак уважения и благоговения. Поклонение Кресту помогает человеку глубже переживать это чувство. Обряд переводит мысль (понятие) в сферу эмоционального восприятия. В обряде полнее, чем в слове, участвуют человеческая личность и лежащая глубже слова область подсознания. В мистическом плане обряд - это такой же диалог, как и молитва. Это возвращение души от мира к себе и обращенность ее к Богу - выход (восхождение) души из себя, из своей тварной ограниченности к свободе

Божественного бытия и ответ Божества человеческой душе. Поклонение Кресту - связь, то есть соучастие в тайне Креста, мистическое начертание в душе своей образа Креста как имени христианина, как "вечной печати" Христа.

Примечания:

[1] Так называемые духовные упражнения, разработанные в различных католических орденах, как правило, не имеют целью очищение души от эмоций, чувственных образов и т.п., поэтому молитвенная аскеза в католицизме прямо противоположна православной и, строго говоря, с православной точки зрения аскезой считаться не может. II Ватиканский собор настолько "смягчил" правила поста, что пост для мирян оказался практически отменен. Аскетический "подвиг" новопостриженных монахов в иных случаях сводится к трехдневному воздержанию от прогулок, газет и телевизора. Отменяется и правило затвора для женских орденов, так что инокинь подчас принуждают выходить на улицу в светской одежде, что бывает попросту мучительно для большинства из них. - *Изд.*

[2] *Эсперанто* - язык, сложенный из элементов ряда естественных языков, и эти элементы сочетаются по правилам, также предусмотренным реальными языковыми системами, поэтому искусственность его не абсолютна. Очевидно, человек не в состоянии выдумать язык, в котором не было бы ничего от естественных языков, то есть от способа общения, заложенного в человеке при сотворении. - *Изд.*

Что такое модернизм?

Может ли Православие совмещаться с модернизмом?

Модернизм означает "осовременивание". Модернизм как постоянная (перманентная) ревизия духовных ценностей Церкви, по нашему мнению, основывается на ложных психологических и экклезиологических установках. Само слово *модерн* уже подразумевает определенную концепцию, а именно, что Церковь - это развивающийся и эволюционирующий организм, в котором должно отмирать старое и отжившее, и на смену ему приходиться новое и жизнеспособное. Эта теория эволюционирующей Церкви приводит к разрушению самого понятия Церкви как полноты Откровения, тождественной себе самой во все исторические времена. Теория эволюции искажает православную антропологию; она представляет человека в виде исторически развивающегося существа, которое перерастает прежние, данные в прошлом, религиозные сведения и представления и нуждается в новых, более глубоких и соответствующих его времени понятиях. Здесь же должно эволюционировать само Откровение, и будущее представляется как возможность новых религиозных открытий. Религия получает странное сходство и аналогию с научными гипотезами, которые по мере накопления знаний совершенствуются и изменяются, то есть истина для модернистов становится относительным, релятивистским понятием. Тогда становится неясным: в какую же мы Церковь верим - в Церковь настоящего или Церковь будущего? И что представляют собой догматы - сознание Церкви или же этап развития человеческой мысли? Нам кажется, что модернизм - это следствие смешения двух планов, или двух сфер человеческого познания: духовного и душевного. Вопросы, относящиеся к жизни и ведению духа, решаются на уровне души; Откровение воспринимается через призму душевных представлений; духовным кажется не надмирно прекрасное, а по-земному красивое, не возвышенное, а способное вызывать восторженность, не глубокое, а красочное. Очищение души представляется не как победа ума и воли над страстями, а как катарсис драмы, то есть глубокие и контрастные переживания. Для этого нужен эффект, который влечет за собой не покой и мир души, а психическую возбужденность и аффективность.

Истинная духовная жизнь глубока, но проста. Модернизм чужд этой простоты (хотя там может быть искусственная упрощенность как один из приемов). Духовная жизнь - это не сложная и красочная мозаика чувств, не волны эмоций, хотя в некоторых случаях, особенно в переломные периоды в жизни человека, покаяние может приобретать эмоциональный

характер; духовная жизнь по своей сущности тиха и ясна, и эту тишину модернисты воспринимают как нечто безжизненное. Среди них распространено выражение "спящий Восток": для них жизнь духа - это внешняя динамика, поэтому модернист обычно смотрит на монашество как на духовный эгоцентризм. Модернисты ссылаются на слова священного Писания: *се, творю все новое* (Откр. 21, 5) для оправдания своего стремления превратить Церковь в полигон для испытаний новых усовершенствований, открытий и творческих идей, которые для верующего человека представляются или дерзостью невежд, или детской затеей. *Все новое* - не в этом мире, а в Духе Святом, в переживании человеческой душой благодати. Здесь, на земле, все старое: древняя истина и древние заблуждения.

Модернизм чужд идеи соборности. Церковные символы объединяют христиан в одном духовном ведении, в одном языке Церкви. Модернисты заменяют знаковую систему, то есть в язык Церкви стараются ввести свои частные жаргоны. В этом смысле модернизм является разобщением и центробежным явлением. Модернисты не знают или не понимают, что символы, в отличие от других изобразительных средств человеческого языка, не сочиняются, а существуют как данность в мышлении человека, - микрокосма в макрокосме. Символ - это свидетельство того, что видимый мир по отношению к невидимому миру представляет собой некое подобие, как творение единого начала. Модернисты заменяют символы сочиненными ими или взятыми из душевной области - литературы, искусства, философии, науки - метафорами, эмблемами, поэтическими аллегориями и так далее. Они говорят, что древний язык непонятен для современников и необходимо найти другие, более доступные средства выражения. Здесь профанация: тайна всегда останется непонятной, каким бы вербальным интерпретациям мы ее ни подвергали. Тайна не раскрывается на уровне словарной семантики, она открывается по мере духовной подготовленности человека. Форма связана с содержанием; само Откровение рождает форму; с изменением формы изменяется содержание. Рационализм в религии - это желание упразднить феномен веры как внутренних духовных возможностей, заменить ум (*нус*) рассудком (*рацио*), который хочет узурпировать место духа; ограниченное хочет определить безграничное. Здесь обычно происходит замена религии как таинственного общения духа с Божеством философией и плоской морализацией. Обряд и ритуал Церкви насыщены символическим и духовным содержанием; в них должна включаться душа, тогда она получает мистическую информацию: не рациональные знания, а очищение и духовную силу. Обряд и ритуал из-за своей глубины не могут быть поняты и исчерпаны через слова. Если бы даже обряд мог быть разобран и описан с исторической, лингвистической и психологической стороны, все равно сущность его осталась бы непонятной для голого рассудка. Обряд можно сравнить с руслом реки, а благодать, которая, сообщаясь с душой, делает человека новым творением, - с ее потоком.

Есть еще одна разновидность модернизма - это ложный мистицизм. Человек чувствует себя медиумом неведомых для него сил, которые он воспринимает как явление ангелов или "излияние" Духа Святаго. Такой модернизм принимает формы не театральности, ищущей эффектов, и не плоского рационализма, который хочет поставить Божественные истины ниже человеческого рассудка, а оккультизма. Этим модернисты хотят "углубить" мистику Церкви, а на самом деле подменяют ее демонизмом. Иллюстрацией этого могут служить "иконы", написанные Врубелем и Дали, из которых ощутимо для души верующего сочтется метафизическая тьма. Модернисты говорят, что надо идти за временем, чтобы быть понятным людям. Но мы знаем, куда идет человечество и куда идет время. Церковь должна сохранить свои вечные ценности от энтропии времени, то есть возвыситься над ним. Наивно думать, что если превратить тайну в аксиому, а мистику в философию, то мы сможем сделать религиозным хотя бы одного человека. К христианству привлекает душу благодать Божия, и душа ощущает христианство не как кодекс поведения или сумму рационализированной теологии, которая хочет доказать, что существование Бога очевидно, как дважды два - четыре, а как тайну, которую надо искать, беречь и хранить. Есть еще один вид модернистов, о которых не хотелось бы даже говорить; это модернисты-прагматики; их интересует количество верующих, посещающих храм - арифметическое число, ради которого они готовы превратить Церковь в концертный зал, политическую трибуну или

спиритический кружок, то есть работать на все вкусы, лишь бы корабль был полон пассажирами, а куда этот корабль плывет - этот вопрос для них безразличен. Христос сказал: **Кто от истины, слушает гласа Моего** (Ин. 18, 37). К Церкви приводит людей тот голос истины, который звучит в их сердце. Модернизм обычно берет на вооружение понятия и представления мирской культуры и цивилизации, то есть уподобляет Церковь миру, который, по словам Писания, **лежит во зле** (1Ин. 5, 19). Последнее время пышными "цветами зла" расцвела еще одна ветвь модернизма - религиозная эклектика.

Модернисты этого толка прямо не заявляют себя учителями Церкви; напротив, они считают себя всего-навсего учениками, но учениками не Православия, а всех религий и философских систем. Они считают, что можно и нужно брать лучшее из других религий и тем обогащать Церковь. Эти люди, побывав в инославных и иноверных общинах, загораются желанием внедрить в Православие то, что импонирует их чувству и поражает их воображение. Они утверждают, что в этих обрядах и ритуалах также выкристаллизировался духовный опыт столетий и содержится глубокий смысл. Они не воспринимают православную Церковь как живой организм, где внесенное насильственно инородное тело вызовет травму и затем или будет отторгнуто живым телом, или останется в нем, угнетая и заражая его. Мы согласны, что в ритуалах и обрядах этих общин заложена огромная информация и отражен их духовный опыт. Но какова природа этого опыта? Пророки открыли, что "боги язычников - демоны", Апостолы заповедали: не пить из бесовской чаши. Православная Церковь именно потому называется православной, что в ней сохранена чистота догматической информации и благодатного духовного опыта. Обычно эти модернисты протестуют, если их сравнивают с теософами; они говорят, что верят в единую Церковь как полноту истины, но, признавая частичность истины у других религий, считают возможным заимствовать их достижения хотя бы со стороны формы. Им нравится экстатика пятидесятников, мусульманский намаз, театральные представления индуистов, напоминающие мистерии, оккультная символика розенкрейцеров, уличные марши "Армии спасения" и так далее. Они считают, что неразумно пренебрегать таким богатым арсеналом средств воздействия; однако такие заимствования - вовсе не безобидная косметика, они таят опасность: создание каналов, через которые духовная ложь будет проникать, как бы сочиться, в Церковь.

В Библии описан случай из жизни пророка Елисея. Город Самария был окружен сирийскими войсками, в нем начался голод, жители стали собирать траву, чтобы приготовить из нее себе пищу. Один человек увидел у городской стены незнакомое ему экзотическое растение, похожее на плющ, оно понравилось ему на вид, он сорвал его и вместе с другими травами бросил в котел. Когда травы сварились и люди стали черпать из котла и есть пищу, то они почувствовали боль: пища превратилась в яд. "Человек Божий, смерть в котле", - кричали они пророку, умоляя его о помощи. Одно неведомое растение отравило пищу (4 Цар. 4, 40).

Некоторые считают, что догматы вечны, а обряды можно изменять; однако Библия говорит нам о другом. Моисей на Синае получил не только Откровение в виде закона и догматического вероучения - ему был открыт образ скинии - ветхозаветной Церкви, дан план скинии и даже указание о материалах для нее и о всех предметах, касающихся богослужения. Как Ветхий Завет был раскрыт в Новом Завете, так символы ветхозаветного храма в их пророческом значении получили мистическое раскрытие и высшее содержание в новозаветной Церкви. У истоков православного богослужения также стоит Откровение. По преданию, чин литургии был дан Самим Христом апостолу Иакову, первому епископу Иерусалима, а дальнейшие виды литургии были сокращением этого чина также по откровению Божьему. Творчество человека основано на его эмоциональном восприятии или силе рассудочных моделирований, а религиозные реалии принадлежат другому - духовному миру.

Мы кончим тем, чем начали: модернисты на основе душевных чувств, иногда поэтических и горячих, но не очищенных от страстности и аффективности, хотят оценить мир духовных явлений. Это все равно что стараться посредством осязания уловить

человеческую мысль. Вместо духовного мира они сочиняют свой собственный фантастический мир, мир иллюзии, значит, лжи. С духовным миром можно соприкоснуться только посредством покаяния и борьбы со страстями, путем православной мистики. И тот, кто увидит хотя бы смутные очертания этого мира, остановится в изумлении перед его красотой.

Часть II

С берегов далекого Ганга...

С берегов далекого Ганга пришел в Афины никому не ведомый странник. Это был брахман, который, услышав о знаменитом аттическом мудреце, совершил путь из Индии в Грецию, чтобы только увидеть его. Войдя в дом Сократа, брахман молча сел и погрузился в размышление. Спустя некоторое время он спросил: "Что ты считаешь самой большой мудростью?" Сократ ответил: "Познай самого себя". Гость возразил: "А разве можно, не познав Бога, познать себя?" Если бы эти слова относились к Богу Откровения, к живому Богу, то индус был бы прав. Но для брахмана существовал другой бог, безликий абсолют, который живет в человеке под именем Атмана. Познать себя через бога для брахмана значило отождествить себя с богом.

Язычник Сократ приближался к Богу через философию Логоса. Индусский брахман желал замкнуть в самом себе Бога и вселенную через философию антилогоса.

В эллинистическом мире религия никогда не сливалась с философией. В древнем Индостане философия пронизывала всю религию. Философия Упанишад и буддизма слилась в тот общий нераздельный поток, который принято называть индуизмом. Индуизм похож на покрывало, расшитое золотыми и серебряными нитями философских учений, украшенное яркими цветами поэтических сказаний, которое скрывает под собой мертвое тело. Религия индуизма - это убийство Бога.

Бога "убивали" на протяжении всей человеческой истории, "убивали" по-разному: одни через крестную казнь, другие - старались ложью и насилием вырвать Его образ и имя из людских сердец, третьи, не отвергая Бога, пытались представить миру жалкую карикатуру, четвертые поклонялись демону как богу. Индуизм - это богоубийство через ложь. По учению индуистов, существует только один Брахман, который живет в человеческой душе в виде Атмана. Человек - это не осознавший себя бог. Нам предлагают верить в бога, лишённого самопознания, забывшего о своем достоинстве, бога, потерявшего себя самого, бога слепого, ищущего себе в поводири человека, бога, опьяненного иллюзорным миром, а так как иллюзия и ложь - это аспекты демонической силы, то, значит, божество поработщено сатаной. Недаром существовала поговорка, что брахман выше бога, а с разрушением каст теперь всякий индуист выше бога, так как индуист помогает божеству освободиться от *мары*, лжи и иллюзии, и познать себя самого через человека.

Когда индус сказал Сократу, что без познания бога невозможно познать человека, он, должно быть, имел в виду учение о том, что сам человек - бог. Брахман играет мирами, создавая и разрушая их, как ребенок отбрасывает надоевшие ему игрушки. Но в то же время Брахман в Атмане унижал себя до состояния опьяневшего бога, который забыл, кто он, и ползает в грязи.

Индуизм - религия антилогоса, поэтому ей была необходима такая алогическая система, которая утверждала бы тождество противоположностей, добра и зла, жизни и смерти, бытия и небытия, абсолюта и демона. Такой системой явилась диалектика, - самая дикая из всех форм мышления. Диалектика разрушает всякое понятие через его антитезис, даже познание истины, которое для диалектики не может существовать как целостное знание. Для диалектики существует только один вечный бог как вечное противоборство - это бог войны и борьбы. Вся философия Гегеля - это только иллюстрированный рассказ об Атмане, возвращающемся к Брахману; логизированная интерпретация Атмана, познающего в человеке свое тождество с Брахманом. Гегель называет его "абсолютным духом, познающим себя самого". Когда абсолют обманывает себя и теряет самопознание, то появляется человек.

Когда абсолют пробуждается и осознает себя через человека, то человек исчезает, остается одно чистое бытие. Множественность превращается в единство через разрушение форм, через познание того, что ничего не существует, кроме Брахмана. Становится непонятным, чья мысль кого творит: мысль абсолюта творит человека, или мысль человека творит абсолют? Ничего нет в мире, кроме Брахмы (Брахмана), или ничего нет в мире, кроме большой человеческой мысли, блуждающей в звездном лабиринте? "Сознание творит и разрушает миры". Чье сознание, божественное или человеческое? Индуизм с его изощренной диалектикой подготовил почву для гегельянства. Карманы Гегеля опустошил Маркс.

Атеистический материализм, назвавший себя "научным материализмом", взял на вооружение диалектику. Иначе он не мог бы избежать обвинений в противоречиях и абсурдах. Диалектико-словесный фокус он превратил в свое оружие, в способ логического обоснования любой нелепости. Лидеры этого направления определили диалектику как "душу марксизма", а учение о тождестве противоположностей - как краеугольный камень диалектики. Философский антропологический пантеизм породил атеизм. Учение индуистов о боге как о существе, потерявшем идентичность с самим собой и забывшем о том, что он бог, должно было логически привести к интеллектуальному абсурду, к антилогосу.

Под роскошным покрывалом языческих религий и диалектической философии лежат трупы тех, кто хотел стать богами. Бог Вивекананды и Гегеля - бог, облеченный в мару, в иллюзорную материальность, обманутый самим собой, создающий человека, чтобы через него осознать себя, а затем убивающий человека, - такой "антибог"-демон может вызвать только чувство ужаса, жалости и отвращения.

Об индуизме

Воинствующий атеизм сменился воинствующим индуизмом. В религиозно-исторической жизни человечества существует один фактор, который не поддается определению, но в то же время является самым достоверным из всех доказательств и прогнозов, на каких бы точных данных они ни были основаны. Этот фактор - народная интуиция, которая безошибочно указывает, откуда надо ожидать грядущих бед и катастроф, в каких тайных обществах назревают зловещие планы, с какой стороны на христианские страны обрушится, как снежная лавина, орда новых гуннов. Областью-источником эсхатологических трагедий для наших предков был Юго-Восток.

Восток - это степь, огромная и всегда тревожная, как море. В этой степи, как стаи хищных волков, бродили кочевые племена, пересекая огромные пространства в поисках пищи и добычи. У них не было родины, вернее, родиной была сама необъятная степь. Здесь они рождались в кибитках, с детских лет учились управлять конем и стрелять из лука. Кочевник, казалось, сросся в единое целое со своим конем и понимал его голос, как речь человека. У них не было городов, вернее, их кибитки и телеги, покрытые ковром и войлоком, представляли собой странствующие в степи города. Даже безмолвная степь, как море во время шторма, таила в недрах своих бурю; она была логовом хищников, не знающих пощады. Границей степи было поле, где люди занимались земледелием, проводили воду, сажали сады, строили города. Кочевники внезапно, как призраки, появлялись в предместьях городов и, захватив добычу, так же внезапно исчезали в пустыне, оставляя за собой груды непогребенных трупов и пламя пожаров.

Юго-Восток - это самые высокие в мире горы: Памир и Гималаи, похожие на десятки вавилонских башен, поставленных друг на друга, как будто огненная лава, вырвавшись из недр земли, взметнулась ввысь к небу и застыла на лету, превратившись в белый, как саван, и голубой, как утреннее небо, лед. Памир и Гималаи безмолвны, как тайна, и непроницаемы, как ночь. Вершины Гималаев кажутся снежным исполином, который хочет дотянуться до небосвода, чтобы сорвать с него звезды. Святой Андрей, Христа ради юродивый, пророк и пророк, говорил, что Александр Македонский запер железные ворота в ущелье гор на Востоке, а в конце мира эти ворота откроются, и бесчисленные орды хлынут на запад. Тогда настанут бедствия, которых не видело и не переживало человечество. Железные ворота - это

эллинистический мир, который затем был просвещен христианством, а за железными воротами таится древнее магическое язычество Турана, Индии, Тибета, которое в течение многих веков собирает свои силы для последней битвы с христианством. Восток - это пустыни Гоби и Кара-Кума, где уже однажды, как термиты в своих подземных гнездах, собралось огромное войско монголов под знаменами Темучина. Монгольская орда по пути на запад смешала народы и племена, как в одном кипящем котле, и перетасовала карту земли, как колоду игральных карт. Чингис-хан сравнялся с Александром Македонским, с той только разницей, что обратил свой меч на запад.

Грядущие беды и катаклизмы, предсказанные пророками, проходят, как жуткие призраки, в Апокалипсисе Иоанна Богослова, но есть удерживающая сила - это христианство, поэтому для воплощения демонических планов нужно сначала расправиться с христианством, уничтожить или извратить его, оставить от христианства только одно имя. Теперь наступил глобальный процесс дехристианизации мира. Господь назвал сатану лжецом и человекоубийцей. Борьба демона с Церковью осуществляется через гонение на христиан и в то же время распространение духовной лжи: ересей и лжеучений. Это можно сравнить с осадой крепости: враги штурмуют ее ворота и стены, и в то же время тайные противники хотят устроить пожар внутри нее. Уже в апостольские времена римская государственная машина обрушилась своей тяжестью на христианские общины. Кровь мучеников потоками лилась на землю, как виноградный сок из точила, и вместе с тем язычество готовило другой удар: в среде самарийских волхвов-окультистов и фригийских жрецов возникла идеологическая провокация христианства - учение, которое должно было низвести Христа до уровня космического духа-архонта и предоставить ему место в каком-нибудь из углов пантеона. Христос по этому учению превращался из Сына Божия в языческое божество. Евангелие привязывали к прокрустову ложу мифической космологии, а таинства Церкви объявляли оккультными посвящениями вроде хтонических мистерий в честь Деметры и Озириса. Гностицизм привлек к себе интеллектуальные силы языческого мира, но он не мог привиться к телу Церкви. Уже апостолы Павел и Иоанн Богослов предупреждали христиан о волчьих ямах и западнях, которые язычество расставляло на их пути. Однако гностицизм не исчез, но продолжал жить в монтанизме, в сектах богомилов, павликиан, альбигойцев и катаров, в тайных ложах рыцарских орденов, "приоров Сиона" и тамплиеров.

Второй попыткой язычества внедриться в христианский мир стало движение, известное под названием Ренессанса, или Возрождения, то есть возрождение античности. Если древний гностицизм избрал своим путем преимущественно философию и мистику, то Ренессанс - искусство. Языческий мир должен был войти в христианские храмы под видом фресок, изваяний, икон святых. Если у античных народов было неудовлетворенное стремление к духовности, "к неведомому Богу", то Ренессанс как раз хотел раздавить остатки духовности материальной осязаемостью и плотской страстностью своих картин, как тяжелым сапогом. Христа изображали то как Аполлона, то как Геркулеса, лик Девы Марии писался с молодых натурщиц, веселых и фривольных римских девушек, а иногда с предметов страстного обожания самих художников. На стенах Сикстинской капеллы появились мифические персонажи: Харон, перевозящий на лодке через воды Стикса души умерших и т.п. Искусство более интимно для души, чем философия. В псевдохристианском храме душа встречалась с пантеоном. Там были языческие боги под личиной Христа и святых, и они воспринимались человеческим подсознанием как космические божества, как торжество плоти и крови. Один из римских первосвященников, войдя в Ватикан после своего избрания, воскликнул: "Боже мой, ведь это языческие боги!" Слова возмущенного Папы передавали как забавный анекдот, но чаще всего римские первосвященники сами субсидировали такие работы, чтобы прослыть просвещенными гуманистами.

Искусство Ренессанса вторглось в католическое богослужение и сблизило его с напевами оперы и карнавала. В языческом мире храм был соединен с театром. Самый большой театр древнего Рима располагался на ступенях храма Венеры. Пока в этом карнавале возрожденного язычества паясничали перед толпой и насмехались над

христианством Боккаччо, Эразм Роттердамский, Маргарита Наваррская и другие великосветские комедианты, мусульманский мир уже сдавливал Европу железными клещами. Реакция на постренессансное католичество в форме протестантизма и лютеранства не исправила дела, а напротив, внесла в сознание людей еще больше рационализма и оземленности. Западные христиане были лишены литургической глубины древней Церкви. Ренессанс и протестантизм подготовили почву для материализма и позитивизма.

В западной Европе мировоззрение интеллигенции постепенно приняло форму скептического гедонизма. В восточной Европе, которая сохранила древние предания и литургику, разделаться с христианством было трудно, и поэтому борьба с ним приняла форму насилия, а в XX веке - атеистической инквизиции. Повторилось время языческих гонений, но в гораздо худшем варианте. Современные государства по сравнению с Римской империей отличались большей разветвленностью разведывательного и репрессивного аппарата, концентрацией средств массовой информации, возможностью контролировать общественную и частную жизнь человека. Поэтому Церковь подверглась систематическому запланированному уничтожению. Не только в каждом городе, но в каждом селении был свой Колизей, напоенный мученической кровью.

Атеистическая пропаганда наложила свою руку не только на художественную литературу, но и на научные издания, не имеющие отношения к мировоззрению. И на этих книгах, как печать, стояло клеймо атеизма. Посещение церкви делало человека парией в обществе, во всяком случае для него был прегражден десятками заслонов путь к общественной и научной деятельности. Постоянное табуирование религии сопровождалось издевками, клеветой и насмешками. В этой искусственной пробирке должен был создаться, как гомункулус алхимиков, строитель нового общества. В течение десятков лет образовалось огромное выжженное поле - пустырь духовного невежества. Но в человеке нельзя до конца истребить врожденного чувства религиозности, мистического благоговения перед тайной. Атеизм на Востоке и позитивизм на Западе создали атмосферу глубокого духовного невежества и в то же время неосознанной потребности в религии, которую не могли удовлетворить ни культ наслаждения - гедонизм, ни культ вождя-сверхчеловека.

Лобовой удар атеизма уже исчерпал свои силы, но сделал свое дело. Теперь бывший христианский мир был подготовлен к новому вторжению язычества, еще невиданному по своему размаху и по тщательной продуманности плана. Ворота Гималаев и Тибета приоткрылись, и на христианский - теперь уже, увы, нехристианский мир обрушились потоки восточной пантеистической мистики, оккультных систем, буддийских, индуистских, китайских религий, перемешанные с каббалистикой и различными руководствами по магии. Это вторжение по своим масштабам превосходит нашествие гуннов и монголов. Если поток гуннов захлебнулся на Каталаунских полях [1], то этот поток не встречает перед собой никаких преград. В столицах Европы рядом с христианскими храмами и древними европейскими университетами строятся капища Шивы и Будды, вместо креста христиане-отступники вешают себе на грудь амулеты в виде белых слонов, ступы Шивы, каббалистические знаки, талисманы и даже изображение демона. В иных христианских странах становится больше восточных ашрамов, общин кришнаитов, буддистов, шиваитов, чем монастырей.

Древневосточные религии приспособляются к вкусам европейцев. Почти все восточные религии и секты в своем вероучении аморфны и адогматичны, туманны и расплывчаты, их возглавляют гуру - пророки, "живые боги". У каждого гуру свое учение, своя система. Если он даже явно противоречит себе, то и это не вызывает возражений и протестов. Ученики объясняют это глубиной учения, в которую профаны не могут проникнуть. И здесь продуманная система: учение неоиндуизма ("откровения" махатм) внутренне противоречиво и текуче, поэтому его трудно опровергнуть. Вам всегда могут сказать, что вы не так поняли их учение, вам предложат цитату из книг или из слов того же гуру, которая диаметрально противоположна тому суждению, мнение о котором вы выразили.

Свои учения гуру представляют как "древнюю мудрость", открытую через них миру. Фрагментарные тексты, выхваченные из Вед, Упанишад и Гит, комментарии к ним, призывы

к любви, братству и самоотверженности создают иллюзию близости к христианству, но это умышленная маскировка. По форме здесь чаще всего повторение одних и тех же фраз в разных вариантах, в которых чувствуется не духовная любовь, а нервная возбужденность искусственно экзальтированного человека. В них нет четкой мысли и структуры; в этом не только их слабость, но и сила. Мысль можно противопоставить только мысли, а подобные учения разобрать так же трудно, как разделить воду ударом палки. Эти учения похожи на занавесы из китайского шелка: толкнешь его - рука не встретит сопротивления, опустишь руку - и занавес принял прежнюю форму. В конце вам скажут: "Мы верим в то, во что верите и вы, осознавая и понимая это, а вы, отрицая нас, верите в то, во что верим мы, только не осознаете этого. Наше учение эзотерично, примите его, и вы лучше узнаете собственную религию". По отношению к христианству это будет звучать так: "Вы станете элитарными христианами, только без Христа".

Дать анализ современным индуистским сектам невозможно из-за текучести и неопределенности, можно только выявить самые общие для них положения: большинство из них опирается на учения Веданты и буддизма. Веданта и буддизм - это подземные воды, питающие философские школы, мистические учения Индии, даже те, которые как будто отрицают Веды. Авангард индуистского оккультизма в Европе - "теософское общество", провозгласившее равенство религий, ориентируется на самом деле на буддизм и брахманизм.

Первое - учение о Боге. Все древние индуистские учения категорически отрицают личного Бога. Для них Бог - это некий безымянный, безликий дух, Брахман, который имеет множество временных персонификаций, масок, которые он надевает и снимает с себя. Брахман - принцип бытия, но это бытие происходит в двух модальностях: качественном и бескачественном. Качественное - это космическое бытие, имеющее протяженность и атрибутику. Бескачественное - это бытие вне свойств и множественности. Божество абсолютно. Бытие мира - иллюзия и грезы, мыльные пузыри, пускаемые мальчиком, пляска масок. Мир проходит бесследно, как тени в сновидении. Кончается цикл времен - "день Браммы", начинается "ночь Браммы". Мир с его видимостью и численностью исчезает, Брама переходит в Парабраму, где бытие сливается с небытием: нельзя сказать, что Брама существует или не существует. Затем внутри самой Браммы назревает желание творить миры. Это желание назревает и становится космическим яйцом, из которого возникает видимое небо и земля. Начинается день Браммы. Творение мира - это несовершенство абсолюта, "грех безгрешного". Один тибетский поэт сказал: "Миры творит сознание, миры разрушает сознание". Мифология индуизма, также как и эллинистическая мифология, обращена к космическим силам; там нет будущего; само время обращено вспять, как будто повернулось спиной к ходу истории, а прошлое заняло место будущего. В замкнутом цикле, как в замкнутой окружности, нет и не может быть нового, там только одно повторение. Вечность Браммы - это вечность повторений.

Второе - космос. Это грандиозное создание Браммы, которое можно было принять за его воплощение, на самом деле только декорация спектакля. Материя - это пустота. В последнем акте истории мира космос исчезает в огне, не оставляя даже горсти пепла. Индивидуальное, личное и космическое бытие исчезает, как оптический обман, настает ночь.

Третье - человек. Это все и ничто. Его дух-атман идентичен божественному духу-брахману, но как индивидуум и личность человек не существует. Эмпирический человек - это иллюзия; всякая множественность - ложь, поэтому эмоция и мысль - это общение с миром лжи. Субъекта, объекта и любви как взаимоотношения между ними не существует. "Я есть ты, ты есть он, то есть Брахман". Единственно достойное состояние - медитация самого себя как абсолюта.

Душа всех индуистских учений - это метампсихоз, вера в переселение душ. Если учение о "едином бытии" уничтожает этику как форму общественных отношений, то учение о метампсихозе и реинкарнациях (переселении душ в другие тела) уничтожает понятие и внутреннее чувство греха как разлучения с абсолютным духом. Поэтому в индийской теософии нет покаяния как эмоционального отвержения греха, а только размышление над грехом как ошибкой ума, незнанием, невежеством. Практически грех - это только

замедление в пути перевоплощений. Рай и ада не существует; ад - это земная жизнь, а рай - выход из нее. Человек рассматривается в нескольких телах: материальном, астральном, эфирном, ментальном, но все они эфемерны, реален лишь дух человека - Атман. Учение о перевоплощении душ содержит в себе принципы духовной эволюции, что находится в разительном противоречии с обозримым для нас историческим периодом истории человечества, о котором мы знаем из памятников литературы, философии, искусства, а именно: человечество не приобретало духовность, а теряло ее, не приближалось к Божеству, а отступало от Него. Поэтому учение о метампсихозе и реинкарнации означает духовный тупик для человечества, не восхождение ввысь по ступеням храма, а погружение в море греха и зла, в бездну сатанизма, волны которого постепенно потопляют последние островки духовности.

Индуизм новых гуру включает в себя искусственные приемы возбуждения, экзальтации, пляски, громкие выкрикивания имен Шивы, Кришны и других божеств или медитативные упражнения. Некоторые сравнивают медитацию с молитвой, но молитва - это диалог между душой и Божеством, а медитация - монолог, обращенный к самому себе. Во время молитвы, как во время беседы, человек должен быть собран душевно и телесно; он должен быть "напряжен, как струна" для того, чтобы сердце его осмыслило и почувствовало слова молитвы. Во время медитации, наоборот, рекомендуется полное расслабление тела, как бы имитация состояния сна. Слова должны произноситься человеком монотонно, как стук часов. Это - состояние самогипноза. Человек обращается к самому себе. Если это молитва, то к какому богу? - К своему "я", отождествленному со своим подсознанием.

Философия буддизма учит о внутренних психологических состояниях. Аскетизм буддизма - это уничтожение эмоционального, интеллектуального содержания человека, но не через погружение в мировой дух - Брахман, а через погружение в вакуум бытия - нирвану. Впрочем, в буддизме, отвергающем Бога, появилось учение о самом Будде как высшем божестве. У некоторых он - исторический Сакья-Муни, Гаутама, у других - космический Будда, нечто вроде каббалистического Адама Кадмона, только если Кадмон - архетип и материал мира, то космический Будда - принцип бытия мира, то есть отрицание той нирваны как совершенного вакуума, который проповедовал Сакья-Муни.

Что привлекает современного европейца в пестром конгломерате индуистских учений?

Утилитаризм и прагматизм. Йога в броских рекламах предлагает человеку развитие оккультных сил, умение владеть собой (что необходимо для современного бизнесмена), влиять на других, излечение болезней, не поддающихся официальной медицине, а иногда йоги даже договариваются до обещаний вечной жизни на земле и вечной молодости. Надо сказать, что йога использует традиционную индусскую гимнастику (хатха-йогу), имеющую аналоги у китайцев и древних персов.

Гедонизм кришнаизма с его чувственными обрядами и медитациями, с призывами к свободе от всех общественных норм импонирует людям, видящим смысл жизни в наслаждениях, так как возводит эти состояния до степени религиозного культа.

Мистика без любви к живому Богу ведет к магии и оккультизму, который предлагают некоторые секты.

Чувству духовной гордости человека в высшей степени отвечает учение Веданты о том, что человек - это не осознавший себя абсолют. Вспомним, что первоначальным грехом сатаны и Адама было стремление утвердить себя как Бога во вселенной, что грядущий антихрист будет заставлять народы мира поклоняться себе как Богу. Медитация Веданты повторяет собой сжатый до нескольких слов рассказ о грехе и падении Люцифера: "Я есмь бог, и нет бога, кроме меня".

Усталость от жизни в современном обществе, безволие, пассивность души нередко приводят к самоубийству и ищут выход в духовном самоубийстве, в уходе без боли в небытие. Учение о боге как о космической и надкосмической безличной силе, высшем разуме, творческом начале легче принимается человеком технологического века, живущим среди машин и механизмов, чем идея о личном живом Боге. Но самое главное - это незнание христианства, огромной реки, около которой умирают от жажды; одни - потому, что не

верят, что в ней вода, другие - потому, что не хотят наклониться, то есть смирить свой гордый дух и через покаяние получить Жизнь.

Примечания:

[1] Битва на Каталаунских полях (451 г.), в которой гунны были разгромлены, положила конец их завоеваниям. - *Изд.*

Сон Браммы

Индуизм - это дитя, рожденное от брака двух царственных династий в индийской философии - ведизма и буддизма. Дитя родилось мудрецом. Первым плачем ребенка был вопрос "кто я?" Его мать Шакти сказала: "Ты есть нечто". Его отец Будда сказал: "Ты есть ничто". Тогда ребенок воскликнул: "Я тождество бытия с небытием. Я был, когда еще не существовало моих родителей, когда звезды не сверкали над Бенгалией и волны южных морей не омывали берегов Индостана".

Существует один абсолют, всякая множественность призрачна и иллюзорна, поэтому число - это ложь. Существует только Брама, погруженный в Парабраму, в бытие без качеств, предикатов, свойств и атрибутов бытия. Это ночь Браммы. Космоса не существует. Время остановилось, так как ориентиров времени нет. Брама погружен в себя. Брама не только один, он еще и одинок. В своем летаргическом сне (в чистой потенции небытия), где только одно абсолютное "я", он начинает тосковать по тому, что не-"я", по своей невесте Пракрите. Это темное влечение рождает грезы Браммы. Настает день Браммы. Его грезы стали космосом, жизнью Вселенной. Брама созерцает мир как театр, в котором он автор сценария, актер и зритель одновременно. Но все это иллюзия и мираж; призраки, вызванные страстью Браммы из небытия, тени на стене от пальцев актера, спрятанного за кулисами сцены, за пологом материальности. День Браммы - это жертва Браммы во имя страсти, его выход из парабытия, но жертвой оказывается мир, обреченный на уничтожение. Брама играет в шахматы сам с собой. По лицу земли льются кровь и слезы. Люди любят и ненавидят, совершают подвиги и преступления, строят города и разоряют их до основания, воссылают молитвы и проклятия, рождаются и умирают, но все это только призраки, как корабли и башни из облаков, плывущие по небосводу. Приходит Шива (модальность того же Браммы), освобождает Брамму от его грез и иллюзий, и абсолют снова погружается в себя, но уносит в глубины своей непроницаемой ночи неосуществленную любовь к несуществующей Пракрите (материальности).

Брама - не "кто" и "что", а "ничто" и "нечто". Он детерминирован ритмами своей жизни. День и ночь Браммы - это две паузы между движениями маятника. Он творит миры, чтобы затем уничтожить их без остатка, без всякой пользы для своего иллюзорного творения, затем уходит в себя, в свою надкосмическую ночь, ничего не взяв с собой из космоса, кроме тоски о своем одиночестве, которое затем превращается в грезы, но не воплощается в реальность никогда. Опять открывается кукольный театр на подмостках космоса. Вдруг на сцене появляется новая маска - это Будда. Он кричит, обращаясь к зрительному залу: "Нас обманули, нас нет, мы не люди, а только куклы. Нас обманул Брама, но я покажу вам выход из этого театра абсурда". Как Буратино, он срывает паутину со стены театра, и под ней виднеется дверь, ведущая в пустоту.

"Вот выход, теперь мы спасены" - кричит Будда. Но он сам всего лишь греза Браммы, паяц, обличающий в театре своего хозяина. Приходит Шива, смахивает куклы со сцены в ящик, гасит свет ramпы, и наступает темнота. Нет ни людей, ни демонов, ни будд, ни бодисатв. Брама погружается в ночь и сон и уходит в Парабраму. Начало равно концу, а конец началу.

В этой феерии индуистшиваит медитирует, что он абсолют, что только он есть в мире. Буддист медитирует, что его нет, единственно сущее это нирвана, но всякая множественность - ложь. От дыхания Шивы рассеиваются грезы и миражи. Индивидуальное бытие растворяется в космическом, космическое в абсолютном, а абсолютное переходит в

свой апофеоз - ночь Браммы. Где место для любви в царстве теней? Любим ли мы - любим мираж, ненавидим ли мы - ненавидим иллюзию и призрак, который через мгновение растает в темноте ночи. Совершает ли человек подвиги самоотвержения - это призрачный полет в сновидении, убивает ли своего врага - это клюквенный сок, текущий из куклы. Если множественность - ложь, то любовь как единство двух - также ложь. Если мир иллюзия, то и нравственность иллюзорна. Добро равно злу, а оба - нулю. Единственно благородное состояние - это бесстрашие. Но мудрец ничего не выигрывает от своей мудрости в этом мире иллюзий, кроме того, что нуль может называть нулем. Пустой взор его пустой души устремлен в бездонную пустоту.

О дзен-буддизме

Буддизм - это религия без Бога, изощренная философия смерти и духовного самоубийства. Будда - великий художник, который написал поразительную по своему психологизму картину космического бытия как мировой трагедии и человеческой жизни как "сада пыток", где под кустами цветов ползают змеи, а под шелковыми коврами спрятаны лезвия и клещи палача. Цель буддизма утилитарна: освобождение человека от страдания, которое индийский мудрец отождествляет с бытием. В своем безудержном панкритицизме бытия буддизм дошел до возможного для человеческой мысли предела и остановился, как зачарованный, над пропастью небытия. Моста между двумя берегами - временем и вечностью - для буддизма не существует. Учение буддизма отрицает богообщение как преодоление человеческой ограниченности через выход в абсолютное бытие и застывает на уровне философского скептицизма. Для буддизма жизнь - это смерть, а смерть - это жизнь. Проповедь Сакья-Муни звучит как реквием над могилой обреченного мира.

Дзен-буддизм представляет собой одну из ветвей дальневосточного буддизма. Он похож на букет из хризантем, который пленяет взоры своими красками, но не имеет аромата. Дзен можно рассматривать как своеобразную реакцию восточного пиетизма на элитарность и тонкий интеллектуализм буддийской философии. Этот индо-китайский гибрид возник под влиянием даосизма, от которого перенял пренебрежение к формальной логике, философским системам и понятийным категориям, культивировавшимся в буддизме и ведизме. Он с презрением относится ко всем видам научной и общественной деятельности, считая ее "сизифовым", бесплодным трудом и нарушением мировой гармонии.

Цель дзена - возвращение человека к самому себе через самосозерцание. Истина для дзена - это похожее на крик ребенка движение духа, того, что лежит глубже, чем мысль и эмоция. Мысль в ее обычном смысле как некое устойчивое понятие для дзен-буддиста является ложью. Истина - это выплеск подсознания на поверхности рефлексии. Медитация - кисть художника-импрессиониста, посредством которой подсознание делает внезапный непредугаданный рисунок на полотне рефлексии. В отношении дзен-буддизма к классическому буддизму есть нечто похожее на отношение древних киников к платонизму. Дзен-буддизм соприкасается с экзистенциализмом, но если экзистенциализм берет человека таким, каков он есть во всех его эмпирических и психических измерениях, то дзен-буддизм ищет человека в его темной, как первобытный хаос, глубине. Дзен-буддизм имеет внешние аналогии с экстазом интеллектуального самоотрицания Плотина. Но если для Плотина путь к упрощению - это путь интеллектуального аристократизма, доходящего до самоотрицания через полноту философского познания, за которой открывается потрясающая бездна незнания, то дзен-буддизм - это скорее аристократический эстетизм, который отвергает несовершенство и условность логической мысли как в диалектическом, так и в метафизическом плане. Дзен-буддизм не распутывает кружева философской мысли, а срывает их, как паутину на окне, которая мешает свету проникнуть в комнату. Мысль как вспышка и озарение для дзен-буддиста имеет эвристический характер внезапной находки. Он снимает покровы своего подсознания, чтобы обнажить свое "я", как электрический провод. Отсюда любовь к парадоксам, к недосказанности, к отрывистым кратким афоризмам, насмешкам и юродству.

Дзен возник в Китае в начале VI в. Его основоположником считается Бодхидхарма, этот индийский Диоген. В VII-VIII вв. дзен-буддизм проник в Японию и здесь получил свою законченную форму в среде самураев.

Дзен-буддизм представляет собой не только религиозный феномен; он создал целую школу в литературе, философии и искусстве. Его цель - перевод бытия внешнего и иллюзорного в бытие, заключенное в самом себе, в бытие, исходящее из поля небытия, где уничтожены понятия и свойства бытия, то есть переход к сущности через уничтожение формы, к чистой энергии бытия вне определяющих ее категорий.

Что такое дзен-буддизм? - спросил ученик своего учителя и в ответ получил полновесную пощечину. Этим отнюдь не философским жестом учитель решил показать то, что сделал его ученик своим вопросом: замахнулся на сущность дзена, который учит, что непосредственное не может быть выражено опосредованно (через слово). Под непосредственным подразумевается отношение субъекта к объекту, "я" к не-"я", а также "я" к самому себе. При этом философский анализ субъекта и объекта как гносеологических понятий и категорий совершенно отсутствуют. Дзен означает "сосредоточенность, аскетическая поза". Аскет сидит над бездной своего собственного подсознания, как кот над мышшиной норой, и ловит, как высунувшуюся мышшь, самый глубокий импульс своего "я", всплывший к поверхности, очищая его от шелухи внешнего, того, что не "я".

Учитель дзена, старый волк, воспитанный в лесу философских школ и логических систем, показал своим ученикам репу и спросил: "Что это такое?" Ученики молчали, только один из них встал и сказал: "Учитель, дай мне ее, и я съем". Раздается хохот, но учитель - в восторге от ответа. Ученик перенес объект из внешнего визуального плана в целевой и воспринял его в непосредственном переживании. Описание репы как суммы ее качеств было бы потоплением ума во множественной атрибутике, а ученик сделал ее фактом своей внутренней жизни. То, что человек, насытившись репой, даст другой ответ на тот же вопрос, мало беспокоит наставника. Главное - метод. Ведь дзен имеет дело не с личностью, а с эфемерной индивидуальностью, которую сравнивает с непрестанно текущим потоком.

В XX в., в эпоху крайнего индивидуализма и декаданса культуры и философии, дзен-буддизм распространился во всех странах не только Азии, но и других частей света. Буддист входит в нирвану как состояние транса. В дзен-буддизме жизнь воспринимается через нирвану, через крайнее упрощение. У дзен-буддиста бытие начинается оттуда, где "я" своего подсознания уже не делится, хотя бы это "я" было точкой, равной нулю, или энергетическим вакуумом. Но "я" воспринимается неделимым там, где кончается аналитическая мысль, то есть без маски мысли; это область, где звучат грубые инстинкты и тонкие космические интуиции. Поэтому в области философии, искусства дзен сочетает в себе вульгарность дикаря-ребенка и эстетизм утонченного декадента. В области искусства его интуиция переходит в медитативный импрессионизм или ассоциативную символику. Дзен-буддизм - это буддийский супер-экзистенциализм, буддизм без Будды, это адогматическое учение, не признающее ни преданий, ни символов веры, это - поэзия (точнее "голос") человека, причем непосредственного человека, свободного от всех условностей и правил, авторитетов и учителей, а главное - от собственных суждений как внешней формы гносиса. Это странная влюбленность в свое темное подсознание, желание жить непосредственной жизнью, импульсами из глубины подсознания, погружение в себя самого, медитирование себя на тех глубинах, где бытие отождествляется с небытием.

Если буддизм Сакья-Муни элитарен, то дзен-буддизм Бодхидхармы анархичен; Бодхидхарма - это пьяный Будда. Если говорить о культе, то его культ - насмешка как разрушительная сила против всякого авторитета, в том числе и Будды, против всех условностей, в том числе и против себя самого. В нем есть что-то схожее с фрейдизмом. Но если фрейдизм пытался обнаружить и расшифровать знаки подсознания, то дзен сливает себя с ними. Здесь стремление к упрощенности, доходящее до нарочитой инфантильности. В искусстве это тот символический примитивизм, где одна линия, одно движение кисти может заменить собой картину. Это анархическое учение, но без социологии и философских экскурсов. Это пустое поле для необузданного самотворчества, где хорошо прививаются, как

пересаженные растения, заимствования из философско-этических систем, только не в виде умозаключений, а в виде изречений. Это презрение к жизни и стремление разрушить форму, оставив цельным содержание, вернее, добыть этим содержание, как разбивают скорлупу ореха, чтоб вынуть его сердцевину; это ненависть к философии и в то же время любовь к философским парадоксам, презрение к бытию и благоговение перед небытием, буддийское равнодушие к самому Будде, свобода от всего во имя ничего, ученики без учителя, учение без определения самого учения, отвержение без основания и отрицание без утверждения, это алогичная логика того, что мир только иллюзия. Ирония и насмешка дзена над бытием - смех зрителя в кукольном театре. Медитация - это погружение в глубину своего подсознания и рассказ о нем, намек тонкий, как линия, проведенная тушью, на японской миниатюре.

Кто же "я"? Ответа дзен-буддизм не дает. От социального человека он идет к эмпирическому, от эмпирического к подэмпирическому, к иррациональному, где ось бытия сливается с небытием. Дзен - это сосредоточение, поза и метод наблюдения над темными провалами души, где возникают неясные импульсы, переходящие в неясные, как тень, намеки, которые воспринимаются как изречения Пифии; затем их бросают в огонь насмешек, чтобы они не превратились в застывшую форму и не давили своим авторитетом. Это не интуитивизм как реальная сила и свойство души, это жизнь души, как, скорее, философский импрессионизм, как выплеск души. Дзен-буддизм - восточный цинизм; критикуя систему ценностей как иллюзию, он ведет к мнимой свободе посредством отрицания, - к свободе в нуле. Как и буддизм, он не дает ответа на онтологические вопросы жизни. Божество для него не существует, личность - также, бытие отождествлено со злом. Если буддизм видит панацею от мирового зла в аристократической бесстрастности и презрении к миру, в эмоциональном отвержении его, то дзен-буддизм хочет защитить себя, превратить мировую трагедию в мировую комедию. "Кто Сакья-Муни?" - спросил учитель. "Метелка в общественном туалете", - отвечал ученик.

Но почему дзен называется буддизмом? Потому, что он не выходит из русла буддийского отрицания мира, потому, что из всех систем он наиболее категоричен и тверд в отрицании мира и отождествлении бытия со злом. Дзен-буддизм - это религия смерти; дзен-буддизм проходит мимо духа и души человека, а медитирует его инстинкты, как мальчик вскрывает тело куклы и видит солому и вату внутри нее. Смех дзен-буддизма - это тот же хохот и вой разрывающегося металла на апокалиптических картинах Дали. Дзен-буддизм - религия самураев-эстетов, которые бесстрашно бегут от жизни навстречу смерти. Это - религия обреченных.

Вопрос. Можно ли сравнивать дзен с христианством без Христа?

Ответ. Христианства без Христа вообще не существует. Иисус из Назарета - живое сердце Нового Завета. Дзен отрицает личного Бога, душу как бессмертную субстанцию, первородный грех, искупление и Искупителя, будущее преображение человека и мира, то есть все христианское учение. Дзен адогматичен и аморфен. Поэтому он может свободно пользоваться некоторыми христианскими терминами, привычными для европейца, влагая в них иное, буддийское содержание.

Вопрос. Какова методология дзена?

Ответ. Дзен обращается к непосредственному познанию, но употребляет медитативные формулы, которые по его же принципам должны рассматриваться как инородное тело в душе аскета. Где гарантия, что такая медитация будет сублимировать содержание души, а не создаст новых психических комплексов, опутанных тонкой паутиной гордыни и страстей? Отрицая обрядность, дзен-буддисты в то же время обставляют экзотическими декорациями свои школы и монастыри.

Вопрос. Кто "единый всепроникающий Будда" по учению дзена?

Ответ. Это не архетип космоса вроде Адама Кадмона каббалистов и тем более не исторический Будда-Гаутама. "Единый Будда" - принцип антибытия, лежащий глубже всех форм бытия. Это скорее "буддийский Шива", только без персонификации и мифологии. Он не "кто", а присутствующее везде "ничто".

Вопрос. Как осуществляется дзен в аскетической практике?

Ответ. Дзен, или по-китайски "чан", означает, как отмечено выше, позу, аскетический прием, сосредоточенность. Аскет сидит в "позе лотоса", обращенный лицом к стене, окрашенной в черный цвет. Черный цвет - отсутствие цветов радуги, цвет, который поглощает, но не отражает, символ пустоты - психической и космической; при этом аскет иногда произносит имя Будды, подразумевая космического Будду. Иногда он медитирует, повторяя краткий афоризм, чаще всего пребывает в безмолвии, созерцая черный цвет как отсутствие акцентального бытия. Пустая от мысли и желаний душа должна слиться с пустой от свойств и качеств бездной, с небытием. Но в состоянии самофиксации душа воспринимает как откровения свою собственную темную изнанку и импульсы космических духов, встречающих ее на пути "в никуда". Этих духов пустоты и смерти христианская мистика называет демонами, а иконописная традиция изображает черным цветом...

Иконография в восточных религиях

Индуистская и буддийская иконография имеют много общего. Здесь не только генетическая преемственность и единая культурная среда, в которой формировались и создавались эти типовые изображения, здесь нечто большее: это искусство, выражающее уничтоженную, иллюзорную псевдоличность. У божеств гималайско-тибетского пантеона, так же как у многочисленных будд и бодисатв, нет лица. Там мертвые маски. Индуистские божества - это не личности, это персонификация и проходящие формы единого и безликого, того, о чем нельзя сказать, имеет ли оно бытие или нет. Теория перевоплощения делает все формы жизни преходящими и иллюзорными. Мир представляет собой сцену огромного театра; человеческая история - трагикомедию, а скорее - представление иллюзионистов. Абсолют надевает на себя маски персонажей разыгрываемой им пьесы. У него нет лица, он снимает одну маску и надевает другую. Маска не имеет к нему никакого отношения. В индуистской иконографии индивидуальность может отразиться как отличительное свойство от других особей, но личности как онтологии в ней нет. Кончилась пьеса мировой истории - маски складываются в корзину, гаснет свет рампы, и Брама погружается в сон. Будда - это такой же театральный персонаж, та же кукла, которая в отличие от других поняла, что мир - это театр. Она выпрыгнула на сцену и сказала: "Больше не хочу играть", но на самом деле и она персонаж, сочиненный для театра автором мировой истории. Кончается день Браммы - и ее вместе с другими масками и куклами выбрасывает вон Шива, божество смерти и разрушений. В буддизме нет вечности и нет личности, там одна альтернатива времени - небытие. Буддизм - это маска смерти, это некромантия, это радость самоуничтожения.

В маздеизме два начала, два творца мира: темное и светлое, доброе и злое. Все в противодействии и борьбе. Иконография маздеистов создала тип жестокого и беспощадного воина. Царь выступает как олицетворение Ормузда. Его атрибуты - могущество и власть. Его жизнь - это борьба и битва. Он несет разрушение и смерть. Мир должен быть разрушен, чтобы светлое начало освободилось от злого. Боги и цари маздеизма окружены зверями и чудовищами. Иногда это быки с львиной головой, иногда - фантастические животные с человеческими лицами. Все они союзники богов или их противники.

В мусульманстве иконографии не существует. Божество ислама трансцендентно, между ним и миром непроходимая пропасть. Праведники ислама - не причастники Духа Святого, а только слуги и рабы божества. Учения о прославлении человеческой природы, о богоподобии человеческой личности и о воскресении из мертвых как преобразении вещества и материальности не существует в исламе; не существует здесь, как и в Ветхом Завете, основы для иконографии, воплощения божества и одухотворения материальности.

Китайская иконография - это космофилия. Место божества занимает космос. Человек - это деталь и фрагмент космоса. Космическая гармония - принцип китайского искусства. Китайский рисунок безличен и музыкален, это напев без слов и содержания.

Иконография японцев также космоцентрична. Но здесь на первый план выступает не гармония, а динамика космоса, которая воплощена в человеке. Принцип японской иконографии - гиперболизация человеческой силы и воли. Здесь больше индивидуализации,

чем в китайской иконографии. И, по сравнению с ней, больше диссонирующих аккордов. В китайской и японской иконографии нет духовного плана, они одноплановы, но сам космос в них одушевлен.

Африканская или индейская иконографии являются отражением шаманско-экстатического характера религии этих народов. Темные образы подсознания и хтонические подземные духи являются содержанием их демонографии. Ритуальные маски и рисунки шаманского язычества похожи на изображения ада у христиан.

Несколько особняком в индуизме находится иконография кришнаитов. Это культ сексуальной революции как освобождения от оков внешнего, к которому относятся этика и эстетика. Культ страсти как интегрирующей силы, проповедуемой и осуществляемой в служениях Астарте и Венере, в дионисийстве и некоторых шиваистических сектах, создал культовую обрядность кришнаитов. Похищение Кришной одежды у купальщиц, свидание Кришны с пастушками, свадьба Кришны и так далее, воплощенные в миметическом искусстве и обрядности, являются неистощимым источником для религиозных вдохновений кришнаитов. Живопись кришнаитов носит отпечаток аффективной чувственности.

Интересен и характерен факт: только в искусстве Православной Церкви не употребляются статуи и изваяния, в которых ощущается вес и масса непреображенной материальности, где невозможно избежать иллюзорной перспективы, где пространство не раскрывает, а сжимает, где невозможно отобразить взаимопересекающихся и взаимопроницающих планов, а существует, как на картине, только один материальный план. Икона неразрывно связана с мистикой исихастов и паламитов, с учением о несотворенном фаворском свете.

Православная иконопись является органической частью Предания. Нарушение канонов иконописи или подменяет духовные переживания душевными, эстетическими, эмоционально-чувственными и так далее, или превращает икону в средство информации, то есть в иллюстрацию библейского текста (например, иллюстрации Доре), или, что еще опаснее - способствует ложной мистике, деформации в созерцании духовного мира, в некоторых случаях - контактированию нашего подсознания с демонической сферой (картины Врубеля и Дали на религиозные темы). Православие относится не только к одной догматике и литургике, оно объемлет собой жизнь Церкви как единого организма. В понятие Православия входит как его органическая часть учение о каноничности иконы и об иконопочитании. Замена иконы натуралистической или абстрактной картиной представляет собой такую же коррозию предания, как замена церковных напевов оперной или джазовой музыкой или древних литургических текстов - стихами современных поэтов на религиозные темы.

Кришнаизм

Одним из основоположников бенгальского кришнаизма был поэт и мистик Чондидаш - фигура трагическая, окруженная ореолом таинственности, которая чем-то напоминает ересиарха и основателя гностической секты Симона-волхва. Знаменитый Симон-волхв, которому в Риме поставили статую с надписью "Симону - великому богу", выступавший против апостола Петра, как египетские жрецы Ианний и Иамврий против Моисея, учил о чем-то очень схожем. Он взял себе спутницей блудницу из города Тира и возил ее с собой. Симон говорил, что он - божество, а его спутница - воплощение той прекрасной Елены, из-за которой началась Троянская война. Отношение к своей спутнице он считал символом любви божества к падшей человеческой душе. Его последователь Карпократ разработал целый ритуал эротика как мистических обрядов и оккультных посвящений. Отрицание плоти доходило у гностиков или до самого сурового аскетизма, или, напротив, до ритуального разврата.

Чондидаш жил на рубеже XIV-XV веков в Бенгалии. Походы монголов и Тамерлана способствовали проникновению в северные провинции Индии ислама. Здесь возник очаг крупного религиозно-философского течения - суфизма. Ислам принес идею личного Бога.

Брахманизм внедрил в сознание суфиев учение о божественности самого человека, доходящее до идентификации, отождествления его с Богом. В мусульманстве были разграничены два плана: духовный и физический, небесный и земной. В индуизме существовал один план. Суфизм смешал и перетасовал эти два плана: то Бог становится на место человека, то человек - на место Бога.

Бенгалия - страна поэтов. Каждый бенгалец в душе поэт. Если пустыня Аравии располагала кочевников к размышлению о вечности, то сады и джунгли Бенгалии, ее поля с яркими цветами и озера с плавающими лотосами, где даже воздух дышал чувственностью и негой, породили прототипы сказаний "Тысячи и одной ночи" и песни "расиков". Поэзия Бенгалии, даже богослужебные гимны были пропитаны тонким дурманом страстей, как терпким запахом горящего сандала.

Чондидаш происходил из древнего рода брахманов. Он с юных лет принял инициацию жреца богини Дурги (той самой, которую впоследствии другой жрец, Рамакришна, называл "матерью мира"). Брахманы считались земными богами. Выше всего для брахмана было сохранение кастовой чистоты - это долг перед божеством. Но случилось нечто непредвиденное: жрец полюбил женщину из низшей касты по имени Рами, простую прачку, и бросил вызов той среде, которая родила, воспитала его и сделала жрецом, что в сознании индуса выше, чем степень раджи. Любовь все больше охватывает сердце жреца. Его молитвы к богине Дурге переходят в созерцание своей любимой Рами. Во время этих медитаций к нему пришла уверенность, что он - проявление духа Кришны, а Рами - воплощение возлюбленной Кришны - пастушки Радхи. Чондидаш был уверен, что это тайна, которую открыла ему богиня Дурга. Чондидаш написал поэму "Хвала Кришне", где переплетаются мистическая и чувственная любовь. Чувственная любовь в ее реальном проявлении становится символом любви божества и души человека, а мистическая любовь, олицетворенная в Кришне и Радхи, воплощается в культ земной любви.

Чондидаш был изгнан из общества, но принял это как освобождение от рабства законам и обычаям и объявил, что высшая форма любви - это порочная любовь, которая ломает все устои. Он начал жизнь странника, нищего певца. В своей поэме "Хвала Кришне" он старается передать все состояния любви, включая ее трагизм. Его поэзия отличается не только от поэзии европейских мистиков, но даже от красочной лирики персидских суфиев тем, что для тех земные образы служили только символом, а для Чондидаша это была многоплановая реальность. Жизнь Чондидаша, как и жизнь Симона-волхва, окончилась трагически: в него влюбилась жена эмира, очарованная его любовными песнями, и супруг, узнав об этом романе, приказал заживо сжечь певца.

Поэма "Хвала Кришне" оказала огромное влияние на кришнаитскую поэзию, и не только на поэзию, но также на религиозные обряды кришнаитов, имитирующие сцены свиданий Кришны и пастушки Радхи. Суть бенгальского кришнаизма в следующем: выше всех философских и религиозных учений, включая даже книги Вед, стоит любовь. Это их религия. Любовь сексуальная и любовь трансцендентная по природе не отличаются друг от друга, здесь только степени и сублимация (очищение, просветление). Кришна, который в индуистской мифологии представлен как воплощение (аватара) Вишну, становится главным божеством. Цель человека - трансцендентная любовь к Кришне, но ей надо обучаться через низшие ступени любви. Первая ступени - это любовь раба к своему господину (*дасья бхав* - рабская преданность). Пройдя эту ступень служения, кришнаит переходит на вторую ступень - друга (*сакья бхав* - дружеская привязанность); затем - ступень родительской любви: на Кришну смотрят как на ребенка, которого носят в виде куклы на руках, пеленают и кормят (*ватсалья бхав* - родительское чувство); далее - любовь супругов, причем Кришну представляют своим супругом или супругой (*мадхурья бхав* - эротическая любовь между мужчиной и женщиной); а высшей ступенью считается порочная любовь (*порокья бхав* - порочная любовь); пример ее - женщина, изменяющая своему супругу. По мнению бенгальских кришнаитов, такая любовь, связанная с бесчестием и осуждением, ставит человека вне этических правил, обычаев и традиций общества, что дает ему чувство

независимости и свободы. Для кришнаитов общественная мораль - это форма рабства и угнетения, которая должна быть разрушена внутренним взрывом души, - но какой ценой?

На протяжении столетий наиболее популярным течением в бенгальском кришнаизме оставалось *бхакти* - "мадхурья бхав", культ эротической любви в образах Кришны и пастушки Радхи, включенный в мистерии и храмовые ритуалы. Поэты "мадхурьи бхав" создали на языке брадхи обширную гимнографию, которая постепенно вытеснила из вишнуитских храмов Бенгалии гимны Ригведы и Упанишад, составленные на санскрите. Кришнаитские песни сопровождались культовыми танцами и музыкой. Нередко сами поэты-расики, певцы походов Кришны, исполняли свои произведения под аккомпанемент сочиненной ими или импровизированной музыки. Сходство между кришнаизмом и сирийским гностицизмом особенно четко проявляется в шактийской [1] секте под названием Радха-Валлабхал. Здесь Радха представляется как женственный аспект божества, как сирийская "матерь мира". Эта женственная любовь как динамика мироздания прослеживается в культе Астарты, в системах древних гностиков Валентина и Василида, содержится в экстатических проповедях Монтана, присутствует в мистической философии каббалистов и их европейских преемников: Бёме и Сен-Мартена. Шактизм просвечивает в поэзии символистов, звучит как лейтмотив в современной нам софиологии ("троянском коне" Православия), его запахом пропитаны страницы книг Вл. Соловьева, Флоренского и Булгакова. Особенно ярко шактийская тенденция выразилась в произведении Соловьева "О смысле любви". Разумеется, в этих произведениях София предстает перед глазами христианского мира не в виде пляшущей баядеры, украшенной набедренным поясом, а в образе "прекрасной дамы" Блока, облаченной в "звездный наряд". Однако суть та же.

Вернемся к кришнаизму. Одной из самых колоритных фигур среди певцов "любви Кришны" является бенгальская поэтесса Раджатхана Мирабаи, жившая в XVI веке. Ее можно назвать "индийской Сапфо". Любимой темой ее стихов была брачная ночь с Кришной. Она писала стихи от имени Радхи; она как бы воплотилась в "хопи", эту прекрасную пастушку, которая изменяла своему законному супругу из-за любви к Кришне. Она звала Кришну на свидание, без конца говорила ему о своей самозабвенной любви, готовой идти на позор и унижения, быть отвергнутой и растоптанной миром ради своего возлюбленного. Во время танцев перед статуей Кришны, принимавших экстатический, если не сказать скандальный, характер, она кричала, что не допустит, чтобы в ее присутствии кто-нибудь посмел близко подойти к его изображению. Как супруга Индры в гимнах Ригведы, она считала себя "убийцей соперниц". В своем экстазе она видела только одного Кришну. Мир с его обычаями и законами переставал существовать для нее. Мирские правила, понятия, традиции, мирские представления о приличии и чести казались тенью сна. Ее постоянной медитацией были слова: "У меня есть Кришна и больше ничего", ставшие поговоркой в Бенгалии.

Понятие кришнаитов о любви диаметрально противоположно понятию христиан. Духовная любовь христиан требует очищения от чувственности и страстей; она чиста и жертвенна. Любовь для кришнаитов - источник наслаждений, инструмент наслаждений. Иконо-графические картины кришнаитов представляют сюжеты из "игр Кришны", например, похищение Кришной одежд у купальщиц. В алтарях кришнаитских храмов находятся изображения Кришны и Радхи, предающихся любовным ласкам. Обряды кришнаитов сопровождаются танцами, музыкой, театральной имитацией "свадьбы Кришны" и тому подобных эпизодов.

Современное движение "Сознание Кришны" представляет собой европеизированный и поэтому реформированный вариант кришнаизма. Подобно некоторым формам тантрического буддизма, "Сознание Кришны" стремится сочетать эротическую медитацию с внешним аскетизмом, потому что кришнаиты находятся в состоянии постоянного нервного напряжения, которое воспринимают как общение с божеством. Это также было характерно для дуалистического сирийского гностицизма.

Кришнаизм представляет собой один из рецидивов язычества в современном обществе. В нем отразились древние культы ведийских божеств, преломленные через мистику позднейшего индуизма, соединенную с языческой атрибутикой (идолопоклонством),

ритуальными песнями и плясками, употребляемыми жрецами и жрицами (того, что европейцы называют дионисийством), зоолатрией (почитание коровы, вегетарианство), а также стремлением современного гуру придать ему, в результате сложной интеллектуальной косметики, приличный вид, приемлемый для европейцев.

Любимая молитва кришнаитов - это часто повторяемый возглас: "Хари Кришна", "Хари Рама", наподобие "эвоэ эрос" в греческих мистериях. *Хари* - бог, божество. *Кришна* - в буквальном переводе означает: "черный", *Рама* - "темный". Для христиан такое совпадение вызывает тяжелую ассоциацию. А совпадение ли это?

Примечания:

[1] *Шактизм* - учение о верховной богине Шакти как творческой силе, создавшей миры. Аналоги: культы Кибелы, Астарты, Дурги, Ишхара. - *Изд.*

Когда Христа спросили...

Когда Христа спросили, какая самая высшая заповедь в Священном Писании, Он ответил: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всю крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10, 27).

Первая заповедь подобна солнцу, вторая - его отраженному свету. Эти две заповеди заключают в себе всю Библию, Ветхий и Новый Завет, сжатую до плотности алмаза. Любить можно не холодный космический разум, расстилающийся по вселенной, как воздух по поверхности земли, не творческое начало как динамический принцип огромной машины мироздания, а только личного Бога, Который любит Свое творение и страдает ему, Который милует потому, что прощает, а гневается потому, что любит. Личность подразумевает лицо, лик, вид - это духовная монада, проявляющаяся в своих свойствах, но не сумма свойств и атрибутов. Личность - это нечто устойчивое, постоянное, тождественное самому себе.

Человеческая личность - это воплощение идеи в бытие, это единственный, неповторимый и уникальный феномен.

В Божественной личности совпадают совершенство и бытие, самопознание и познание, творческая сила и любовь. Это свет, к которому идет человек; он всегда стоит перед человеком, как огненный столб перед станом израильтян. Божественный разум открывается в законах мира как сила и могущество; творческий принцип - как любовь, а Сама Божественная Личность - как высшая красота. Человек, будучи подобием Божиим, любит Бога как свой первообраз, как вечный Лик в мире изменчивых теней. Он любит Бога прежде всего как неизреченную красоту, как Тайну. Невозможно любить безликую и безымянную силу только за то, что она по заложенной в ней программе творит миры, как нельзя любить электричество за то, что оно освещает наши жилища. Сердце христианства - это любовь к личному Богу. Нам могут возразить, что индуизм не только учит о божественном абсолюте, но говорит об аватарах (воплощениях и снисхождениях высших духовных сил на землю). Но это не личности. Гималайский пантеон - только временные персонификации свойств Неделимого; это скорее маскарад богов, по окончании которого маски складываются в ящик и все возвращается к своему прежнему состоянию, к абсолюту вне вида и формы.

Вторая заповедь - любовь к человеку. Ее можно представить в виде треугольника: одна сторона - кто любит, вторая - кого любит, линия между ними - сама любовь. Но в индуизме человеческая личность оказывается всего-навсего временным состоянием дхарм, психофизических элементов, их сочетанием, как бы узором, вышитым на ковре. На "высших этажах" индуизма открывается тайна Адвайты, а именно: дхарма - это пустота. Существует только Брахман, который находится в человеке под именем Атмана. Весь мир находится в человеческой мысли, никто не знает, реальна она или иллюзорна. Вероятнее всего, иллюзорна. "Сознание творит миры, сознание сокрушает миры", - сказано в священных книгах Тибета. Боги и люди - это тени нашего сознания. Существует только один и единый.

Я это Ты, Ты это Он. Однако высшее единство - это не только осознание в себе Бога, Творца и Повелителя миров, но и единство двух понятий - жизни и смерти, бытия и небытия. Кого же любить, если объект любви - иллюзия? Грезы моего собственного сна? Здесь треугольник снижается до одной линии, а линия - до одной точки, не зависящей от пространства и времени. Эта точка: бог есть я, я есть бог. Бог, по Вивекананде [1], может проявляться как добро и зло, но и то и другое - иллюзия, поэтому любовь к Богу и человеку или сменяется бесстрастным созерцанием мира как театра кукол, или превращается в гордую самовлюбленность. Для йогов высшей аватарой божества представляется богиня смерти Кали, увешанная черепами, обвитая змеями, с высунутым языком, как бы лакающая человеческую кровь. Это богиня смерти, убийца иллюзорных форм.

Любовь - это чувство единения. Но с кем может соединиться душа йога, если мир для него - только обман чувств? Поэтому йог на высшей ступени считает любовь такой же пагубной страстью, как и ненависть, утверждая, что она привязывает человека к миру материальностей и видимостей, к оболочке над бездной пустоты.

Примечания:

[1] О Вивекананде см. ниже.

О бхакти-йоге

Через все книги Упанишад лейтмотивом проходит мысль о том, что высшая сущность, Атман, и абсолютный божественный дух, Брахман, не только единосущны друг другу, но и тождественны. В "Брахмабинду упанишаде" написано: "Зная, что я - это Брахман, человек достигает Брахмана". В настоящее время существуют теософские течения, которые хотят соединить два диаметрально противоположных мировоззрения: индуизм и христианство. Они пишут, что в индуизме, как и в христианстве, существует путь любви к божеству и к людям, называемый бхакти (путь сердца). Они упрекают христиан в том, что те, отрицая йогу, рассматривают чаще всего философско-медитативный путь йоги, который является не общим, а одним из частных путей, и игнорируют при этом путь любви - "бхакти-йогу", весьма схожую с христианством. При этом некоторые йоги пытаются рассматривать христианство как "бхакти марге", а современные католические монахи стремятся внедрить в монашескую практику йогические упражнения. Поэтому нам следует остановиться на узловом пункте этой проблемы: тождественно или различно понимание любви у христиан и у индуистов?

Главная заповедь христианства - "возлюби Господа всем сердцем своим". На первый взгляд может показаться, что бхакти-йога имеет то же основание, но это скорее чисто внешнее совпадение. Необходимо ответить на три вопроса: 1) кто любит? 2) кого любит? 3) как любит?

В христианстве любовь к Богу имеет личностный характер - подобное любит Того, Кому подобно, образ - свой Первообраз; личность человека как динамичное явление - Божественную Личность как свой идеал. В индуизме личностный бог отсутствует. Если в христианстве личность - это образ Божий, включая понятие любви, мудрости, самопознания, творческой силы и свободы, а личность Бога - это высшее абсолютное самовыражение бытия в любви, то для индуизма абсолют - это только абсолютная энергия, безликая сила, творящая миры из себя самой по собственным законам и ритмам своего бытия, то есть по необходимости. Личность - это нечто неизменное, всегда присущее, характерное, делающее существо единым (монадой), а так как истинное бытие есть любовь, то высота личностного бытия имеет соответствие в таких нравственных понятиях, как истина и любовь. Бог сотворил человека как Свое подобие. Индивидуальность человека приобретает личностный характер или теряет его в зависимости от осуществления своего истинного предназначения. При этом в богообщении человек не становится Богом по природе, а Бог не уничтожает индивидуальности человека.

В индуизме абсолют мыслится как единственное бытие. Для индуизма личность - это самоограничение, а не самовыражение. Индийская Тримурти - это не лица и не существа, а только три стороны бытия абсолюта (творение, сохранение, разрушение). Эти свойства представлены в виде Браммы, Вишну и Шивы с их многочисленными аватарами. Это модусы, временные формы. Любовь к такому божеству - это любовь к безликой силе или любовь к маске. Что же представляет из себя человек по учению йоги? Истинная сущность человека - это Атман, а остальное иллюзия. Атман безлик и бесконечен, он бескачественен; "единный Атман существует и пребывает в каждом существе" (Брах-мабинду упанишада). Значит, человек - это абсолют, постепенно познающий тождественность своего высшего я (Атмана) с брахманом. Атман представляется "одним или во множестве, словно отражение месяца в воде". Значит, индивидуальность и личность иллюзорны.

Кто же тогда любит, кто субъект любви? Если любит человек - индивидуум, облеченный душой и телом, то, значит, любит иллюзия. Если любит Атман, тождественный с Брахманом, то, любя Брахмана, он любит самого себя, т.е. это не любовь, а эгоцентризм и самообожание; если человек любит другого человека как индивидуума, то он любит мираж и иллюзию; если он любит в нем Атмана - высшую сущность, то Атман един, поэтому он любит опять-таки только самого себя. Основной догмат индуизма: "Я есть ты, ты есть он". Какая же здесь может быть любовь? Здесь единение - как самопожирание. Любовь предполагает любящего, любимого и саму любовь как вечное приближение и уподобление, как самоотдачу и расширение своего бытия посредством эмоционального включения в бытие другого человека. При этом личность любимого не уничтожается, не поглощается, а становится еще более неповторимой, уникальной, особо драгоценной. Страсть поглощает, а любовь созидает. Для христианства вечная жизнь - это вечное уподобление Богу, вечное озарение Божественным светом, но при этом существо человека не уничтожается, а напротив, получает новые свойства и глубины бытия.

Личность возрождается в Боге. Бог любит личность человека. В индуизме нет любви как единства множественности: множественность для него - это иллюзия. Любовь сводится к единому. Атман любит самого себя под именем Брахмана, а Брахман любит самого себя под именем Атмана. Любовь индуистов - это единство через уничтожение. Уничтожается все: индивидуальность, личность, космос. Христианская любовь - это огонь, который животворит. Любовь индуистов - это огонь, который сжигает и испепеляет без остатка. Все, кроме безликого Атмана, погибает. Остается только единый Брахман-Атман, разделавшийся со своим творением, как ребенок после игры ломает надоевшие ему куклы. Бхакти оказывается любовью абсолюта к себе самому, в жертву которой приносится весь мир. И это сравнивается с христианской любовью, с любовью распятого Христа?

Теперь несколько слов о практике бхакти-йоги. В индуизме нет покаяния и сознания своей греховности, поэтому любовь как эмоция имеет душевный, страстный характер. Индуизм не делает различия между духовной и сексуальной любовью, а считает это одной силой, только по-разному организованной. В системах бхакти такая страстная любовь усиливается искусственными приемами, например, пляска у кришнаитов, медитация сексуальных сцен в тантризме; в некоторых системах йоги практикуется искусственное возбуждение кундалины - полового центра в спинном мозгу и т.д. Все это делает бхакти чувственной, экзальтированной, экстатической, аффективной любовью, то есть страстью с религиозным содержанием. Поэтому в некоторых сектах бхакти культивировался практический оргазм под видом любви божества и человека. Бхакти - это маятник широкой амплитуды от медитативного самообожествления и самообожания до грубого идолопоклонства, а в некоторых случаях, к сожалению, нередких - до состояния эротического неистовства. Апология гордыни у Вивекананды оканчивается аполгией блуда у Раджиша.

Христианин, начинающий изучать веданту как философскую систему, оказывается в положении человека, попавшего в сказочный мир Зазеркалья, где населяющие его призраки делают все как раз наоборот тому, что он привык видеть на земле. На каждом шагу его встречают парадоксы этого необычайного мира. Бог-творец Брами оказывается демоном,

иллюзионистом космического аттракциона. Он творит существа только для того, чтобы обмануть их. Сила его фантазии настолько неодолима и притягательна, что он забывает себя, увлекшись той сказкой, которую он сам сочинил. Его фантазия создала миры, но всякая фантазия есть зло, поэтому скорби и неустройство стали атрибутикой всякого бытия. Пьеса, задуманная Брамой, вышла из-под контроля самого автора, пленила его и затем превратилась в мировую трагедию. Брамю мало почитают в Индии, он одно из самых непопулярных божеств. Ему построено всего несколько храмов, и то это только дань уважения. За что благодарить полководца, который завел свое войско в непроходимые топи?

Второе божество - Вишну. Это принцип бытия во времени. Его функция имеет два аспекта. Он сохраняет мир иллюзий и в это же время подготавливает его к разрушению и исчезновению. Он - хранитель того процесса, когда Атман, забывший себя и неразделимо разделившийся во множественностях, осознает свое единство и тождество с абсолютным духом. Вишну - обоготворенный космос.

Главным божеством индийской Тримурти является Шива. Это - бог-разрушитель. Когда мир достаточно созрел для осознания, что Атман есть Брахман, а Брахман - Атман и кроме единого ничего не существует, приходит Шива как разрушитель и освободитель от всех иллюзий. Он начинает свой космический танец, во время которого вселенная клокочет и бурлит, как океан во время бури. Все исчезает в хаосе; космический театр сгорает дотла. Ветер уносит последние хлопья пепла, подобные черному снегу. Атман познал, что он Брахман. По образному выражению йога Абедананды, божество, увидевшее себя во сне поросенком, проснулось и со смехом вспоминает о своем сновидении. (Суоми Абенанда, "Сверхсознание".)

Индусский бог-спаситель - Шива. Он самый чтимый из божеств. Обычно Шива изображается в виде медитирующего йога в позе лотоса, или кружащимся в экстатическом танце, увешанным гирляндами из человеческих черепов. Не менее популярна в Индии супруга Шивы - богиня Кали, или Дурга, богиня магии и смерти, олицетворяющая собой силу Шивы. Жрецом богини Кали был знаменитый Рамакришна, который передал полноту страстной любви к этой грозной богине своему ученику Вивекананде.

Богиня смерти для йогов - это мать мира, мать богов, дарующая освобождение душе, плененной *марой* (веществом) и *майей* (иллюзией). Вивекананда проповедовал плюрализм религий, но это учение было только скорлупой. Истинной религией для него был культ богини смерти. Он называл ее самыми ласковыми душевными словами, то как мать, то как свою возлюбленную. Здесь кроется парадокс индийской бхакти, того учения, которое некоторые индийские и даже европейские философы склонны сблизить с христианством. Бхакти - это не любовь в христианском смысле как духовное единство двух личностей, как жертвенность и самоотдача, - любовь, которая по слову апостола Павла *не ищет своего* (1 Кор. 13, 5). Здесь - нечто противоположное, анти-любовь, которая страстно любит бога, божество и человека, потому что считает их тождественными самой себе. Для бхакти не существует человеческой личности. Есть единый, который любит себя, как Нарцисс, видящий в воде свое собственное отражение. Для бхакти нет любимого, а есть только "я" в иллюзорном облике другого. Бхакти - это самообожествление, которое требует разрушения этих иллюзорных образов и сведения всего к одному. Вишну указывает человеку, что он Брахман. Атман - онтологический дух человека - относится к нему не так, как божественная идея Платона к божественному разуму: Атман - даже не содержание или сознание Брахмана, а тождество с ним самим. Вишну указывает на это, а Шива осуществляет, поэтому бхакти - это любовь к смерти.

Богиня Кали с темным лицом, увешанная, как Шива, черепами и другими атрибутами смерти, лакающая человеческую кровь, богиня ужаса, представляется душе йога нежной матерью и светлым ангелом.

О Вивекананде

I

Неизвестно, был ли знаком Вивекананда с марксизмом, но в его учении повторилась формулировка Энгельса об относительности истины. Эта формулировка дает возможность совершенно произвольно манипулировать понятием истины и выражать в зависимости от ситуации диаметрально противоположные взгляды. Для христианства понятие относительной истины вообще не существует; относительная истина предполагает наличие ошибок и лжи. Чтобы избежать этого неприятного момента, Вивекананда прибегает к диалектическому сальто-мортале. Он объявляет, что все есть одновременно и иллюзия и истина, то есть истина - это аспект иллюзии, а иллюзия - это аспект истины. Замутив воду, он объявляет, что дно не видно не из-за грязи, а из-за глубины. Но, оставив это "открытие" как резервный заслон на случай отступления, он строит другую модель: все религии истинны, и все ведут к единому центру. Предвидя возражения: если все религии ведут к Богу, то зачем ему выступать с новой религией, - он декларирует основу своего учения, обнажает самую его сердцевину, а именно: религии все истинны, однако в разной степени, одни в большей, другие в меньшей. Но если все религии содержат относительную истину, а абсолютной как таковой не существует вообще, то как узнать, где истины больше, а где меньше? Где объективный ориентир? Как можно построить уравнение, где все члены неизвестны? Как можно построить иерархическую лестницу, если ни одна из ступеней не согласится быть ниже другой? Степень относительности может быть определена только по абсолютному образцу.

Здесь Вивекананда опять противоречит себе. Он то призывает каждого остаться со своей традиционной религией, то заявляет о разных уровнях истины в каждой религии и тем самым призывает отвергать худшее и принимать лучшее, то есть отвергать менее совершенную религию ради более совершенной и переходить в нее. При этом совершенно непонятно, какими качествами и свойствами должна обладать более совершенная религия. И может ли рассматриваться культ Молоха со сжиганием детей и человеческими жертвоприношениями в медном чреве идола как менее совершенная ступень истины, а не как нравственная и религиозная патология? Может ли поклонение сатане быть относительной истиной?

Сопоставляя учение об относительной истине с другими проповедями и письмами Вивекананды, можно прийти к выводу, что это силки для птиц, расставленные опытной рукой охотника. Вивекананда считает христианство учением трусов. В своих проповедях он не раз направлял отравленное жало сатиры против Евангельского учения, вернее, против своего карикатурного представления о христианстве. Обращаясь к членам конгресса религий, Вивекананда говорит: "Вы божественно святы и совершенны. Большой грех называть людей грешниками". Это прозрачный намек на учение о первородном грехе, особенно ненавистный самобожникам-йогам. Но, будучи демагогом и популистом, Вивекананда то отрицает историческое существование Христа, то говорит о своем почтении к Нему как к одному из учителей, то влагает в Его уста теософскую йогическую проповедь, то в туманных фразах заявляет, что лучше быть материалистом и атеистом, чем иметь "догматическое мышление".

В зависимости от аудитории Вивекананда говорит о религии то как о философской абстракции, где "бог" - только условный знак, за неимением более подходящего слова, то как о социальном учении. Он заявляет, что его бог - это бедный, нуждающийся народ (чем не Фейербах?). Он патетически восклицает, что если в мире будет хоть одна голодная собака, то его религия - накормить эту собаку. Что ж, и Библия говорит, что *праведный печется и о жизни скота своего* (Притч. 12, 10), заботится о них. Накормить собаку - дело человеческое, но считать это религией, то есть богообщением - дело собачье. Вивекананда, выступая в рабочих районах Чикаго, как Карл Маркс, призывал к борьбе за обилие материальных благ на земле, за царство свободы, равенства и благоденствия. Но на самом деле все это только внешние оболочки антихристианства; это блюда, приготовленные на разные вкусы. Высшей, единственной истинной и универсальной религией Вивекананда считает ведантическую адвайту, которая учит, что видимость и множественность - это иллюзии, история мира - игра Вечного во времени, а человек по природе своей - божество. Существует только один

Брахман, идентичный душе человека - Атману. Познавший это становится свободным от всех заповедей и законов. Вне Брахмана не существует никого и ничего.

II

В своих проповедях Вивекананда говорит о самом страшном и демоническом виде идолопоклонства - самобожии. "Человек - это бог" - вот его религиозное кредо; бог по своей истинной природе. При этом совершенно непонятно - это высшая природа-Атман, соединенная с духом человека, или она запредельна и иррациональна ему, как идея Платона эмпирическому человеку.

Начало всякого греха - гордость, поэтому гордый человек одновременно безумец и демон. Посетите психиатрическую больницу: у сумасшедших есть нечто общее, одна идея, которая скрывается под их бредом - это идея их личного величия, не понятого миром. Каждый сумасшедший представляет себя стоящим высоко над миром, властителем или благодетелем человечества. Бреда смирения не существует, есть только бред гордыни. Один называет себя Цезарем, другой Наполеоном, третий - целителем всех болезней, четвертый - ангелом, сошедшим с неба. Даже когда они отождествляют себя с темной силой, они желают, чтобы эта сила была чудовищно великой, например, дракон, демон и так далее. Депрессивные состояния нервных больных также вызваны убеждением, что весь мир недостойн их и поэтому на них ополчился. Они уходят от всякого контакта с миром в свою болезнь, потому что глубоко презирают мир. Истерия - также результат гордыни, только в более стертой форме: истерик хочет властвовать над другими и поэтому находится в состоянии затяжного конфликта с окружающими его людьми. Имеются и другие виды навязчивых идей и маниакальных состояний, например, на почве страха, или сексуального содержания, но страх - это негатив, тень гордыни.

В бреде сумасшедших можно обнаружить одно общее: притязание на исключительное положение среди людей. Оно часто порождает отождествление себя с лицами, которых история называет великими. Если человек, одержимый гордостью, получает власть, то становится настоящим тираном, как обожествленные при жизни Тиберий, Нерон, Чингисхан и Гитлер. Библия говорит, что гордый, *надменный сердцем* мерзок пред Богом (см. Пр. 16, 5), что первым гордецом и богоборцем был падший архистратиг - сатана. Даже в мирской жизни гордость вызывает отвращение. Гордый всегда одинок, у него нет друзей. В семье он несносен, так как хочет только властвовать, но не может любить. Он насильно навязывает другим свою волю. В общении он вызывает к себе вражду или насмешки и воспринимает это как неблагодарность людей. Если даже гордый обладает талантами, то скоро теряет их, так как перестает видеть свои недостатки и критически относиться к ним. По единодушному утверждению христианских отцов-подвижников, гордость является началом всякого греха. Гордый теряет самопознание и живет в мире фантастических представлений, в царстве своих грез.

Высшая гордость - сатанинская гордость - сравнивать себя с Богом. Индуист отождествляет себя с абсолютным. Вивекананда говорит: "Христос и Будда - только волны океана, а я - это океан". Добродетелью и достоинством гордость провозглашали римские цезари и германские нацисты. Нас с детства учили: "Человек - это звучит гордо", мы до сих пор пожинаем плоды этого тонкого нравственного обмана. Некоторых наших современников в индуизме как раз и привлекает мысль о том, что в человеке заложены все совершенства, что он не нуждается в Боге, так как сам божество. Недаром Вивекананда советует своим ученикам: "Не уставайте повторять людям, что они божественны, убеждайте их в этом, и люди придут к вам". Христианство учит о Кресте и жертве, о тяжелой борьбе со своими страстями, особенно с самостью и гордыней. Йога вместо этого предлагает медитацию: "Я есть центр вселенной", и как дополнительное средство - холодные ванны, очистительные клизмы, лечебные позы - асаны (в том числе вверх ногами), дыхание и втягивание воды через ноздрю. Гордый не видит в другом человеке личность, поэтому индуисты представляют мир как театр. Это весьма удобная теория: театр дает острые ощущения и в то же время освобождает от ответственности за свои поступки - ведь это все игра.

III

Вивекананда, обращаясь со своей проповедью адвайты-йоги к европейцам и американцам, часто повторял, что его религия - это свобода. Христос обещал ученикам Своим свободу - свободу от греха, самого жестокого тирана. Вивекананда обещает своим последователям свободу адвайты - свободу от добра и зла. Для христианина свобода воли - неотъемлемое свойство богоподобия, высший дар Бога человеку. Из всех существ земли ему одному принадлежит возможность стать нравственной личностью и осуществлять в своем сердце выбор между добром и злом. Человек сотворен не только индивидуумом, особью, родовым понятием в биологической карте земли, как элемент в таблице Менделеева; он поднят на недостижимую высоту; он не только в мире, но и над миром. Каждый человек - неповторимое и единственное явление. По словам святых Отцов, одна человеческая душа драгоценнее всего материального космоса. Для христианина свобода - это правильное осуществление свободы воли, это жизнь согласно своему высшему предназначению; свобода - это борьба с поработителем-грехом, мучителем человечества, который пленяет душу, заключает ее в темницу страстей, истинную жизнь в Боге подменяет ложной жизнью - инобытием. Христос даровал свободу в метафизическом и нравственном планах. Заповеди Евангелия - это полнота духовной жизни, свобода как гармония между Божеством и человеком; это снятие внутренних противоречий и поэтому покой и радость души; она требует жертвы, борьбы со страстями и уже здесь, на земле, дает человеку радость высшего бытия.

Свобода, которую обещал Вивекананда, - нечто другое.

В дохристианские времена, когда грех достиг такой силы, что человечество приблизилось к грани самоуничтожения, языческие религии и философские системы по-своему искали выход из трагической ситуации. Религия, которую впоследствии проповедовал Вивекананда, предлагала путь отказа от добра и зла. Эта идея в ее различных интерпретациях существовала с древних времен у буддистов, в адвайте-йоге, у джайнистов и, наконец, в античном мире у стоиков. Могла ли она спасти человечество? Наверное, если бы могла, то Богу не пришлось бы для его спасения жертвовать Своим Сыном.

В дохристианские времена человеку сложно было оценить истинность того или иного пути. Сегодня же, когда христианский путь открыт миру, когда подвижники, поднимаясь по ступеням этого пути, достигали высшего духовного совершенства и дали нам описание, как духовную карту мира, мы можем увидеть, насколько отличается христианство от других учений. В свете христианства эта свобода от добра и зла открывается нам как демоническое состояние отключенности от Бога и мира. Такая ложная свобода открывает дорогу произволу страстей и снимает с человека чувство ответственности. Это свобода от любви к людям как высшей ценности, это свобода от благоговения перед Богом, так как в индуизме личного Бога нет, это свобода от нравственности, так как эзотерические йога и буддизм считают, что божество одинаково проявляется через добро и зло. А на самом деле, то есть для посвященных, такие понятия, как свобода - фикция, они для профанов. С высоты Гималаев и Тибета махатма видит земной шар как огромный мыльный пузырь, переливающийся цветами радуги. Одна-единственная реальность - одинокая мысль, которая бродит в звездном лабиринте Вселенной.

Свобода Вивекананды - это свобода падения в бездну, когда человеку кажется, что он летит ввысь. Путь христианина требует непрестанных усилий, борьбы с грехом, покаяния, жертвенной любви и, что особенно несносно гордому сердцу - смирения. Поэтому тот, кто ищет других путей, должен дать ответ перед своей совестью: не духовная ли гордыня и сластолюбие побуждают его обратиться к учению адвайты-йоги? Не те ли самые страсти, которые христианин должен преодолевать, как бы выкорчевывать из своего сердца, делают для иных столь притягательными учения древнего Индостана, - эти гордые, величественные, но мертвые тени, вызванные из небытия гордым, изощренным, но больным и галлюцинирующим умом?

О метампсихозе

I

Главным нервом, проходящим через все учение индуизма, можно считать метампсихоз, теорию перевоплощений, и неразрывно связанный с ним кармический закон. *Карма* означает "действие". Это, по мнению индуистов, причинно-следственная связь, такая же механическая и бездушная, как физические законы, управляющие материальным миром. Человеческие поступки подобны прикосновению к пульту сложной машины пальцев, которые направляют ее ход, - эти законы так же неизбежны и безразличны по отношению к человеку, как движение космических тел. Там нет ни любви, ни сострадания, а только воздаяние. Награда и наказание заключаются в неведомом самому человеку содержании его подсознания, в его физической красоте или уродстве, в телесной силе и болезнях и в ситуациях его жизни. Там все размерено и определено. Обстоятельства двух следующих друг за другом воплощений можно сравнить с позитивом и негативом: кто убивал - будет убит, кто спасал других от опасности - будет сам спасен от гибели, кто лгал - будет обманут и так далее. Там законы правосудия, действующие с неумолимой точностью. Но там нет Бога Отца. Там бесстрастный счетчик человеческих деяний. Там судья, в груди которого вместо сердца - книга закона, книга холодная и величественная, как звездное небо. Там нет Бога, который любит и сострадает, который имеет власть прощать за один порыв души. Там огромный компьютер, в который вложена информация о всех существах вселенной; компьютер непрерывно принимает информацию и выдает Ответ. Этот ответ космического компьютера воплощается в новую форму жизни, в новые ситуации.

Метампсихоз, по мнению индуистов, должен, в конце концов, превратить исправдом для преступников в храм, где живут святые и мудрецы, а еще вернее - загнать душу человека, как футбольный мяч, после многих ударов судьбы и метаний-бросков по полю, в ворота храма. В учении о метампсихозе нет Бога-Отца, для которого мы малые дети, нет духовной семьи, а вместо нее - огромный детдом, где строгие, но справедливые надзиратели фиксируют каждый поступок ребенка. Здесь система наказаний и поощрений, только с той разницей, что человек в новом воплощении не может понять, за что его наказывают или поощряют: реинкарнация отнимает память о прошлой жизни. Человек похож на того, кто во сне совершил преступление и за это просыпается в тюрьме.

Нам могут возразить, что человек не помнит своего раннего детства, только видит отдельные проблески его, как вспышки света во тьме. Но если Христос говорит о детях: не мешайте им приходить ко Мне, потому что таковых есть Царство Небесное (Мф. 19, 14), то индуизм смотрит на ребенка как на несовершенно человека, поэтому аналогии между детством и прошедшей жизнью провести нельзя. Для индуиста грех - незнание и невежество; для христианина грех - это противление воле Божией, то, что стоит между ним и Божеством. Идея человека имеет свое воплощение, то есть идеал в лице Христа Спасителя. У индуистов нет идеала, так как их боги только надевают на себя человеческие маски, а сами люди прикованы к колесу жизни. Может ли бедный пленник быть идеалом? Поэтому механический закон возмездия ориентирован на самого человека. Он находится в амплитуде движения между двумя полюсами: награды и наказания, которые воспринимают как наслаждение и страдание. Карма, как тень, преследует бедного человека. Может ли кармический закон исправить человека? Если человек не помнит своей прежней жизни, то он не сможет осознать, зачем и к чему получает удары или, наоборот, награды. Если он не осмысливает их, то не может приобретать нравственного опыта. Он похож на ребенка, который не понимает, за что его бьют или хвалят. От такого метода воспитания у ребенка может возникнуть не духовность, а невроз.

Кармический закон преподается как искупление человека. Но кто принимает это искупление? Если Бог, то бог - это я. Перед человечеством? Но, по мнению веданты, множественность, в том числе и человечество - только фикция. Реален только Брахман. Карма наказывает, не называя вины, как будто на человека накинута одеяло и бьют его, а он

не видит, кто бьет, и не понимает, за что. Даже человеческий суд, наказывая преступника, зачитывает его вину перед вынесением приговора.

Личность - это то, что ощущает и осознает. Если мы не сознаем и не помним прежних воплощений, то мы уже не личности. Или мы идентичны со своим первым воплощением? Индуисты говорят: с Атманом. Но он тождествен с Брахманом, следовательно, одинаков у всех людей. Буддисты говорят: с дхармой, психо-физическими элементами. Однако оказывается, что дхармы каждый раз слагаются в новую, качественно отличную структуру, следовательно, это уже не я.

Из одних и тех же кирпичей можно построить конюшню и дворец. Вышеприведенное сравнение с темным периодом детства ложно еще и потому, что младенец не может сознательно оценить свои поступки, поэтому не ответственен за них, хотя бы произнес кощунство или разбил драгоценность. А в карме как раз ответственность за то, что находится вне сознания. Значит, "я" - это мое подсознание. Но ведь нравственность - это свободный выбор, а подсознание - область импульсивных влечений, инстинктов, неосознанных стремлений. Ситуация должна быть осмысленной, чтобы служить уроком для будущего. Одно страдание не может искуплять или исправлять, часто оно озлобляет человека или доводит до самоубийства. Нравственным фактором является не страдание, а наше отношение к нему.

В картине космической причинно-следственности Бог говорит не голосом отцовской любви, а буквой и властью закона, как судья, который своим бесстрастным взглядом нашел соответствующий параграф в кодексе.

Сам индуизм ужасается бездушной карме и судорожно ищет избавления от нее. Сколько бы ни делал добрых дел человек, он все равно прыгает с одной вращающейся плоскости на другую, а колеса жизни не выпускают свою добычу из замкнутых кругов.

Буддизм предлагает выход из кармического лабиринта: уничтожить в себе желания, не быть привязанным к жизни ни любовью, ни ненавистью, ни добром, ни злом, убить в себе самое бытие. Тогда рассыпятся элементы дхарм, и зубцы колеса не смогут захватить пустоту и небытие, в которых скрылся беглец.

Индуизм предлагает поверить, что мир - это мираж; существует только единый Брами. В человеке он пребывает под именем Атмана. "'Я" есть бог" - жуткая формула освобождения. Если это так, то все проявления моей личности божественны и не могут быть обусловлены законом, причиной и следствием. Это свобода от закона. Если буддист опустошает себя ради спасения в нирване, то брахманист опустошает мир, считая его иллюзией. И наконец, есть еще путь. Это путь любви. Но к кому? К безличному Богу? К энергии, к маскам богов? Любить можно личность, поэтому индуизм употребляет тантрические упражнения, пляску, эротические медитации и тому подобное для возбуждения сексуальной энергии, которую воспринимает как трансцендентную любовь. Поэтому в индуизме нет любви к личному Богу, а вместо нее - или холодное размышление о запредельном мире с попытками к систематизациям его, или страстная влюбленность в медитирующих и танцующих богов и богинь - маски безликого абсолюта. Это освобождение от кармы через опьянение, то, о чем древние философы сказали *in vino veritas - истина в вине*.

II

Теория перевоплощения извращает нравственную жизнь человека; она усыпляет его духовную бдительность по отношению к темному миру падших ангелов, стремящихся овладеть, как пленницей, душой человека; она вселяет ложные и несбыточные надежды, устилает цветами дорогу, ведущую в ад, поет свою земную песнь детям, играющим на краю пропасти. Христианство говорит: "грех - это самое великое несчастье", среди скоро преходящих скорбей и радостей это зло, которое останется в душе человека, если он не очистит ее покаянием, навеки. Грех - это отречение души от Бога и тайный союз с демоном. Теория перевоплощения говорит обратное: "грех - это только замедление пути, наказанием будет перевоплощение, новое рождение", но так как йоги редко допускают ниспадения в

более низкие формы, то это будет движение вперед, только в несколько замедленном темпе. А так как в следующем перевоплощении можно легко наверстать упущенное, то грех (как это ни странно на первый взгляд) становится "билетом" в увлекательное межзвездное путешествие. У человека существует мощный инстинкт жизни, от которого не свободны даже гуру, проповедующие, что жизнь - это *мара*, зло, а мир - *майя*, иллюзия. Психологический парадокс состоит в том, что ключом, вращающим колесо перевоплощений, является грех. И поэтому грех в подсознании человека становится не разрушительной силой, не гибелью и хаосом, а таинственной творческой силой, которая удлиняет путь нашего космического бытия, имеет первостепенное значение в формировании новых "наших" тел в будущих рождениях. Именно не добродетель, а кармический грех собирает дхармы, элементы для новой жизни. Грех - это демиург, творец, строящий и сохраняющий человеческую индивидуальность (особенность и обособленность).

Теория перевоплощения говорит: "ты своей божественной природой уже приговорен ко спасению, поэтому все испытай, все испробуй; в этой увлекательной игре нет проигрыша".

Это учение вносит путаницу в представление о человеке. Если человек - божественный дух, не осознавший себя, то почему он может и должен осознать себя как материальное тело и дхармы? - Значит, божественный Атман (человеческий дух, тождественный абсолюту) не только находится в плену материальной видимости, которая на самом деле пустота ("Она есть, и она обман". - Вивекананда), но и нуждается в иллюзии для своего самопознания и освобождения. Если человек - это Атман, а тело - иллюзия, то какое отношение имеет иллюзия к вечному духу: она должна быть более чуждой духу, чем одежда. Атман, тождественный Брахману, грешить не может. Личности как духовно-физической монады индуизм и буддизм не признают, - кто же тогда грешит? Если тело, то можно сказать вместе с гностиком Карпократом: "какое мне дело до моего хитона". Теория воплощения убеждает человека, что грех не касается его существа, что это нечто внешнее, а его существо - бессмертный Атман, стоящий выше добра и зла. Теория перевоплощения не дает места для любви к своим близким: они - иллюзия; через космическое мгновение они окажутся уже в других телах, и мы расстанемся с ними навечно. Мать, склоненная над постелью больного ребенка, дети, берущие благословение у умирающей матери - это только "маска". Поэтому Вивекананда говорит: "смейтесь при расставании". Христианство учит о личном бессмертии, о любви, которая переходит в потусторонний мир, о Церкви, которая соединяет живых и умерших; теория перевоплощений со смехом разъединяет людей навечно.

Христианство смотрит на семью как на малую, домашнюю церковь. Метампсихоз профанирует понятие семьи. Целомудрие - это состояние больше души, чем тела. Где девственность, если душа у маленькой девочки в прошлых жизнях уже прошла все виды греха и имеет о нем огромный опыт в своем подсознании? Где единство супругов, когда каждый из них сотни раз вступал в брак в предыдущих жизнях и в будущих будут принадлежать другим? Какое может быть единство, если это только этап на пути перевоплощений? - это не любовь, которой нет конца, а, по теории метампсихоза, краткая встреча в шалаше при дороге, после которой путники расстаются навсегда.

III

Сторонники метампсихоза приводят факты, которые сами по себе невозможно игнорировать и голословно отрицать. Они говорят о случаях, когда человек в сонном состоянии или трансе видел себя другим лицом, живущим задолго до этого времени, и, рассказывая о таких сновидениях, приводят факты фамильного или бытового характера, которые при расследовании подтверждаются. Такие рассказы вдохновили Джека Лондона написать известную повесть "Межзвездный скиталец". Были также случаи, подтвержденные свидетелями, когда человек в состоянии особого нервного состояния или болезни вдруг начинал говорить на незнакомом языке, который затем, по выздоровлении, совершенно забывал. Были зафиксированы случаи, когда дети в бессознательном состоянии произносили тексты на латинском и древнееврейском языках. Эти факты являются главным аргументом сторонников метампсихоза, причем оцениваются ими как неопровержимые и вполне

объективные. Многочисленность таких рассказов у различных народов, которая исключает возможность одних только заимствований, заставляет нас предположить, что определенная часть их имеет под собой факты, но мы считаем, что эти факты истолкованы и объяснены неверно и не могут служить доказательством метампсихоза. Рассмотрим эту проблематику в двух аспектах.

1) Скрытые силы и возможности человеческой души:

- а) способность видеть события, происходящие на отдаленном расстоянии;
- б) способность предвидеть будущее;
- в) способность человеческой психики фиксировать все впечатления в своем подсознании, начиная с внутриутробного состояния.

Каждая из перечисленных способностей не менее поразительна, чем видение событий из прошлой истории, однако эти способности не имеют никакого отношения к метампсихозу.

2) Влияние на человека мира духов, особенно мира падших ангелов.

В демонических феноменах участвует человеческая душа; цель этих феноменов - показать человеку метафизическую ложь в образе истины, вырвать его из живой среды Церкви, внести в его сознание ложные ориентиры, ложно направленные мысли, ложное упование, то есть внести в его сознание тление и смерть. Человек находится в том состоянии, которое святые Отцы назвали падением. Падение подразумевает ту высоту, на которой в прошлом находился человек и с которой ниспал в глубокое расстройство, болезненные состояния, в деформацию, которой подвергся после трагического события первый человек, а вместе с ним, по закону наследственности - и весь человеческий род. Изменения как следствия падения мы можем рассмотреть в нескольких аспектах.

Отношение человека к Богу. Он - изгнанник из отчего дома и странник на земле. Божество перестало быть центром его жизни; только с большим трудом человек возводит ум к Богу, только в немногие мгновения он чувствует в своем сердце духовную любовь к Богу, тень того чувства, которое испытывал прежде в раю. Он потерял внешний рай, тот духовный оазис в просторах космоса, который был дан ему Богом, чтобы постепенно весь космос стал Эдемом. Он потерял внутренний рай в своей душе, он стал далеким от мира ангелов, и если ангелы не оставили человека, то это подобно тому, как проказа вырвала больного из среды его друзей, и те из любви к нему, преодолевая отвращение к смраду разлагающегося тела, приходят к его жилищу, приносят пищу и издалека беседуют с ним. Он приблизился к миру демонов. Человеческая гордость стала подобной гордости сатанинской, а мерзость человеческих грехов привлекает демонов, как трупный запах - могильных червей. Слово *преступление* происходит от слова *переступить* и означает переступить нравственную норму, закон Бога, написанный в Библии и в человеческой совести. Поэтому грех и преступление в метафизическом аспекте - это жертва, приносимая демонам. Через грех, который есть заповедь сатаны и противоположность заповеди Божией, человек вступает на путь демонообщения.

Вернемся к образу падения: человек сорвался с вершины горы, он лежит в глубоком ущелье, живой, но изувеченный и разбитый, ему необходимо выбраться из пропасти, он делает усилия, которые вызывают у него нестерпимую боль, но не может продвинуться ни на шаг, и когда его ожидает неминуемая гибель, то появляется помощь, б!ольшая, чем ожидал несчастный. Притча о самонадеянии говорит о подобном состоянии человека, истекающего кровью. Здесь друг, поспешивший на помощь, берет несчастного на свои плечи и выносит его из пропасти, однако тот должен держаться за него, крепко обхватив его одежду; если он разожмет руки, то упадет и снова покатится вниз, на дно. Друг, спасающий несчастного - это Христос, а вера - это те сжатые пальцы человека, которые держат хитон Спасителя. Потерять веру - значит оторвать себя от Христа, потерять свое спасение.

Человек в раю обладал другими возможностями познания. Адам называл имена животных, зверей и растений. По учению святых Отцов это означало, что Адам знал внутреннюю сущность (*ноумен*) каждого существа, его духовный взор проникал невидимые глубины видимого мира, он видел вселенную в свете своего духа. После грехопадения этот свет погас: мир как бы скрылся под покровом внешнего. Человек стал познавать его не

внутренними интуициями и прозрениями, а через пять органов чувств. Это можно сравнить с состоянием внезапной слепоты, когда человек перестает видеть на расстоянии, а воспринимает предметы только на ощупь. Материальность, как стена, встала между человеком и духовным миром. О возможностях человеческой души, потерянных в грехопадении, можно отчасти догадываться по тем необычным явлениям, которые совершали святые, по тем свойствам, которые приобретали их души. Эти феномены мы называем чудом: это было чудо прозрения - видение состояния других душ, способность предчувствовать будущее, знать прошлое человека, иметь власть над дикими зверями и так далее. Близость к Богу и миру ангелов наделяла молитву святого поразительной силой: исцеление больных, предотвращение несчастий, ожидавших мир, даже случаи воскресения мертвых через Божественную благодать.

Чудеса святых всегда имели глубокий нравственный смысл, а не совершались для демонстрации своих психических возможностей, как, например, у йогов. Возрождение духовных сил человека, как бы пробуждение из спящего состояния, происходило в процессе покаяния, молитвы и богообщения, поэтому мы не можем определить четкую границу между естественными силами возрожденной души и действием благодати Божией. Но иногда новое видение мира носило характер откровений и пророчеств.

Душа человека через исполнение заповедей и аскезу преображается, приближаясь к состоянию первозданной души Адама. Силы духа, находящиеся обычно в бездействии, как бы в дремлющем состоянии, пробуждаются в синергии с душой. Гностические возможности человека приобретают новые свойства в свете Божественной благодати, служат для человека источником духовных знаний и откровений, часто неожиданных для него самого.

Теперь приступим к третьему аспекту нашей проблематики - к демонообщению и способности принимать информацию от мира падших духов. Демон - падший ангел. Ангельский мир сотворен раньше материального, физического мира. Ангельский ум содержит огромную информацию о всей человеческой истории. Падший ангел потерял высшую ценность - любовь к Богу, но сохранил внешнее знание, то, что на современном языке мы назвали бы фактологией. Ум демона можно сравнить с огромным компьютером, в котором заложена необъятная по своему объему информация; кроме того, демоны, объединенные общим полем ненависти к Богу, находятся в тесном общении друг с другом; они ведут войну с человечеством и с каждой человеческой душой, разрабатывая общие планы и стратегию, помогая друг другу, совещаясь между собой. Демоны борются за власть над каждой человеческой душой, за вечное господство над ней. Будучи извергнуты из той духовной сферы, которая называется небом, они сделали сердце человека полем боя с Божеством и ангелами его.

Человек - образ и подобие Божие, он имеет свободную волю как свойство подобия Божиего, поэтому за ним остается последнее слово: с кем он? Человек обычно остается с тем, кому он верит. Совершая грех, он в какие-то мгновения верит, что грех способен принести ему счастье, то есть верит демону. Спасается человек верой в Христа Спасителя, проявляемой через любовь, исполнение заповедей Евангелия, поэтому борьба демона с человеческой душой происходит в нескольких направлениях: 1) подменить откровение Божие своим демоническим откровением, суррогатом истины, космической ложью; 2) обольстить человека грехом, разрушить нравственные основы его веры, когда вера не спасает, а только обличает человека; 3) представить зло в виде добра. Обычно это волчьи ямы, в которые попадают люди тщеславные и гордые, считающие, что для них открыты эзотерический путь и тайны, неведомые для профанов, к которым они причисляют остальное человечество.

Теория перевоплощений делает в сущности ненужным Христа. Человек спасается через собственную добрую карму, он сам для себя спаситель. Поэтому теория перевоплощения своей демонической задачей имеет заменить Божественную любовь человеческим добром, Крест Христов - личным страданием, испытаниями земной жизни, то есть оставить человека одного перед лицом невидимого демонического мира. Для Божественного чуда человек должен быть подготовлен непрерывным внутренним очищением души, многолетним

подвижничеством. Для общения с демоном этого не надо. Поэтому демонические откровения доступны людям независимо от их нравственности, но при одном условии - гордости человека и уверенности в своих способностях войти в общение с духовным миром. Что стоит демону, если это ему нужно, как архивариусу, поднять всю картотеку мировой истории и использовать действительные факты для своей ложной интерпретации! При Божественных откровениях святые подвижники в сердце своем ощущали небесный мир и радость, умственные и духовные силы обострялись и углублялись под действием благодати. А демонические откровения чаще всего проходят в состоянии транса, духовного опьянения, особенно, например, под воздействием ритуальной музыки, сопровождаемой плясками, иногда при настоящем опьянении алкоголем и наркотиками, а также, что очень характерно, в болезненном состоянии и бреде, когда душа отключена от молитвы к Богу. Феномены спиритизма свидетельствуют о том, что "правда" демона оборачивается самой страшной ложью, в которой фактология - только видимость и шелуха. Эта "псевдоправда" служит приманкой для неосторожных душ, как зерна, рассыпанные птицеловом под сетью, - для ловли птиц. В состоянии сна душа приближается к миру духов; чистая душа может получить импульсы от светлых духов, страстная - обычно от демонов, поэтому большинство святых Отцов советует не обращать внимания на сны, хотя бы они были правдоподобны, чтобы не ошибиться в том, какой собеседник подошел к нашей душе. Во сне мы слышим голос, но не знаем, кто говорит. Гордый уверен, что с ним говорит Божество, для смиренного достаточно Евангелия, он не ждет других откровений.

Для знания прошлого нет необходимости в метампсихозе. Прошлые знают ангелы и демоны. Эти знания демон может легко использовать для своей стратегии, чтобы заменить учение Христа другими учениями: спиритизмом, магией, йогой, теософией и так далее. Христианство учит, что спасение осуществляется через синергизм Божественной и человеческой воли, спасает Христос, а душа избирает Евангельское учение и следует ему при содействии благодати. Для сторонника метампсихоза вопрос о Божестве не принципиален, он может верить в личного бога или космическую силу, быть агностиком, как буддисты (то есть игнорировать понятие Божества) или материалистом, как джайнисты; во всех случаях он надеется на собственную карму, на самого себя. Поэтому можно сказать, что дьявол является заинтересованным лицом при распространении учения метампсихоза: ему не страшно теософское псевдохристианство без Христа.

О языческой мистике

Кришнаизм относится к экстатической форме язычества. Индуизм в своих ритуалах тяготеет к театру. Если в Риме сценой и зрительным залом самого большого в столице театра служили ступени огромной мраморной лестницы, ведущей к храму Венеры, то в Индии храмовые ритуалы представляли из себя драматические пьесы, где актера сопровождали хоры певцов. Сами представления сопровождались музыкой и миметическими плясками. Если в древней Греции боги неожиданно появлялись на сцену, чтобы развязать узел трагедии, то в индусском театре боги вообще не сходили со сцены. В греческой трагедии боги как носители высшей справедливости, карающей правды, входили в круг людей, что способствовало превращению трагедии из искусства в "шоковую терапию", в катарсис. В индусском театре человек вводился в круг богов, чтобы пить с ними одну общую чашу - *сому*. Мистика язычества течет в двух руслах:

- 1) рассудочная мистика - упрощение;
- 2) эмоциональная мистика - опьянение.

Рассудочная мистика - это тонкий интеллектуальный анализ мира и человеческой души, который путем отрицаний, абстракций доходит до вывода, что понятие, отражающее мир иллюзий, также иллюзорно. Здесь начинается процесс упрощения, то есть освобождение души от интеллектуального багажа, который мы называли бы самопоеданием. Упрощение происходит как сведение множественностей к единому единству - к бескачественной

единице. Душа созерцает сама себя во тьме и безмолвии - это интеллектуальный экстаз, особенно характерный для буддизма и отчасти неоплатонизма.

Второй вид - опьянение, отключение сознания посредством интенсивного возбуждения чувств и чувственности. Эти приемы разработаны у древних шаманов, у нас принято называть их дионисийством. Это эмоциональный экстаз. Обычно ему сопутствует музыка, пляски, особые песнопения, а в отдельных случаях принятие наркотиков. В некоторых сектах практикуется также медитирование эротических картин.

Христианство отличается от всех остальных религий тем, что обладает особой Божественной силой, называемой благодатью. Посредством этой силы, соединенной с личным подвигом человека, происходит изменение в самом человеке, пробуждается дух, находящийся обычно в спящем состоянии. Для этого необходима борьба со страстями, являющимися насильниками и поработителями духовных чувств. Христианская православная мистика - это духовная мистика, поэтому она чужда экзальтации, восторженности, аффективности, того, что принадлежит душевному плану. Созерцание подвижника сопровождается миром и тишиной сердца, особой ясностью и прозрачностью ума. Общение с ангельским миром, доходящее иногда до забвения видимого мира, сопровождается не чувством потери своей личности, а наоборот, более глубоким и полным ощущением ее.

Языческий экстаз приводит к дальнейшей агрессии души в область духа. Человек теряет сознание, познание и самопознание, он живет непосредственными ощущениями бездны своего подсознания. Там нет изменений как преобразования души, а только лишь возбуждение и напряжение чувств. Кришнаизм является весьма характерной формой экстатического язычества. Примечательно сходство между Кришной и Паном греко-римского мира. Слово *Пан* означает "все", то есть "всебог". Этот лесной бог изображен в виде демона, играющего на свирели, проводящего время в обществе сатиров и нимф. Кришна в древние времена был в индийских сказаниях олицетворением темной силы. В буддийских легендах он противник Будды и вождь демонов. Постепенно он превращается из злого духа в божество природы, покровителя животных. Его атрибутом, как и у Пана, служит свирель. Жизнь Кришны проходит в играх с пастушками.

Однажды мореплаватель близ незнакомого острова услышал голос, повелевавший ему явиться к цезарю Тиверии и передать, что великий Пан умер. Эта весть сопровождалась скорбным плачем и рыданием. Не смея послушаться таинственного голоса, мореплаватель, преодолевая страх, явился к грозному кесарю и сообщил ему о том, что умер Пан. Тиверий встревожился. Он собрал мудрецов и философов для обсуждения этой вести, и те решили, что действительно умер Пан. Это событие, зафиксированное в анналах истории, произошло в то время, когда Христос обходил с Евангельской проповедью города и села Палестины. Прошло две тысячи лет, и вот Пан возвращается в свои прежние владения, только с другими именами. Одно из этих имен - Кришна; он предлагает прежним христианам взять вместо креста в свои руки веселую пастушью свирель и обменять евхаристическую чашу на кубок наслаждений.

Теософия и оккультизм

Ложь многолика. Существует несколько видов лжи: искажение фактов; сознательное умалчивание неприятных фактов; тенденциозный выбор фактов, их монтаж. К сожалению, в статьях, появляющихся нередко в широкой печати, отсутствует объективный разбор теософского учения. В них игнорируется такой важный для современного общества вопрос об отношении Блаватской к христианству. Это понятно, суть теософии ее сторонники стараются запрятать подальше, чтобы читатель не сразу докопался до неприглядной правды. Отношение Блаватской к христианству на протяжении всей ее жизни было резко отрицательным. В частных письмах она признавалась, что не верит в существование исторического Христа, а если и употребляет слово "Христос", то только в иносказательном значении (как синоним "Атмана") то есть в интеллигентно-хлыстовском смысле.

Журналисты или не знают, или забывают упомянуть, что "великая душа" редактировала журнал под названием "Люцифер" и считала своей миссией реабилитацию павшего демона. Какой свет несла Блаватская? Люциферианский мертвый свет или свет Христа?

В молодости Блаватская занималась спиритизмом, зарабатывая себе на жизнь, и считалась сильным медиумом. Не могу судить, почему она бросила занятия столоверчением, но одной из причин стало охлаждение общества к спиритизму, который переставал быть модным в Америке и Европе. Зато стал проявляться интерес к восточным религиям, к Веданте, к буддизму. Такие антихристианские философы, как Шопенгауэр, Ницше обращали взоры свои к Востоку - родине арийцев. В самой Индии появляются теософские учения Рамакришны - жреца богини смерти Кали - и его учеников. Ближе к нему стоял "реформированный индуизм", к которому примыкали Рой и семья Тагоров (дед знаменитого поэта).

Блаватская много путешествовала по Индии и Тибету. В 1885 году центр теософского общества перешел из Нью-Йорка в Индию, в предместье Мадраса. Впоследствии там был выстроен теософский храм, главная достопримечательность которого в настоящее время - огромная статуя Блаватской, сидящей в кресле. Блаватская была убеждена, что свои оккультные знания и силы она получила от махатм, живущих в Тибете и Индии, что она мысленно общается со своими учителями и получает от них помощь. Теософы провозгласили девизом слова "Нет религии выше истины", которые печатались как эпиграф на титульных листах теософской литературы. Многие люди, не понимая смысла этих слов, склонны восхищаться ими. Однако что значит на самом деле теософский девиз? Здесь религия отделяется от истины: религия - одно, истина - другое. Религия относится к низшему плану, истина - к высшему.

Что же такое истина и каковы пути ее постижения? Теософы говорят о некоем главном общем содержании, присущем всем религиям. Однако существенно ли учение о Святой Троице для христианства? Если да, то как соединить его с мусульманством, категорически отрицающим триединство Божества? Существенно ли для христианина учение о Христе как Сыне Божием и Спасителе мира или не существенно? Если существенно, то как соединить его с представлением о Христе в других религиях? Ведь иудаизм считает Христа ложным Мессией, мусульманство - пророком, стоящим ниже Магомета, манихейство и антропософия - солнечным эоном. Считает ли теософия учение о личном Боге существенным для религии? Если да, то что сделать с безликим абсолютным пантеизмом? Считает ли теософия существенным учение о душе как бессмертной субстанции? Если да, то как согласовать это с буддизмом, который учит о распадающихся и вновь соединяющихся элементах души, дхармах, или с брахманизмом, где индивидуальная душа растворяется без остатка в космическом бытии?

Теософия предлагает человеку самому создать свою религию, то есть заниматься боготворчеством и богостроительством. Вместо общего синтеза религий получается обратное: от религиозной системы, прошедшей через фильтр теософского учения, остается только эмпирическое чувство, неосознанное религиозное переживание, а остальное должен сотворить или эклектически выбрать из любых источников сам человек. Таким образом, "Божество Откровения" заменяется продуктом человеческого сознания и эмоционального подсознания, то есть теософия учит строить идолов и поклоняться им.

На самом деле религия Блаватской - это шиваизм и необуддизм; ее теологические, космологические и антропологические представления взяты из этих систем. Адепты теософии часто носили шиваитские эмблемы плодородия (ступа Шивы). Левое крыло немецких теософов возглавлял Рудольф Штайнер, который впоследствии выступил как реформатор теософии и создал антропософское учение, где по сравнению с теософией большее место уделялось европейскому оккультизму. Антропософы считают Иисуса перевоплощением языческого жреца Зороастра (Заратустры), в которого вселился "Христос", солнечный эон, включающий в себя 7 элогимов - космических духов.

В газетных статьях часто упоминается Елена Рерих как верная последовательница и продолжательница дела Блаватской. Махатмы, руководившие Блаватской, руководили и супругами Рерих. Кто были эти махатмы?

В 1926 году Николай Рерих привез от махатм советскому правительству письмо, в котором говорилось: "Находясь в Тибете, мы знаем, что сделали вы. Вы упразднили церковь лжи и разрушили семью лицемерия". Вот что хотели махатмы: уничтожения Церкви и христианства, уничтожения семьи как основы нравственного общества. Это письмо было опубликовано только через 40 лет. Кроме того, махатмы прислали землю из Индии к мавзолею Ленина и знаменательное обращение к нему как "нашему брату махатме". Николай Рерих с несколькими тибетцами был принят наркомом иностранных дел Чичериным и наркомом просвещения Луначарским - поджигателем церквей и автором мерзкой пьесы "Король и брадобрей", в которой он художественно иллюстрировал некоторые идеи Фрейда. Рерих сообщил, что советское правительство может рассчитывать на буддийский мир, особенно он подчеркнул значение тибетской секты шамбалы. Кроме того, очень характерно, что Рерих преподнес Луначарскому свою картину "Мессианский будда", изображающего того, кто должен прийти в конце мира. Это лик того же антихриста. Картина была принята марксистами с благодарностью.

Знаменитый индийский поэт Рабиндранат Тагор, почитаемый в Бенгалии как махатма, посетил в 30-х годах Советский Союз и, увидев своими глазами истекающую кровью страну, выразил восторг по поводу методов правления советской власти (острую сатиру на Тагора написали Ильф и Петров, изобразив его в образе индийского седовласого старцагуру, который разучивает и распевает пионерские песни). Особенно обрадовал Тагора разгром церквей и планомерное уничтожение религии (которое происходило вместе с физическим уничтожением верующих). Вот буквальные слова Тагора, автора "Гитанджали" - жертвенных гимнов: "Лучше атеизм, чем церковь" (Тагор, "Письма из Атлантики").

Рерих посвятил Гималаям около 1000 картин. После принятия им буддизма Гималаи стали его иконой. Это было таинственное царство махатм. В письме к советскому правительству, переданном Рерихом, махатмы писали: "С вами наша помощь". В этом же письме они предсказывали знаменательные события, которые произойдут в 1931 и 1936 годах. В 1931 году была закончена коллективизация, разрушившая деревню. Она сопровождалась насилиями, убийствами, ссылками и страшным голодом и унесла с собой больше жертв, чем война. Колхозы были не только экономической, но и идеологической формой атеистической власти. Эта реформа должна была способствовать искоренению христианства в народе. В 1936 году закончилась подготовка к массовым репрессиям и террору, которым открылся 1937 год. Страна была опутана паутиной тюрем и концлагерей. В эти годы погибло большинство священников и монахов. Исповедание Православия приравнивалось к борьбе с властью. Не это ли предсказывали махатмы? Тогда их слова о какой-то "помощи" становятся особенно загадочными и зловещими. Нет ли какой-либо связи между махатмами и этими событиями? Есть тайны, которых мы не знаем, и может быть, не узнаем никогда.

Нашему обществу мало известен другой факт: учителями Гитлера были люди, тесно связанные с тибетским оккультизмом. В становлении фашистской власти и гестапо в Германии, в центре Европы, деятельное участие принимали тибетские монахи из секты агарти. Они учили эсесовцев "искусству" допросов и пыток. Гитлер окружил себя оккультистами, Гиммлер участвовал в ритуальных человеческих жертвоприношениях, например, во время водружения фашистского флага со свастикой на вершине Эльбруса. О секте агарти и ее кровавых деяниях было упомянуто на Нюрнбергском процессе. Но случилось нечто странное: репортеры и корреспонденты, падкие до всякой сенсации, вдруг замолкли, как по какому-то знаку невидимой руки. После штурма Берлина в районе резиденции Гитлера было обнаружено несколько десятков трупов без опознавательных знаков, одетых в немецкую форму. Экспертиза выявила тибетский тип. Эти люди покончили жизнь самоубийством.

В теософии много слов о любви, милосердии, но, к сожалению, они не связаны внутренне с этой жестокой доктриной. Когда человек поверит, что он бог, то становится демоном, и все слова о любви опадают, как листья, сорванные ветром, обнажая кости скелета, призрака смерти. Есть мнение, что некромания Гитлера возникла под влиянием тибетского буддизма. Что принесли и продолжают нести миру Блаватская, медиум тибетских махатм, и ее многочисленные последователи?

Часть III

Эскимосы считают ...

Эскимосы считают, что люди произошли от медведя. Индусы создали грандиозную и тщательно систематизированную картину духовной эволюции, похожую не то на роман, не то на картотеку актов и протоколов о том, как душа из-за тяготеющей над ней кармы воплощается в растения, в животных, в минералы. Эта теория перевоплощений характерна для современной теософии и антропософии.

Тертулиан писал о философах-пифагорийцах: "Они не употребляют мясо, опасаясь вместе с жарким съесть своего предка".

Один из средневековых бардов сложил песню: "Я был петухом, затем козлом, а теперь я сэр Ланцелот".

Жители некоторых областей Индии подошли к дарвинизму еще ближе. Они указывают на обезьян как на своих предков...

Если в пантеистических религиях принципом эволюции и перевоплощения зверей в человека (и обратно) является духовный потенциал, который человек стяжал в течение земной жизни, то дарвинизм основой эволюции считает отбор, то есть выживание в процессе борьбы более приспособленных организмов.

Итак, дарвинизм поразительно похож на теорию метампсихоза, только перевернутую вверх ногами. Если метампсихоз основой перевоплощений считает духовное начало, образующее в зависимости от своего нравственного состояния (кармы) соответствующие ей материальные формы, то дарвинизм говорит о физической эволюции, обусловленной материальными факторами; притом сама психика рассматривается как продукт материи. Если для метампсихоза душа является формообразующей силой, то для дарвинизма организмы как формы произошли в результате борьбы за существование и естественного отбора.

Сущность дарвинизма заключается в следующем: в борьбе за существование большим шансом выжить обладают организмы, имеющие так называемые полезные признаки. Эти полезные признаки возникают случайно, но закрепляются потому, что обладатели этих признаков оказываются более приспособленными к внешним условиям существования. Эта борьба ведется в двух направлениях: с внешними экстремальными условиями и с особями внутри самого вида. Фактором сохранения вида и рода является также способность к воспроизведению многочисленного потомства. Итак, Дарвин в основу эволюции положил борьбу, в которой происходит безжалостный отсев, уничтожение менее приспособленных к условиям борьбы, и выживание победителей. Доказательством своей гипотезы Дарвин считал сходство между живыми организмами и произвольно построил эволюционную лестницу, на нижней ступени которой находится амёба, а на верхней стоит человек.

XIX век переживал духовный кризис. Это был век позитивизма и материализма. Один из ученых XX века говорил: "Мы можем позавидовать ученым XIX века. Из-за ограниченности и скудости знаний им все казалось ясным и понятным, а ученые XX века стоят на берегу океана неизвестного".

В религиозном отношении интеллектуальная элита была отторгнута от Церкви и металась между крайним спиритуализмом и плоским эмпиризмом.

Идеалистическая философия поднялась в своем пантеистическом варианте до вершины в системе гегельянства, а затем оказалась перед пропастью. Из разложения идеалистической философии гегельянства возник диалектический материализм. Большинство ученых этого

периода оказывалось пантеистами и агностиками. Теория Дарвина соответствовала духу времени. Поэтому она была так легко принята, хотя многие серьезные ученые сразу же отвергли ее, указав на ее беспочвенность и ненаучность.

Доказательством своей теории Дарвин считал: 1) сходство между организмами; 2) способность искусственного разведения новых пород животных и птиц, например, собак и голубей; 3) окаменелости доисторических животных. Самого человека Дарвин считал потомком африканской обезьяны. Все это не могло не импонировать марксизму. Человек как вид зверя - прекрасный материал для пролетарских революций. Теория Дарвина помогала внушить людям, что в человеке нет никакого высшего начала, что нравственность - относительное понятие, что человек - это обезьяна, спустившаяся с ветвей дерева на землю и сделавшая себе дубину для охоты, что между человеком и зверем нет принципиальной разницы. Эта теория обесчеловечения человека соответствовала тому веку, о котором Блок сказал: "Век XIX железный, воистину жестокий век".

В дарвинизме борьба и война, победа сильного и гибель слабого представлялись как объективный закон эволюции, то есть движущая сила цивилизации и прогресса. Теперь рассмотрим внутренние противоречия дарвинизма, которые лишают его ложного ореола законченной научной системы и позволяют нам рассматривать его как гипотезу, порожденную больной и извращенной фантазией.

1. Сходство не может быть рассмотрено как доказательство происхождения. При желании можно найти сходство между любыми двумя предметами, существующими в одной среде.

2. Метод отыскания общего происхождения и заимствований друг от друга по принципу внешнего сходства имел место в других науках, в частности, в литературоведении (сравнительно-историческая школа).

Однако этот метод оказался бесперспективным и ложным. Литературные сюжеты, совершенно независимые друг от друга, возникали и повторялись у народов, которые не могли иметь непосредственного общения; у писателей, которые не могли быть знакомы с творчеством друг друга. Не заимствования, а сходство внешних условий, общность культурной среды и идеи определяют содержание и формы фольклора и литературы. Поэтому исторические экскурсы с поисками литературных прототипов считаются бесплодным сизифовым трудом, а концепции "заимствований" безнадежно устарели. Ученые облавы с целью обнаружить универсальный плагиат провалились.

Ремесла и искусство создали предметы человеческого обихода, имеющие сходство, однако вовсе не являющиеся развитием или модернизацией одного или нескольких из них. Можно найти сходство между печной трубой и крепостной башней, между столом и беседкой. Но это не значит, что башня имела своим прототипом трубу, беседка произошла от стола, а вилы для сена - от вилок.

Сходство между живыми существами свидетельствует об общих условиях, в которых живут организмы на земле, об общих функциях живого организма: питание, движение и так далее. Но вывести из этого принцип эволюционного развития значит исходить не из фактов, а из предвзятой идеи, действительно заменить желаемым, реальное - гипотетическим. Итак, сходства ничего не могут доказывать, кроме самого факта сходства. Эволюция предполагает длительный процесс. Дарвинизм говорит о медленном изменении видов. Так называемый "полезный признак" Дарвина должен развиваться постепенно в течение времени, охватывающего многие поколения. Между тем этот случайный признак может быть полезным только тогда, когда он вполне развит. Иначе он будет не только не полезен, но и обременителен для организма, как какой-нибудь случайный прыщ, который возникает на месте крыла или какой-нибудь затвердевший отросток вместо руки или ноги. Он не сможет помочь организму в борьбе за существование, напротив, будет ненужным балластом для организма, аномалией и уродством, отягощающим его. Поэтому принципы длительной эволюции и возникновения полезных признаков исключают друг друга.

Совершенно непонятно, почему какой-то случайно возникший пупырышек или отросток, возникший на теле организма и ненужный для него, должен закрепиться и

передаться по наследству, между тем как случайные отклонения и аномалии бесследно исчезают в следующем поколении. Этот неприятный факт дарвинисты обходят молчанием.

Принцип дарвинизма - приспособляемость и размножение как основа эволюции - не выдерживает никакой критики по следующей причине. Наибольшей способностью к размножению и выживанию в трудных условиях обладают не высшие организмы, а грибы и споры. После пожаров, землетрясений, извержений вулканов, уничтожающих живые существа, избегали гибели низшие виды насекомых, грибы и споры. Эти организмы, по теории Дарвина, наиболее приспособлены к жизни, наиболее совершенны, и поэтому эволюция, основанная на принципе взаимной борьбы и выживания, должна была остановиться на них. Если следовать теории Дарвина, то идеальный организм - это насекомые вроде клопов. Высшие существа более хрупки и уязвимы, поэтому в борьбе за существование должны проигрывать. В борьбе за существование примитив побеждает более высокую организацию как в природе, так и в человеческом обществе. По теории Дарвина, развитие выше примитивов было бы обречено на уничтожение, битву за жизненное пространство выиграли бы низшие существа. Поэтому теория Дарвина не может объяснить, почему возник человек, рождающий несколько детей за свою жизнь, между тем как насекомое откладывает тысячи яиц, а рыба мечет еще большее количество икринок. По теории Дарвина, развитие высших организмов должно являться аномалией или регрессом.

Два главных принципа теории Дарвина совершенно не обуславливают ход эволюции как одностороннее направление от низших форм к высшим, от простого к сложному. Напротив, во многих условиях, особенно непривычных и экстремальных, преимущество может оказаться за более грубыми и примитивными организмами. Поэтому следует допустить в процессе приспособления инволюционный подход от высшего к низшему. Часто в борьбе за существование низшие организмы побеждают высшие, как в истории человечества дикие кочевники уничтожали цивилизованные государства. Притом то, что мы называем низшими существами, - вовсе не простые и элементарные существа. Одна живая клетка имеет более совершенную структуру и производит более сложную работу, чем химический агрегат, поэтому грибы, споры и насекомые с точки зрения плана и целесообразности их структур не уступают высшим. Теория Дарвина говорит о приспособлении. Но приспособление может идти по нисходящим-восходящим линиям, поэтому вывод о неперенной эволюции вовсе из нее не вытекает. С точки зрения теории дарвинизма непонятно отсутствие промежуточных видов как среди живых существ, так и среди ископаемых остатков. С точки зрения Дарвина совершенно непонятно отсутствие промежуточных форм между обезьяной и человеком. Если они были, то почему исчезли со всей территории земли? Какая фатальная сила уничтожила их? Почему остались жить обезьяны и люди, а промежуточное звено исчезло? Разве в каких-либо климатических зонах земли не осталось благоприятных условий для их обитания?

Если говорить о внутривидовой борьбе, то по самой же теории эволюции людей в доисторические времена было настолько мало, что они не могли истребить друг друга в борьбе за поиск пищи; в то время человечество не могло истребить ни один вид существ на земле. Совершенное отсутствие полуживотного-получеловека во всех климатических поясах от экватора до тундры, во всех местностях от пустынь до альпийских лугов, на всех континентах и на островах, заброшенных в просторы океана, говорит о шаткости теории Дарвина, о неправдоподобии его гипотезы. Ведь не могли же эти существа ни с того ни с сего погибнуть, покончить свою жизнь коллективным самоубийством, чтобы подорвать авторитет теории Дарвина!

Энгельс приветствовал теорию Дарвина, он говорил, что в этой теории материализм нашел свое научное подтверждение. Странная фраза для человека, который до опубликования теории Дарвина называл диалект - научным мировоззрением. Теперь же он признает, что до теории Дарвина материалистическую систему нельзя было представить научно обоснованной. На самом деле дарвинизм импонировал марксизму, потому что и тот и другой провозглашает принципом развития беспощадную борьбу. Прогресс и эволюция по Дарвину - это победный марш победителей по трупам и костям побежденных. Мы появились

на свет потому, что наш предок обладал более мощной челюстью, чем другие особи его стаи, и мог загрызть в борьбе за существование (добыча пищи и размножение) своих противников и соперников. Теория Дарвина - это признание права на убийство слабого сильным, это - апология жестокости как естественного процесса.

В 1915 году турецкое правительство, возглавляемое так называемым "триумvirатом", решило покончить с армянами как с нацией. Сохранилась стенограмма совещания об этом чудовищном преступлении. Один из членов "триумvirата", врач по образованию, прямо ссылаясь на теорию Дарвина и утверждал, что более сильные организмы не только могут, но и должны уничтожать более слабых в борьбе за существование. Следовательно, геноцид армян вполне оправдывается теорией Дарвина. Его речь вызвала одобрительный смех всех присутствующих. Вопрос об уничтожении полутора миллиона армян был решен ссылкой на Дарвина. Что касается самого дарвинизма, то он представляет из себя ряд искусственно соединенных гипотез, не имеющих фактического подтверждения. Теория Дарвина игнорировала вопрос происхождения жизни вообще. Дарвин даже утверждал, что его теория не может оскорбить религиозного чувства верующих, так как простейшие организмы могли быть созданы Богом. Но на самом деле теория Дарвина логически ведет к атеизму. В этой теории нет места для Бога. Невозможно рассматривать происхождение видов без вопроса о происхождении жизни.

Переход от неживой материи в живую экспериментально не подтвержден, - ни в самой природе, ни в лаборатории не создана из неживой материи живая клетка. Мысль о сотворении простейших форм Богом предполагает определенную цель и план будущего развития, а это несовместимо со случайным, "каузальным" характером теории Дарвина. Сам Дарвин писал в своих дневниках, что он безболезненно потерял веру в Бога. Следовательно, его теория эволюции, как и всякая материалистическая теория, держится на недоказуемом и противоречащем всей теории науки постулате: мертвое рождает живое. Дарвин говорит о развитии многоклеточных организмов из одноклеточных, что противоречит элементарному закону логики - следствие не может быть больше причины. Теория эволюции предполагает постепенный переход из одного вида в другой, между тем виды строго ограничены. Дарвин выражал надежду, что этот пробел восполнит геология, которая поможет обнаружить останки существ, являющихся звеньями между видами. Но, во-первых, почему эти существа должны были умереть, а во-вторых, вопреки прогнозам Дарвина, такие останки до сих пор не найдены. Затем, всякий организм есть целесообразная замкнутая система; отклонение от нормы - это не полезные признаки, а болезнь. Дарвин смешал два понятия: приспособление и превращение. Приспособление не изменяет характеристик вида. Одним из главных доводов Дарвина было разведение домашних пород животных: голубей, собак и так далее, но когда животные дичали, то есть не происходило искусственной селекции, то через несколько поколений они возвращались к одному типу; так, дикие голуби приобретают одну окраску, одичавшие собаки в Австралии превратились в одну породу, то есть искусственные признаки не закрепляются, а исчезают, что противоречит теории Дарвина.

Во всем мире мы видим гармонию и целесообразность. Как из хаоса могла возникнуть гармония и система? Материалисты говорят - случай. Но, во-первых, как случай может иметь творческую силу и разумное следствие? Во-вторых, как случай мог объять собой всю Вселенную, существующую по точным законам? В-третьих, если бы вдруг случай создал мировой порядок, то кто бы хранил этот порядок, чтобы он, случайно и бессмысленно возникнув, снова не превратился бы в хаос?

Синдром атеизма

Атеизм и атеист - неравнозначные величины. Атеизм - это идеология, атеист - человек со всей сложностью человеческой личности, с многомерными измерениями и меняющимся потенциалом его душевного содержания. Человек - объект нашей любви, существо, предназначенное для вечной жизни, у которого до самого дня его кончины не отнята возможность обращения к Богу.

Атеизм - ложная идея, религия, вывернутая наизнанку, вера в нуль. Атеизм - философский и нравственный тупик, поэтому любовь к атеисту как к человеку заставляет еще более глубоко отрицать атеизм. Атеизм - это не мировоззрение, а мироощущение, но оно использует материализм, чтобы посредством его интерпретации стать идеологией. Однако не атеизм возник из материализма, а скорее материализм возник из него.

Атеистический материализм - религия смерти. Какие нравственные и философские идеи может дать материалистическая космология? Например, теория "пульсирующей Вселенной": из некоей точки сверхплотного вещества или из невещественного динамического вакуума возникают миры и разбегаются в пространстве. Космос растягивается, как пружина, до тех пор, пока не дойдет до определенного этапа, а затем начинается обратное движение к тому центру, из которого произошел мир. Снова материя собирается вместе и сжимается в сверхплотное вещество или в энергетический потенциал. Опять расширение и сжатие Вселенной, и так до бесконечности. Все обречено на уничтожение: не только жизнь человечества, но и все формы космического бытия, даже молекулы, атомы исчезают в сверхплотном веществе. Каково место человека в этом мире, в этой огромной чудовищной машине, которой нет дела до него, где только конвульсии и судороги возникающих и гибнущих миров? Где плоды человеческой цивилизации, нравственности? В бездонной могиле, в обреченной на уничтожение метagalактике...

Нельзя не отметить, что образ возникающей из точки и возвращающейся в точку Вселенной поразительно похож на "день" и "ночь" Браммы. И здесь, как в индийской мифологии, на сферической поверхности Вселенной танцует многорукий Шива, увешанный человеческими черепами. Материалист Бюхнер утешал своих последователей, что они по смерти не исчезнут, а превратятся в космическую пыль. Теория пульсирующей Вселенной лишает их даже такого жалкого утешения.

Атеисты придерживаются гипотезы о структурном сходстве и однородности материи как в пространственных измерениях, так и во внутренней структуре вещества. Иначе им пришлось бы столкнуться с мыслью о возможности существования духовных миров с духовными разумными существами, то есть перестать быть материалистами. Гипотетически они еще могут допустить антипод материи, но не как духа, а как той же материи с противоположными свойствами. Но это в принципе не меняет их позиции. Учение об аналогиях между макромиром и микромиром, выраженное еще в античные времена и используемое современными учеными для модели атома в системе, аналогичной планетной, приводит в философском плане к самым странным и страшным возможностям. Возможно, все видимые миры находятся внутри огромной молекулы, в теле какого-то сверхкосмического гиганта, а в кончике человеческого волоса находятся микрогалактики со своими солнечными системами, своими формами жизни и сознания, своим измерением времени. Атеист Ленин писал, что материя неисчерпаема. Другой атеист, Брюсов выражал мысль, что в атоме скрыта "Земля, где пять материков". Это уже похоже на театр абсурда. Если у человека нет души как простой неделимой субстанции, то кто же тогда человек, каково же место его во Вселенной? По космологии атеистов, космос - это движение из никуда в никуда.

Материалистическая антропология - это такой же философский и нравственный тупик. Кто такой человек? Конгломерат атомов и молекул, управляемый системой биотоков, типовая структура, передающаяся по наследству? Почему конгломерат атомов и молекул должен быть объектом любви? Как он может претендовать на знание истины? Что же тогда человек? Если он вещество, организованное особым образом, то вещество его тела непрерывно изменяется. Каждое мгновение умирает и возникает миллион клеток. По прошествии нескольких лет меняется весь состав организма на молекулярно-атомном и клеточном уровне. Что же тогда человек - электрическая система? Но материалисты утверждают, что биотоки и другие формы энергии имеют субстратом вещество. Значит, человек - это некий структурный план, для которого вещество и энергия только материал.

Атеисты пользуются услугами теории эволюции, которая, особенно в интерпретации Дарвина, объявляет борьбу за существование движущей силой прогресса. Чем жестче

борьба, тем быстрее проходят существа стадии эволюции, тем более качественен естественный отбор. По Дарвину, эволюция и прогресс - это победный марш победителей по трупам побежденных.

Так, мы сами существуем потому, что наш отдаленный предок имел "полезное свойство" - массивную челюсть и умел перегрызть в схватках горло своим соперникам.

Принцип эволюции является философским тупиком. Эволюция рассматривается как постоянный процесс, значит, через N-ное количество времени мозг будущего человека будет превосходить мозг человека нашей эпохи по своей структуре, как мозг современного человека превосходит мозг орангутанга или гориллы. А будущей цивилизации наше время покажется темным варварством.

Атеизм не содержит в себе нравственных идей. Я вовсе не хочу сказать, что все, называющие себя атеистами, безнравственны, но их нравственность слагается вне атеизма и вопреки ему.

Теория эволюции учит, что нет четкой границы между неорганическим и органическим миром, между неживой и живой природой. Что же тогда убийство человека? Разрушение структуры, метаморфоза вещества, переход из одного состояния в другое? Если нет границы между живым и неживым, то что отнято убитой у его жертвы? Какая идея, вытекающая из атеистического эволюционизма, может остановить руку убийцы и убедить его, что он совершает преступление? Нам могут возразить, что хотя границы и нет, но разница состояний живого и неживого фактически существует и мораль атеиста может быть благоговением перед фактом жизни во всех ее формах. Эта мораль является не выводом эволюционизма, напротив, она не соответствует ему, а взята из другого источника, из буддизма и джайнизма.

Вместо умерщвленной веры в Бога атеизм хочет создать свою религию. Первый вид такой религии - "благоговею перед жизнью". Вторым видом - "благоговею перед человеком". Выразителем первого вида религии является Будда, второго - Кант. Девиз "благоговею перед жизнью" разделяли и протестантский теолог, врач и гуманист Швейцер, и пантеист Эйнштейн, и атеистка Шагинян - летописец семьи Ульяновых. Однако здесь мы встречаемся с ужасным парадоксом: по отношению к жизни на земле в ее зоологических формах человек становится самым великим убийцей. Следовательно, по тезису "благоговею перед жизнью" самым большим преступником является человек; он не только съел огромное количество животных на земле, но и бесследно истребил целые биологические виды. С ростом культуры и цивилизации его жестокость по отношению к другим формам жизни становилась все бессмысленнее и разрушительнее. Теперь он грозит превратить в безжизненную пустыню океаны и моря. Если следовать буддийскому благоговению перед жизнью, то человек - демон по отношению к другим существам, недостойный того, чтобы жить. Где же причина для любви к нему?

Атеисты могут опять-таки возразить, что в формах жизни есть ступени, и приоритет должен быть дан более высшим существам перед низшими, лишь бы убийство низших было не бессмысленно, а шло на действительные нужды людей. Ведь они не делают особых различий между человеком и животным, ставя человека и обезьяну в один ряд. Но предположим другое, согласующееся с доктриной материализма: мир бесконечен, и, следовательно, в каких-то звездных системах населен существами с более развитыми цивилизациями, чем земная. Вдруг эти существа колонизовали землю и, руководствуясь принципом "высший владеет низшим" и находясь на эволюционной лестнице ступенями выше, стали обращаться с людьми как с животными: показывать их в клетках своих зверинцев, как диких зверей, охотиться, производить селекцию, откармливать на убой, затем употреблять в пищу. Вряд ли эволюционисты назвали бы эти действия нравственно-безукоризненными и согласились быть бутербродом для звездного сверхчеловека. Поэтому атеисты, причислив человека по биологическому принципу к животному и отрицая различие между ними, должны или вовсе отбросить принцип любви, или любить всякую форму жизни; но последнее невозможно. Поэтому здесь атеисты не могут выйти из нравственного

тупика: кого любить, за что и зачем любить. Атеисты не могут решить проблемы нравственности, ибо она подразумевает свободу воли и выбора.

Атеизм не эстетичен. В видимом мире он не чувствует и не созерцает высшую красоту. Атеизм учит: "Прекрасна сама жизнь, сама реальность"; значит, одинаково прекрасны сонаты Бетховена и стоны больного: и то и другое - жизнь. Стоны больного еще более реальны, следовательно, они должны быть более прекрасны, чем искусственно созданная звуковая гармония. А реальность поедания трупа могильными червями тоже прекрасна? А трагедия смерти во всей природе, не озаренной светом вечности? Атеизм не может дать критерий и категорию красоты, потому что красота, как и нравственность, - врожденные чувства человеческой души. Он, снимая чувство ответственности человека перед высшей правдой, ответственности не только за поступки, но и за чувства и помыслы души, уничтожает корни нравственности и превращает ее в простую декларацию.

Где предпосылки нравственности в атеистической космологии, если Вселенная похожа на резиновый мяч, который то сжимает и разжимает, то подбрасывает вверх и вниз играющий мальчик, то теряет, то находит его снова? Какой нравственный потенциал имеет атеистическая антропология, преподнесшая нам как великое и счастливое открытие, что человек - это типовой генетический код, обросший молекулами и атомами? А как атеисты объясняют само нравственное чувство? По их мнению, оно - продукт племенной солидарности, а та, в свою очередь, происходит из единства и законов стаи.

...Когда-то в доисторические времена два ящера поняли, что, соединив свои усилия, они станут вдвое сильнее, и, напав на третьего ящера-индивидуалиста, загрызли и съели его. Считается, что этот пир ящеров-драконов стал отправной точкой и трамплином для развития взаимопомощи у коллектива в виде стаи, а затем племени, и привел к появлению любви и альтруизма, которые, в свою очередь, легли в основу античного гуманизма и современного либерализма.

Маска атеизма

Говорят, что история повторяется. Те процессы, которые мы можем видеть сегодня, имеют аналогию в прошлом. Нам хотелось бы провести параллель между состоянием интеллигенции предреволюционных годов Российской Империи (куда входила Грузия) и ее религиозными настроениями в сегодняшнем витке истории.

В предреволюционные годы представители интеллигенции традиционно считала себя христианами. Свое отношение к христианству они обычно выражали такими словами: "Христианство - высокое учение; оно содержит в себе благородные идеалы; это прекрасный путь к самосовершенствованию" и так далее. И в то же время среди интеллигенции укоренились отчужденность и холодное безразличие к Православию и органическая, на первый взгляд непонятная враждебность к Церкви. Интеллигент, считавший себя христианином, говорил: "Я имею собственный взгляд на религию: я принимаю христианство, свободное от суеверия; я не буду бить поклоны, стуча головой об пол, у меня свое, духовное, внутреннее христианство". Интеллигенция того времени отличалась широкой эрудицией; тем более странно, что в вопросах Православия она проявляла поразительное невежество, кастовое высокомерие и предубежденность. Увлекаясь европейской философией, эти люди в то же время не были знакомы с блестящей христианской патристикой, в которой могли бы найти ответы на самые глубокие метафизические проблемы. Читая поэзию Японии и Китая, они как будто не подозревали о существовании церковной гимнографии; восхищаясь мистикой западных пантеистов Мейстера Экхарта и Бёме, они не хотели и коснуться книг христианских аскетов.

Между интеллигенцией и Церковью образовалась пропасть, которая расширялась все больше и больше. Выразить свою приверженность к какому-то абстрактному, туманному христианству и относиться с презрением к Церкви стало стилем мышления интеллигенции и ее своеобразным этикетом. Театр, литература, пресса объединились в общих усилиях дискредитировать Православие, очернить в глазах народа Церковь, - иногда скрыто, иногда с

явной яростью, переходящей в какой-то демонизм. При этом дело обставляли так, как будто речь идет только о сохранении христианских идеалов, которые искажает Церковь. Особенно усердствовала дешевая газетная пресса, которая специализировалась на сочинении насмешек, анекдотов и сплетен о священниках и монахах. Но и более серьезные издания старались обратить общественное мнение против Церкви. Известный философ, член государственной думы Сергей Булгаков в книге "Свет невечерний", имеющей автобиографический характер, вспоминал, что когда он принял священнический сан, то ему пришлось тотчас оставить кафедру в университете, которому он отдал много лет своей жизни. Когда Булгаков был одним из ведущих "легальных" марксистов, то это не препятствовало его преподавательской деятельности, но когда он стал священником, то в глазах своих коллег превратился в изгоя. По неписаным законам священник не мог оставаться членом университетской корпорации. И это происходило в государстве, которое именовалось "христианским"!

Чем объяснить неприязнь, которую питала интеллигенция к Церкви? Укажем на одну причину, которая нам кажется главной.

Церковь - это духовная среда, имеющая свою структуру, которая охватывает всю жизнь человека. Церковь требует от христианина постоянной суровой борьбы со своими страстями и духом гордыни. Человек должен постоянно изменять себя, контролировать не только поступки, но и мысли, и тайные желания. Ему предлагается новая система ценностей, новые нравственные ориентиры, непохожие на светский этикет. От него требуется не только вера, но и религиозная дисциплина: посещение храма, регулярные молитвы, соблюдение постов; его частная домашняя жизнь должна быть слита с литургическими ритмами Церкви. Он получает свободу через борьбу со страстями, а духовную мудрость - через подчинение ума вечным истинам. Поэтому церковное христианство есть во многом дело воли, мы бы сказали - подвиг воли.

Либеральное, абстрактное христианство ничем не связывает человека: понимай христианство как хочешь и живи как тебе угодно. Здесь нет ни жертвенности, ни напряженной борьбы с собой. Либеральное христианство считает все присущее человеку, в том числе страсти, естественными и, следовательно, позволительными. Представление о природной испорченности человека отсутствует; заповеди сводятся к одному: "Делай что хочешь, но не причиняй зла другим". И здесь существует множество оговорок, недоумений, отводов, возможностей для самооправдания, которые превращают даже такую мораль в пустую декларацию. Можно быть лжецом, клятвопреступником и в то же время тонко рассуждать о трансцендентных вопросах; можно быть развратником и в то же время горячо доказывать благотворное влияние христианства на культуру народа, - все это не будет тревожить совесть. Борьба со страстями, в которых многие видят яркие краски жизни, и с гордыней, которая в миру обычно отождествляется с человеческим достоинством, оказалась не по силам и не по нраву этим людям, преданным страстям, - в этом главная причина апостасии, отступления интеллигенции от Церкви, и последующей борьбы с ней.

Псевдохристианство подготовило почву для атеистического диктата. Когда убеждения становятся не делом и подвигом жизни, а отвлеченными идеями и абстракциями, то их легко сбросить, как старую одежду.

В наше время повторяются те же процессы: значительная часть интеллигенции считает себя христианской и в то же время стоит далеко от Церкви. Здесь - первый этап индифферентности и холодности к Православию, нежелание его узнать и понять. Но такая индифферентность обычно переходит в противостояние.

Период атеистического диктата как будто кончился, но ничего не возникает случайно и не исчезает бесследно.

Какие метаморфозы ожидают нас? Во что трансформируется атеизм на следующем витке истории?

За что Господь нас терпит?

Незадолго перед Своими страданиями, беседуя с учениками на Елеонской горе, Господь открыл им признаки наступающего конца мира. Господь сказал, что последние времена будут похожи на состояние человечества перед потопом. Библия и святые Отцы указывают на всеобщее отступление людей от Бога во дни Ноя. Согласно слову Библии, люди стали плотью, то есть бездуховными (см. Быт. 6, 3).

Еще до всемирного потопа другой потоп греха и зла, вырвавшись из глубины ада, затопил землю. Разврат, чародейства, демонопоклонение, ритуальные убийства превратили землю в храм сатаны. Человечество само себя обрекло на гибель. Нравственное чувство людей настолько притупилось и заглохло, что они даже перестали понимать, что такое грех. По словам одного из святых, когда Ной обратился к своим соотечественникам с призывом покаяния, те недоумевали, чего он хочет от них, в чем они должны каяться. "Мы живем, как все", - отвечали они праведнику. Без покаяния невозможно возрождение; поэтому люди стали подобны живым, но уже разлагавшимся трупам. *Мы живем, как все* - не стало ни для кого оправданием; воды потопа погребли всех в одной огромной могиле. Причиной общего и необратимого падения человечества были оккультизм и демонопоклонение; в магии и оккультизме скрыто, замаскированно, а иногда и явно содержался культ сатаны со всеми его ритуалами - человеческими жертвоприношениями и развратом.

Наше время многие люди считают временем возрождения религии: открываются монастыри, возобновляются и строятся храмы, стала доступной духовная литература; даже в таких областях, как естественная наука и философия, материализм потеснился, дав место для других концепций. Мы видим, что снесена плотина, которая долго перекрывала течение реки, но нам кажется, что борьба с христианством продолжается, только в других формах, и современный либерализм оборачивается новым витком в этой изначальной борьбе. Мы не хотим делать ответственными за это какие-либо партии и структуры - слишком глобален процесс; здесь мы видим сатанинский план не только в переносном, но и буквальном значении этого слова.

Предыдущий период был тотальным наступлением на христианство, похожим на гонения во время языческих императоров, только в более жестоких и изощренных формах. Миллионы людей были замучены за веру, святые разрушены и осквернены. Здесь происходило столкновение не двух мировоззрений, а двух религий - Христа и сатаны. В этой гекатомбе пылала, как пламя, ненависть к Богу, как будто бы сатана бросил вызов небу; недаром девизом сатанинских сект были слова "Мсть Богу", недаром "главный проектировщик" революции Маркс назвал революцию "штурмом неба". Уничтожение монахов и священников, высылка в тайгу и концлагеря тех, кто открыто посещал церковь, превращение храмов в клубы, где шли антирелигиозные спектакли, и в общественные туалеты, а монастырей в тюрьмы и места допросов - это уже не социология и философия, а демонизм. Геноцид против своего народа, притом лучшей части народа, осуществленный большей частью руками преступников и садистов, непонятен, если исключить главное действующее лицо - сатану.

Гонение, не имеющее равных в истории человечества, захлебнулось в крови. Оно дало как отступников, так и мучеников за Христа. Грубый и пошлый материализм не мог искоренить из сердец людей веру. Надо было уничтожить человека не физически, а как религиозно-нравственную личность, и поэтому темные силы, решив, что первый этап борьбы закончен, перешли к другому. Их новая тактика - оставить и даже восстановить храмы из камня и кирпича, но разрушить внутренний храм человеческого сердца, так, чтобы человек оказался неспособен воспринимать ту благодать, которую он получал в церкви во время таинства, а во время гонений - на развалинах храмов, куда христиане собирались тайно для молитвы. Храмы лежали в руинах, превращенные в груды камня. Насилие, даже смерть не могли разрушить и разбить твердых, как алмаз, духовных камней любви христиан к Христу. Теперь плотина идеологического диктата и атеистической цензуры как будто снята, но вместе с потоком воды на землю обрушился поток грязи и крови. Под маской свободы вероисповеданий, совмещенной со свободой от нравственности, стал явственно просвечивать тот же черный лик "религии сатаны" с ее культом секса и крови. Порнография

буквально затопила книжные магазины и экраны телевизоров; искусство - эта интимность человеческой личности, ее задушевный язык - уже стало по сути дела если не прямым сатанизмом, то прелюдией к нему.

Нам могут сказать: "Никто не насилует человеческой воли, кто вас заставляет читать книги и смотреть на картины, которые кажутся вам развратом, пусть каждый выбирает пищу, которую ест; цензура есть насилие над человеком, пускай будет цензурой его собственная воля". Но это ложь. Свобода от нравственности превратилась в насилие над нравственностью. Грязь секса встречается человека почти на каждом шагу: телевизор дотянул свои щупальца до самых отдаленных поселений, даже в космос и на дно океана; людям навязана одна и та же глобально осуществляемая программа, от нее некуда скрыться. Искусство основано на сопереживании, на включенности в эмоциональный мир своих героев, поэтому развращение начинается с самого детства. Там, где раньше пестрели плакаты с призывом построить коммунизм, появились другие плакаты с изображением, мягко говоря, обнаженных дев. Не видеть этого - значит идти по улице с завязанными глазами; нас заперли в публичном доме и говорят: если не нравится, то представьте, что вы в детском саду.

Другой культ - это культ убийства и крови. С обложек книг смотрят гангстеры с пистолетами в руках, убийцы в масках, жертвы, истекающие кровью, и так далее. Рядом лежат книги с изображением демонов, руководства по практической магии, астрологии, восточному оккультизму; они составляют одно нераздельное скопление демонических сил и энергий; они нераздельно связаны друг с другом, совершают одно дело. Несколько лет тому назад на этом месте лежали книги по так называемому научному материализму, теперь они исчезли, как будто обветшавшее оружие списано и заменено новым. В храмах совершаются богослужения, предполагается постройка новых церквей. Конечно, мы как христиане рады этому, но нас тревожит одно обстоятельство. Церковь - это место богообщения, освящения человеческой души, озарения благодатью человеческого сердца; без этого храм останется надгробным памятником прошедших времен. А люди, развращенные порнографией и сексом, имеют сердце как бы в параличе - неспособным принять духовное. Недаром Церковь считала самыми главными грехами убийство, прелюбодеяние и разврат; она давала людям многолетние эпитимии, чтобы они имели возможность, постепенно, через покаяние, очиститься от этих грехов. Преподобный Иоанн Лествичник замечает, что блуд называется не просто грехом, а падением. Как упавший на землю не способен идти, а лежит в грязи, пока не поднимется снова на ноги, так человек, падший в блуд, неспособен к духовной жизни, пока не принесет долгого и тяжелого покаяния. Люди, развращенные литературой, видеофильмами, уличными плакатами, рекламирующими секс, придя в храм, будут стоять, как трупы, если не принесут покаяние; а покаяться - значит противостоять этому растленному духу. Но мало кто решается на это.

Человек имеет врага в своей собственной греховности, поэтому большинство старается найти компромисс: не бороться до конца с грехом, а поставить себе некий формальный передел греха, то есть блудить глазами, сердцем и душой, воздерживаясь от греха, совершаемого делом. Но, во-первых, такой рубеж слишком хрупок и ненадежен, во-вторых, Бог хочет человеческого сердца: Дай мне, сыне, сердце твое, - говорит Дух Святой через пророков (Притч. 23, 26). **Блаженны чистые сердцем**, - заповедал Христос в Нагорной проповеди. Сердце, оскверненное картинами разврата, более того, настолько привыкшее к этим картинам, что воспринимает их не как грех, а как нечто обычное и обыкновенное, то есть сердце, не начавшее покаяния, будет подобно камню, который орошается дождем благодати, но от этого не становится цветником. Такой человек воспримет богослужение только с душевной стороны, не как очищение и освящение души, а как определенные эмоции, создаваемые обстановкой храма, пением и так далее.

Темная сила как бы говорит; мы будем впрыскивать в вену человека инъекции яда, а затем, если он хочет, пусть ходит по больницам. Господь сказал, что, становясь на молитву, надо простить всем своим обидчикам: милосердие к людям открывает нам милосердие Бога, а культ убийств делает человека внутренним зверем - это не только культ силы, но

наслаждение насилием. Римская толпа требовала хлеба и кровавых зрелищ. Человеческая кровь, которая сочится с экранов телевизоров и со страниц детективов, не только не вызывает отвращения, а стала как бы пикантной приправой для современной кухни. Как человек, который с жадным любопытством и тайным наслаждением смотрел на убийства, пытки и конвульсии умирающих, может прийти в храм и молиться Богу, имя которого Любовь?! Развращенное и жестокое сердце не может любить Бога, а сущность и сила религии - это любовь между человеческой душой и Божеством.

У нас открываются монастыри, которые должны быть "сердцем" христианства; "монастырь - это церковь в Церкви", - сказал один из Отцов. Монашество - это отречение от мира и посвящение себя Богу; монашество должно сохранять как драгоценность то, что теряет мир: молитву, чистоту сердца, безмолвие и духовный опыт. Либерализм, "религия компромиссов", хочет наложить свою руку и на монастыри. Святые Отцы говорят, что высшее делание на земле - это сердечная молитва, она - сила, противостоящая разрушительной демонической силе, она - свет, который озаряет мир. Мир существует, пока существует молитва.

Либерализм, поставивший человека на место Бога, хочет умертвить дух монашества, оставив его внешнюю форму. Если во время гонений монастыри подвергались первым и самым тяжелым ударам, то теперь монастыри хотят превратить в благотворительные учреждения, то есть отключить и отвлечь монахов от самого главного - безмолвия и молитвы. Образуется новый вид монастыря, смахивающий не то на католический орден, не то на общество сестер милосердия, прикрепленное к Красному Кресту.

Если посмотреть на результаты такой монашеской благотворительности, то они ничтожны, но это дает возможность сделать из монастырей своеобразную рекламу, то есть противоположное тому, чем должен быть монастырь, и поставить монахов перед телевизионной камерой. Монахам внушается, что они должны творить добро, но при этом искусственно замалчивается, что здесь высшее заменяется низшим, тем, что с таким же успехом могут делать миряне; тем, что не соответствует монашеским обетам. Монахи постепенно теряют молитву и превращаются в мирян, одетых не в мини-юбки и джинсы, а в мантии. Преподобный Исаак Сирийский говорил: "если для дел милосердия монаху нужно бросить молитву и безмолвие, то пусть погибнут такие дела". Монах, занимающийся мирскими делами, не поможет миру, а сам в конце концов станет частью этого мира, нередко - посмешищем мира. Монахи, а особенно монахини - это цветы, которые могут расти только в оранжерее, то есть в изоляции от мира; разбей стекло оранжерей - и холод погубит цветы.

Либерализм не понимает, что такое молитва: для него монашеская жизнь - эгоизм. Между тем монахи несут на себе (или должны нести) главную тяжесть борьбы с демоническими силами, о которой не ведает мир. Молитва - это не психотерапия и не самовнушение, как любит это объяснять бездуховный мир, а та удерживающая сила, которая не позволяет демонам, по словам Апокалипсиса, сорваться с цепи (см. Откр. 20, 1-3), то есть сила благодати. Может ли быть б!ольший дар людям, чем та радость, которую они испытывают, входя в монастырскую ограду, где сама земля и воздух освящены молитвой, как лучами солнца; может ли кто-нибудь принести людям б!ольшую пользу, чем тот, кто молится Богу в алтаре своего сердца о прощении грехов человечества? Да один истинный молитвенник может изменить ход человеческой истории!

Преподобный Арсений Великий избегал людей и даже казался некоторым монахам недружелюбным и суровым, но он совершал в келлии делание самое трудное, подобное самосожжению - молитву за мир, и Господь по его молитвам помиловал Византию, как во времена пророка Ионы Ниневию: землетрясение, которое уничтожило бы целые области, как было открыто впоследствии египетским Отцам, не произошло ради этого великого подвижника. Представим, что воинам, которые должны защитить страну от грозного, страшного и неумолимого врага, предлагают сложить оружие и заниматься другими делами - сажать картошку или шить сапоги. И это нужно и необходимо, но для этого есть огородники и сапожники, но не воины, дело которых - ценой своей крови защищать страну. Сатанинская сила подобна чудовищной радиации, излучаемой в мир, а молитва, особенно молитва

монахов - преграда этому смертоносному невидимому потоку. Люди духовно слепые повторяют: "кто уединяется и молится, тот живет для себя"; они говорят так, потому что они сами - "плоть" и понимают добро и зло плотски.

Монашество имеет своим началом подвиг и пример Иоанна Крестителя, жившего в пустыне, и Иоанна Богослова, который проводил жизнь в молитве и созерцании. Первый назван "величайшим из рожденных женами", второй - "любимым учеником Господа". Они сохранили сердца свои в чистоте, это был их главный подвиг, поэтому сердца их превратились в неиссякаемые источники духовного мира - благодати, которая по их молитвам изливалась на мир.

Монахам говорят: общайтесь с людьми, проповедуйте, ходите по селам с духовными песнями, ведите спор с сектантами, смотрите за больными, воспитывайте детей и в это время молитесь, то есть будьте благочестивыми мирянами, только не обремененными семьями, а в остальном подобными им.

Преподобный Исаак Сирин пишет о том, что если монах будет пребывать в молитве, то мир будет служить ему, а теперь говорят: монах, служи миру. Можно в миру молиться и творить добрые дела, но это будет другой уровень молитвы. Молитва безмолвствующих подобна пламени, достигающему неба; молитва монаха, общающегося с миром, подобна письменам, написанным на стертой и исцарапанной доске; в его душе впечатления неустанно ложатся друг на друга. Ум такого человека колеблется страстями, как волнующаяся поверхность моря - порывами ветра. Монах при постриге дает обещание - следовать пути древних монахов; их путь был - уединение и безмолвие.

Если ослабнет монашеская молитва, то откроется та духовная зияющая пустота, которую невозможно заполнить самыми добрыми мирскими делами. Монастыри, потерявшие дух аскезы и молитвы, не могут духовно утешить и возродить человека. Перед нами пример западных монастырей, где организуются не только больницы, но особые школы для будущих политиков и девичьи баскетбольные команды. В прежний период были уничтожены монастыри, теперь строятся стены, но уничтожается дух самого монашества. Человек, посещающий монастырь, видит не молитвенников, святящихся внутренним светом, а добрых людей, занятых добрыми делами, с какими он встречался и в миру.

Святые Отцы называют внутреннюю молитву высшей наукой, искусством искусств, небом, заключенным в сердце человека, Божественной любовью, ангельской красотой, путеводной звездой, сияющей во мраке ночи, источником живой воды, текущей в сердце человека, песней песен, вечной радостью, жизнью сердца, воскресением души прежде всеобщего воскресения мертвых, сокровищем, скрытым в сердце человека, небесным вином, веселящим душу, огненным мечом, направленным против сатаны, крепостью веры, крепостью, непоколебимой силами ада, дивным садом райских цветов. Мир, не ведая и не зная тайны этой молитвы, считает молитву личным делом, вроде аутотренинга, во всяком случае не центром духовной жизни человека, а психическим настроением для лучшего совершения добрых дел. Эти добрые дела, ставшие самоцелью, рассматриваются вне зависимости от внутреннего состояния человеческого сердца и становятся эквивалентом нравственности человека, а точнее сказать, - мерой его "святости".

Мы не отрицаем телесного милосердия, но его может совершать не только христианин, но и мусульманин, иудей, язычник и атеист, по различным побуждениям и мотивам. Подвиг монаха в этом смысле неповторим и не заменим никакими трудами. Святой Григорий Палама учит, что подвиг исихии (безмолвия) - это стяжание фаворского света. Он пишет о вечных животворящих Божественных силах и энергиях, которые изливаются в мир из недр Божества и являют себя миру как духовный свет, как вечная жизнь, как мистическое богопознание, как действие и атрибуты Божества. Человек, занимающийся внутренней молитвой, становится звеном, через его сердце проходит и освещает мир этот нетленный предвечный свет. Поэтому святые Отцы сказали: "Ангелы - свет для монахов, а монахи - свет для мира". Когда монах берет на себя мирские обязанности и заботы, наполняет свое сердце чувственными образами от встреч и бесед, то он теряет самое главное сокровище - молитву; его духовное око обращается от Бога к миру; дух мертвеет, и сердце становится холодным и

твердым, как камень. По выражению одного отца, монах без Иисусовой молитвы - это труп, разъедаемый червями (то есть страстями). Дьявол готов помогать во внешних делах, лишь бы отвлечь ум монаха от молитвы. Преподобный Нифонт Царьградский говорил о том, что монахи будут строить дома, соперничающие с княжескими дворцами, а Нил Мироточивый и Симеон Новый Богослов предостерегают монахов от излишнего увлечения наукой и философией: от этого Божественный свет заменяется светом человеческого ума. Монастыри, где монахи не занимаются непрерывной Иисусовой молитвой, похожи на потухшие костры, в золе которых едва мерцают искры угольков.

Если возрождающееся монашество будет обращено лицом не к духовному опыту восточного монашества, а к представлениям и понятиям современного мира, то оно будет нести в себе не истину, а противоречие и ложь. Одна из крупных побед демона - создание нового типа монашества - внешнего монаха, занятого всем, кроме Иисусовой молитвы. Человек приходит в монастырь из мира, пропитанный, как будто водой, его духом и представлениями, с расслабленной волей, с воспаленной, как гнойник, гордыней, со зловонной грязью греховных воспоминаний, с отравленным сердцем, на дне которого свились, как змеи, его страсти. Человеку предстоит тяжелая борьба с демоном и собой, он должен как бы родиться заново. А его убеждают, что надо одновременно служить и Богу и людям, приводят пример преподобных Сергия Радонежского, мирившего князей, Иоанна Зедазийского с учениками, которые, будучи монахами, пришли в Грузию, чтобы утвердить христианство и бороться с маздеизмом, Амвросия Оптинского, с утра до ночи принимавшего людей. Это все равно, что сравнить грудного младенца с опытным воином и посылать ребенка, еще ползающего по полу, на войну. При этом замалчивается тот самый важный факт, что Иоанн Зедазийский и "всероссийские наставники" преподобные Серафим Саровский и Амвросий Оптинский и другие старцы всю жизнь свою провели в монастыре и пустыне, и только стяжав бесстрашие и великую благодать Божию, открыли двери келлии, вышли из пустыни и затвора, и то не по своей воле, а по откровению Божию.

Молодому монаху предлагают начать с того, чем кончили преподобные Серафим Саровский и Иоанн Зедазийский. Некоторые монахи сразу же чувствуют ложь и свое несоответствие такой жизни; им кажется, что их пригласили на пир, а вместо трапезы поставили перед ними блюда, наполненные песком; напротив, других неопытных монахов мысль о том, что они чуть ли не спасители народа, и сравнение себя с древними подвижниками, обращавшими в христианство целые города и села, приводит в состояние разгоряченной гордыни; позирование в роли новых просветителей отвечает их собственным страстям. Здесь вместо смирения - основы монашеской жизни - в глубине их сердец гнойник гордыни и самомнения.

Один отшельник ответил ученику, желавшему идти в мир, чтобы учить людей: "Нельзя нести в своей руке яд человеку с порезанной ладонью". Здесь может возникнуть какой-то духовно-религиозный материализм, где ценность человеческой жизни определяется суммой внешних дел, которая, подобно выработке стали и угля, измеряется весом и мерой.

Обратимся к высшему для нас авторитету - Божественному откровению - Библии. В книге Исход повествуется о том, как Моисей вел израильтян в обетованную землю. У берега Красного моря их настигло войско фараона: всадники, закованные в стальные латы, колесницы с лучниками, вооруженными стрелами и копьями. Фараон считал себя непобедимым: под ударами его войск рушились и падали города и крепости, как шалаши из ветвей и травы. Казалось, что израильский народ обречен на гибель: впереди морская бездна, позади войска фараона, как огненная лавина... И вот, Господь спросил Моисея: **Что ты вопиешу ко Мне?** (Исх. 14, 15). Уста Моисея молчали, но сердце его безмолвно вопияло к Богу, и эта безмолвная молитва, в которой он от скорби разрывал не одежду свою, а сердце, достигла небес. Не пророческий дар Моисея, а внутренняя молитва, не слышимая никем из людей, сотворила чудо: море расступилось, его дно стало каменной дорогой для израильтян, затем волны замкнулись, как уста, - и бездна моря стала могилой для египтян.

В пустыне путь израильтянам преградил народ, называемый амаликитяне. Моисей не хотел с ними войны, так как они были потомками Лота, но амаликитяне были неумолимы.

Завязалась битва. Моисей взошел на возвышенность и, воздев руки, погрузился в молитву. Когда Моисей молился, побеждали израильтяне, когда он прерывал молитву и от усталости опускал руки, наступали амаликитянские полки. Два других военачальника израильтян, Иисус Навин и Ор, поняв, что исход битвы решает не меч, а молитва, стали рядом с Моисеем и стали поддерживать его руки. Святые Отцы видели здесь символ демонической силы, победить которую можно только молитвой, исходящей из глубины сердца. Угасает монашество - и для демонической силы уже нет преград. Потеря монахами внутреннего духовного делания Иисусовой молитвы и переход от духовного к душевному - это одна из побед демона.

Великой силой обладает Божественная литургия, поэтому демон принимает все меры, чтобы люди ушли из храмов пустыми. Многие священники не только не призывают верующих к причастию, но даже запрещают им часто причащаться, хотя в древней Церкви причащались все присутствующие за литургией, кроме тех, кто находился под епитимиями. После Крестной Жертвы причащение - это второй по величию дар Божий людям, и священнослужители без всякого основания лишают своих прихожан источника бессмертия, который открыт для всех христиан. Это один из самых опасных предрассудков, который внедрился в Церковь.

В храме человек встречается с еще одним странным явлением - чтением на клиросе, похожим на скороговорку, как будто чтец стремительно бежит по страницам книги, торопясь быстрее достигнуть, как финиша, слова "аминь". Православная Церковь обладает как бесценным сокровищем богослужебными текстами, священной гимнографией непревзойденной глубины и красоты. И вот смысл молитв, красота церковного языка - все исчезает в каком-то неясном языкообразном гуле. Человек, стоящий в храме, или молится внутренне, бросив попытки что-либо понять, или же, переминаясь с ноги на ногу от скуки, вместе с чтецом нетерпеливо ожидает конца службы. Что мог бы понять ученик, если бы учитель говорил в классе такой скороговоркой? Для педагога, чтеца и лектора необходимо изучить технику речи, а здесь никто не заботится о том, чтобы научить псаломщика хотя бы ясно и внятно читать. Литургия православной Церкви - это одно из ее самых больших духовных богатств, а из-за дурного чтения богослужебные тексты остаются закрытыми для народа.

Не лучше обстоит дело с пением. Вместо древних мотивов, вызывающих в душе покаянные чувства или благоговейную благодарность Божеству, под сводами церкви нередко раздаются оперные мелодии, которые действуют не на дух, а на страстную душу, возбуждают ее, доставляют эстетическое удовлетворение, подобно мирскому искусству, но лишают самого главного - покаяния и молитвенной сосредоточенности. Что касается дурного пения, то оно также отвлекает от молитвы, но вместо эстетического наслаждения вызывает в душе досаду и раздражение.

В некоторых храмах продажа просфор и свечей продолжается всю службу и ведется внутри храма. Около свечного стола всегда шум, подобный гулу приборя, а так как храм обычно имеет хорошую акустику, то этот шум проникает во все пространство святилища, отвлекая людей от молитвы. В Ветхом Завете написано, что во время постройки Соломонова храма камни обтачивали и отесывали вдаль, чтобы не слышно было стука молотов на месте, посвященном Богу. В Новом Завете написано, как Господь изгнал бичом торговцев из храма. Он не запретил жертвы, но запретил продавать их внутри святилища, назвав Храм "домом молитвы". Молитва - это невидимый бой с дьяволом. Макарий Великий пишет, что в этой битве душа не только защищается молитвой, но сама наносит удары. Дьявол возводит особенные искушения на человека во время храмовой молитвы, чтобы похитить у него драгоценное время, когда он может получить прощение своих грехов и великие милости от Бога.

Уже замечено, что большинство чудотворных икон написано в древнем иконописном стиле. Этих ликов, потемневших от времени, больше страшится демон, чем по-мирскому красивых лиц, изображенных современными иконописцами. Там дух светит через икону; здесь - душевность, утонченная чувственность. Древние иконы окружены полем невидимой,

но ощутимой сердцем силы. Иконопись, отторгнутая от традиции, обычно переходит или в мистические абстракции, или в религиозную лирику, которая может вызвать гамму переживаний, но оставляет душу невозрожденной. Иконы нецерковных художников (например, Врубеля) несут в себе скрытый демонизм; из них как бы сочится тяжелый духовный мрак; разрушение церковных традиций - это также победа сатаны.

Во Святая святых Иерусалимского храма мог входить для молитв первосвященник только раз в год; осквернение Святая святых для народа было большей трагедией, чем разрушение самого Иерусалима. От алтаря начинаются нисходящие и восходящие волны истории; от святости алтаря должно начаться возрождение народа. Соборными правилами вход в алтарь для мирян запрещен, только царь, как миропомазанник и представитель верующего народа, мог войти в алтарь для того, чтобы принести молитву за народ. Оплакивая падение Иерусалима, пророк сказал, что алтарь превращен в овощное хранилище; а ветхозаветный храм - это только прообраз, как бы тень новозаветного храма. Что же ожидает христиан, которые неблагословенно относятся к самой великой святыне на земле - алтарю, где невидимо присутствует само Божество! Святыня - как огонь, она может согревать и светить, но также сжигать и испепелять. Надо помнить, что поругание святыни входит в ритуал черной мессы. Дьявол стремится завоевать новые духовные пространства.

Церковь имеет свои священные символы; демон создает свои магические знаки и хочет заменить ими церковный язык. VI Вселенский Собор запретил аллегорически изображать Божество; последнее время стали появляться аллегорические картины, где Божество изображено знаками, заимствованными у каббалистов и других тайных мистических сект. Эту христианизированную каббалистику называют "интеллектуальной иконой", то есть разделяют Церковь на элиту - интеллектуалов, и невежд - толпу. Аллегорические знаки, имитирующие икону, создают у человека новый тип религиозного мышления. Вместо включения в молитву через икону он начинает представлять Божество под видом аллегорий и геометрических фигур. Здесь - вторжение в Церковь тайнописи гностиков, которых древние отцы называли "первенцами сатаны" (Поликарп Смирнский о гностике Керинфе).

Всякий модерн - это шаг от Церкви в сторону или театра, или языческого капища. Поэтому модернизм - путь к самоуничтожению Церкви. Либеральное христианство - это религия компромиссов, она ищет компромиссов не только среди христианских конфессий, но между христианством и буддизмом, христианством и шиваизмом. Она стремится разрушить христианство изнутри, уничтожить христианскую догматику и создать туманную, бесформенную религию, которую гордо и броско называют религией "честных людей", с единственным призывом - делать добро людям. Это - тайное желание отделаться от Бога, оставаясь внешне христианином. Обычно это религия гуманистов, которые любят говорить о добре, не делая добра, которые хотят выглядеть друзьями человечества, но которым на самом деле все чуждо, кроме собственной сытости и честолюбия. Однако такая религия иногда порождает своих подвижников, как, например, доктор Швейцер или монахиня Тереза, которые самоотверженно служили тому, что мы назвали бы культом страдающего человека. Монахиня Тереза, подбирая умирающих на улицах Калькуты, говорила: "Я хочу, чтобы человек умер с достоинством человека"; но все же христианство видит достойной смерть в покаянии и молитве, всепрощении и надежде на милосердие Божие. Монахиня Тереза видела достойную смерть в другом: чтобы умирающий был перед смертью вымыт и умер на чистой простыне, а не на камнях улицы.

У Швейцера, протестантского пресвитера и теолога, молитва занимала несколько минут, остальное время было отдано лепрозорию. Здесь абсолютизированы земные ценности и умалено значение первородного греха, следовательно, необходимости покаяния и духовного возрождения. Икона гуманистов - эмпирический человек; их девиз - "человек - это звучит божественно". Такая религия основана на человеческих силах и чувствах, в ней веру в существование Бога, разумеется, не отвергают, но психологически ставят на место Бога некую абстракцию человечества. Этот либерализм подготовил эпоху просвещения и продолжает готовить почву для агностицизма и материализма: ведь можно отбросить Бога как мировоззренческую идею и так же служить человечеству.

Существует определенная сила имен, не в смысле каббалы, где имена наделены магической властью и служат заклинанием духов, а как некая ассоциативная связь, поле общности и признак необъяснимого для нас влияния. Вспомним, с какой настойчивостью внедряли в сознание народа имена своих вождей противники христианства. Города, улицы, парки, заводы были отмечены, как клеймом, этими именами. Они пестрели на стенах домов и перекрестках улиц. Для чего это нужно было? Для того, чтобы создать ореол величия этим людям? Отчасти так. Но кроме того, здесь скрыт демонический ритуал. Место, носящее имя, обретает связь с этим именем. Когда в наших городах изменились названия некоторых площадей и улиц, то показалось, что дышать стало легче, как будто бы сама атмосфера стала другой.

У нас есть священные изображения, которые помогают нам общаться с духовным миром. У демонов тоже есть свои изображения, это - талисманы и амулеты, связанные с магией; изображения чудовищ, портреты людей, которые служили планам сатаны. Эти лица должны врезаться в память и душу человека и как бы запечатлеться в них.

Есть еще один вид ритуальных изображений - это обнаженное человеческое тело. Здесь больше, чем просто секс. Нагота - символ потери благодати. После грехопадения праотцев одеяние Божественного света, окружавшее их, исчезло, они увидели, что наги. Характерно, что изображение языческих божеств в Халдее и Египте, Греции и Японии было изображением наготы. Черная месса, сатанинские ритуалы, сборища чародеев требовали от их участников приносить демонам заклинания и молитвы, сбросив с себя одежду. Характерно, что ангелы всегда изображаются в светлых одеяниях, а демоны нагими.

Религия секса пролагает путь религии сатаны.

Великой святыней для христиан являются мощи святых. Дух Святой, сочетаясь с душой человека, освящает и его тело, как мир сообщает благоухание сосуду, в котором оно хранится. Грех - это черное клеймо демонов не только в душе грешника, но и в его теле. Тело грешника источает духовный смрад. Знаменательно, что при церкви устраивают усыпальницы, называемые пантеонами, то есть храмами всех богов, в которых хоронят людей, прославивших себя в истории, но нередко далеких от Бога и никогда не переступавших порога церкви.

Почему этих людей надо хоронить у стен церкви?

В Древнем Риме изображения и эмблемы языческих богов всех стран и провинций были собраны под сводами пантеона. Идолы мирно уживались между собой, но пантеон не мог вместить одного - истинного Бога. Почему люди, равнодушные к Церкви, несут останки своих героев к стенам храма и называют их гробницы характерным, но зловещим именем "пантеон"? - Потому, что рядом с храмом Славы Божией хотят создать храм человеческой славы. В прошлом веке по инициативе философа Канта был составлен календарь, параллельный церковному календарю, где вместо святых значились имена выдающихся писателей, полководцев, государственных деятелей и так далее, для их почитания и прославления. Мир как бы говорит: "смотрите, вот наши святые".

Магия связана с кладбищем. Существовали колдовские ритуалы, совершать которые можно было только на языческих кладбищах. Самый поразительный ритуал погребения в мировой истории представляют собой не пирамиды - гробницы фараонов, возвышающиеся, как скалы, в пустыне, а московский Мавзолей. Вождизм, культ сверхлюдей, в сущности представляет собой "демоническую теократию". Вождь выступает не только как великий политик, но и как безошибочный идеолог, вроде пророка, слову которого должна верить толпа. Поэтому не только у египтян, вавилонян и инков, но также в "коммунистических" странах возник особый культ - поклонение гробницам. Почти в каждой "коммунистической" стране был построен мавзолей, где умерший вождь, как мумифицированный фараон, должен постоянно быть с народом как "хранитель" своей страны. Китайцы совершали паломничество к могиле Чингисхана и призывали его дух; мусульмане строили усыпальницы халифам, прославившимся своими завоеваниями. Бухара и Самарканд считали своим покровителем Тамерлана, а время его царства - золотым веком. Фашистская элита посещала могилу императора Фридриха Барбаросы для медитации. Если бы собрать кровь, которую

пролили эти люди при своей жизни, то эта кровь затопила бы, как поток разлившейся реки, их гробницы и пирамиды.

В житиях святых говорится о том, что демоны обитают в языческих храмах и творят чудеса через идолов. Апофеоз (торжественная кремация) римских императоров сопровождался явлениями сверхъестественной сатанинской силы, которые поражали воображение толпы. "Обожествленные" императоры-жрецы считались покровителями империи. Христиане отказывались воздавать почести изображениям цезарей, за что многие из них поплатились жизнью. Одним из способов почитания героев стал распространенный обычай зажигать огонь, который зловеще назван "неугасимым огнем", - зловеще потому, что в Евангелии написано: *Червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44, 46, 48). Огонь как священный символ горел в молельнях зороастрийцев-огнепоклонников. Народы Кавказа особенно знали на опыте своей истории, что несет с собой эта религия огня. Теперь символ маздеизма [1] и образ вечных огненных мук стал способом увековечивания памяти народных героев.

Еще хуже, когда вместо языческих эмблем и ритуалов употребляются в искаженном виде взятые, вернее, выкраденные из храмов обряды. Это кощунственное подражание Церкви мы видим, например, в дворце бракосочетаний, который вместо того, чтобы зарегистрировать брак или помочь организовать свадебный обед, стал дублировать церковь; обмен кольцами, вино, налитое в одной чаше для жениха и невесты и так далее являются не простым антирелигиозным анекдотом; здесь скрыт замысел современного либерализма: государство или секуляризованное общество берет на себя функции Церкви, "удовлетворяет" религиозные потребности человека. Итак, мы видим неожиданное появление в общественных структурах новых, совершенно чуждых какой-либо религии современных жрецов, которые с усердием обезьяны копируют литургию и обычаи Церкви.

Еще не так давно был обряд, которым собирались заменить крещение: ребенка приносили в клуб, родители становились с ним у портретов "вождей" и давали обещание воспитывать ребенка в духе пролетарского, революционного самосознания, затем маленький "солдат революции" получал вместо креста в подарок звезду; двое присутствующих брали на себя ответственность за пролетарское воспитание; назывались они "звездный отец" и "звездная мать", а сам ритуал - "красные звезды". Одновременно с этим в другой части мира, в центре Европы - Германии происходил параллельный процесс: фашизм возрождал арийское и скандинавское язычество, а также оккультные традиции рыцарских орденов. Однако эта дикая фантазмагория и карнавал масок имели под собой вполне реальную силу. Кощунственный обряд - это вид богоборчества, неперемный атрибут демонослужения и всех видов чародейств. Люди, участвующие в кощунственных обрядах, уже получили инъекцию духовного яда; человек, отдавший свою волю демону, расширяет на земле царство ада.

Пророк Давид говорил о язычниках, которые приносили человеческие жертвы, что пролитой кровью *осквернилась земля* (Пс. 105, 38), то есть человеческая кровь вопиет к Богу, она превращает землю в пустыню. Святые Отцы писали, что хотя демон бесплотный дух, однако он питается, как пищей, запахом крови и смрадом блуда, поэтому обитает в тех местах, где совершается грех и злодеяние. Одно из самых страшных жертвоприношений демону, которое превзошло все войны и гекатомбы, - это убийство матерями своих детей. В демонических культах пролитие человеческой крови, особенно ребенка, считалось обязательным жертвоприношением, без которого не совершается визуальное явление сатаны. Почти во всех языческих религиях древности приносились человеческие жертвы. У майя и инков жрецы рассекали грудь живому человеку и вырывали сердце; в праздник главного солнечного божества число жертв доходило до 30 000, поэтому инки устраивали войны, чтобы захватить пленников, или устраивали охоту на людей, как на диких зверей. В центральной Африке приносили человеческие жертвы богине утренней звезды (Венере), в Греции - Гекате, богине Луны, обвитой змеями.

Количество аборт в христианских странах уже превысило число всех людей, убитых на войне, принесенных в жертву идолам, съеденных каннибалами. На древних гравюрах

Земля изображалась островом, плавающим в океане вселенной, но сегодня она становится все больше похожей на остров, плавающей в море человеческой крови.

Многие недоумевают: за что Господь так сурово наказывает нас? Не правильнее ли было бы сказать: за что Господь еще терпит нас? - Он терпит нас ради неизреченной милости Своей, ради молитв угодников Своих, неведомых миру, - терпит, ожидая нашего покаяния.

Примечания:

[1] *Маздеизм* - персидское религиозно-философское течение, возникшее в III в. и носившее социальный характер. При сохранении зороастрийского дуализма как равновесия и равносильности злого и доброго начал мира маздеизм относил социальное неравенство к основным проявлениям злого начала. - *Изд.*

Демоны в современном мире

Настоящее время можно назвать пантехнической эрой. Гений человека сконцентрировался на изобретении и усовершенствовании машин. Под словами *развитие, прогресс, культура, благоденствие, богатство, уровень жизни* и так далее подразумеваются производственные показатели, числа и коэффициенты. Человека как личности и общества как системы не только деловых, но и нравственных отношений как будто не существует. Человек мыслится как продукт мировой машины, включающей в себя социальные, общественные и даже мировоззренческие программы, которые в свою очередь производят продукты потребления и пожирают их.

Когда-то объектом созерцания было Божество, затем, во времена романтического гуманизма, религиозный вакуум занял человек с его оземленным, деформированным, но еще хранящим отблески духовной красоты и остатки прежнего благородства душевным миром. Теперь настал век утилитарного гуманизма, что на самом деле означает глобальный процесс расчеловечения: человек забыл Бога и свой душевный мир. Взор его ума обращен вовне. Он не завоевывает рабов, как фараоны и ассирийские цари во время военных походов, он делает рабов из самой земли, из чугуна и стали, - рабов, всегда послушных воле господина, среди которых нет ни Спартака, ни Маздака [1]. Человек-раб хотя и был социально бесправен, но тем не менее оставался человеческой личностью, с которой все-таки надо было как-то считаться. Животные-рабы были существами, которые понимали и чаще всего любили своих хозяев. Машина-раб остается мертвой и холодной конструкцией из металла и стекла; образовался новый вид контакта между ней и человеком. Машина не может любить и ее нельзя любить, разве только что в фантастических романах, поэтому техническая цивилизация, жизнь среди машин, вызвала, как проклятие времени, эмоциональную охлажденность человека, то есть его душевное опустошение. Человек, оснащенный средствами технической цивилизации, с горечью чувствует себя творцом истории и владыкой мира.

Религия требует послушания в любви. Человек, выросший в технологическом обществе, как гомункул в колбе, хочет повелевать, а любит только сам себя. Машина - это инструмент; инструментом пользуются, о нем заботятся, пока он нужен, а затем отправляют на мусорную свалку или откладывают в сторону. Это отношение к инструменту создает определенный тип человека-прагматика и утилитариста, который думает о том, как использовать другого человека для достижения своих целей без всякого чувства благодарности, обязанности и ответной заботы о нем. Этот инструментализм проник во все сферы жизни, сделав из друзей всего лишь сообщников, а из супругов - компаньонов, которые нередко стремятся поработить друг друга в повседневном обиходе и превращаются во врагов. В работе с машиной необходимы числовые показатели, - в общении с людьми таким показателем стал расчет. Люди стали разобщены и чужды друг другу. Доверие носит скорее эмоциональный, чем рассудочный характер, отчуждение рождает опасение, поэтому одиночество в технологическом мире особенно чувствуется в больших городах. Скопление людей, эмоционально безразличных и чуждых друг другу, дает странное ощущение, что

город - это огромная пустыня, а гигантские дома - муравейники и улицы, похожие на реки - это призрак, который рассеется, как мираж в пустыне, и все закончится гибелью.

Оскудение любви инстинктивно переживается человеком как приближение фатальной грядущей катастрофы. Это одна из причин, почему современные города выбрасывают из себя непрестанно, как доменные печи шлак, невротиков и психопатов. Характерно, что медицина не может лечить современные нервные заболевания; их лечит только атмосфера общей любви, а арсенал химических лекарств позволяет болезни развиваться и прогрессировать, подавляя только внешние проявления и симптомы; в данном случае можно сказать, что медицина лжет. Наука чем-то напоминает магию, она использует расчеты и законы, как магия - заклинательные формулы, чтобы вызвать из недр земли неведомые силы и энергии, поработить их и заставить служить себе. Но Фауст может вызвать Мефистофеля, а отослать его назад уже не в силах. "Господин на час" сделался "рабом на вечность", поэтому люди уже начали ощущать, что технологическая цивилизация - это не удобное кресло, в котором будет сидеть человечество, а дамоклов меч, раскачивающийся над его головой.

Искусство, как бы оно ни было несовершенно и оземлено, отчасти продолжает служить сигнальной системой истории. В стихах французских декадентов, немецких экспрессионистов, русских символистов и грузинских футуристов уже была предугадана и как бы заранее пережита эпоха наступающих катастроф. В них вспыхивало зарево революций, из них, как из трупов, текли сукровица и гной, над ними клубился дым еще не зажженных крематориев, в них слышались глухие стоны узников концлагерей. Поэты вовсе не были пророками, которые предостерегали от гибели и призывали к покаянию свой народ. Скорее они были медиумами тех черных сил, которые нависли над землей, как грозные тучи. Они были в числе тех, кто топил корабль, на котором плывет, а затем, хватаясь за обломки, кричит "спасайте!" неизвестно кому; но они уже никому не нужны, бушующее море слизнуло их языком своих волн. Но характерно другое: включившись в поле демонических разрушительных центробежных сил, они почувствовали, узнали того, кто стоял у закрытых дверей, как бы увидели темный лик. Современное искусство похоже на "танго смерти", под которое узники шли на казнь. Сюрреализм - это смертный приговор человечеству и агония земли. Чем бы ни кончилась история в его жутких образах - громом взрывов или хриплым стоном, в них неизменно звучит смех сатаны.

Человечество искало истину еще на самой заре своей истории. Моисей дал закон - ответ уму, его свет озаряет путь, но не согревает душу. Христос благодатью раскрыл человеческое сердце. У современного человека свет мудрости погас, он сменился отрывочными знаниями, цифрами и фактами без всяких целевых связей. Любовь ушла; ее заменила страсть и неутолимая жажда наслаждений. Остроумный Маркс объявил, что базис человека - это живот, а голова и сердце - только надстройка. Как самого надежного свидетеля всего родословного биологического дерева он взял Дарвина. Это учение было принято с благодарностью как весть об освобождении, как огонь, который Прометей украл у богов и принес людям (на некоторых картинах Маркс изображен в виде Прометея). Фрейд пошел еще дальше, но здесь мы ограничимся многоточием... Но материализм, позитивизм и школьные уроки медитации о том, что человек всего лишь зверь, притупили нравственное чувство, дали ту иллюзорную свободу, которую можно назвать произволом, и вместе с тем наполнили душу человека страхом. Гедонизм привел к разрыву между желанием и возможностью; к страху присоединилось чувство неудовлетворенности и гнетущей тоски, поэтому бытовой материализм странным образом соединился с демоническим спиритуализмом.

Современный человек умеет анализировать явления, в том числе и свои грехи, но не умеет каяться; поэтому небо для него остается закрытым. Раньше само небо, пронизанное, как золотыми нитями, лучами солнца, казалось ему образом духовной сферы; теперь оно кажется медной стеной, в которой нет ни дверей, ни лестниц. Если ночное небо говорило ему о бесконечности Творца и блеск звезд возводил ум его к вечности, к тому, что находится за пределами видимого мира, то теперь ночное небо как будто говорит ему о мрачной пустоте космических просторов, в которых кружится земля, как бильярдный шар, пущенный

неизвестно каким ударом. Человек потерял Бога, мир стал для него чужим и полным скрытых опасностей, как темный лес для путника; он хочет бежать, но не знает куда; и вот вслед за миром, где властвуют мертвые законы, он попадает в другой мир - демонических иллюзий. Эра технологии сменяется эрой наркологии. Дарвин превратил человека в обезьяну, Сартр вызвался держать пари с Марксом, что человек не свинья, а дикий вепрь. Фрейд показалось, что этого мало: для того, чтобы окончательно опозорить человека, он сделал мужчину убийцей своего отца и насильником над своей матерью, а женщину соперницей матери и наложницей отца.

На смену материализму пришел демонизм. Когда-то Запад превратил Индокитай в свою колонию, теперь Индокитай завоевывает Запад. Окультные системы и наркотики, возвращенные на Востоке, превращают когда-то христианский мир в духовную пустыню, будто орды Чингисхана и Батыя, которые оставляли за собой выжженные поля и развалины городов. Есть предание, что Батый, пройдя через Европу, остановился у берегов Адриатического моря, слез с коня, зачерпнул шлемом воду и вылил ее на берег, сказав, что вся земля от Китая до Средиземного моря принадлежит монголам. Духовные завоеватели из Индостана и Тибета теперь отвоевывают и расширяют эти владения.

Человека лишили земли как его родины; земли, которую он привык видеть покрытой травой, колосьями пшеницы или в черных распаханных бороздах. Эта теплая земля; одетые мхом камни гор; ручьи, берущие свои истоки в ледниках, звонкие, как серебро; воды рек, отливающие тусклым блеском, похожим на цвет расплавленной в горниле руды; леса, всегда сокровенные и таинственные, где тишина оттеняется музыкой птичьих голосов; скалы, погруженные в сон, - эти вековые владения человека потеряны; теперь он как будто пинком истории выброшен из своего дома туда, где земля спрятана и замурована под асфальтом и цементом, будто покрыта водой во время потопа. Перед ним мир больших городов, наполненный грохотом и движением, и в то же время бездушный, чужой и мертвый, где громады домов в электрическом и неоновом свете похожи на далекий лунный пейзаж или сказочное зазеркалье. Человек в городе, как в пустыне, одинок среди людей, холодных, как двигающиеся, ожившие по какому-то мановению статуи из камня, среди мчащихся машин, которые кажутся монстрами из железа. Даже деревья в городских скверах и парках стоят, как памятники на кладбище умершей матери-земли. Человек чувствует тревогу и опасность; он хочет бежать назад, но не знает куда, как путник, заблудившийся в лесной тущобе или среди болота.

Материализм и позитивизм сделали свое дело. Они покрыли душу человека коррозией - ржавчиной сомнения. Конт, Маркс, Дарвин и Фрейд были не только жрецами обожествленной ими материи, - они явились медиумами и выразителями тех темных сил, которые собрались над землей, того потенциала всемирного зла, который вырабатывался и копился веками. Но позитивизм был лишь промежуточным состоянием, он лишил человека веры в Бога как способности ощутить Его и взамен дал только нуль. Но этот нуль не мог стать спасательным кругом для тонущего человечества. Ему нужно было осязаемое число, поэтому духовный вакуум заняли другие силы, величины с отрицательным знаком. Почва, подвергшаяся эрозии, становится бесплодной. Душа, лишившись духа, не могла видеть небо, она обратилась вниз, как лодка, опрокинутая бурей.

Позитивизм сменяется демонизмом. Здесь Запад и Восток пожали друг другу руки. Восток дал идеи, а Запад - средства. Одним из новшеств Запада, добывающих духовность в человеке, оказался телевизор. Он стал средством ухода из повседневной будничной монотонной жизни (гербом и эмблемой которой были "бухгалтерские счета"). Телевизор стал донором, в котором нуждается современный опустошенный человек. Он бежит к телевизору, как мучимый голодом - к столу, бежит от самого себя в ирреальный мир - в океан голубого экрана. Телевизор повышает управляемость человека: он дает ему готовые решения, модели и рецепты. Телевизор держит эмоциональную сферу человека в постоянном напряжении, поэтому в общении с людьми тот становится холодным и безразличным. Замечено, что юмористы и клоуны, у которых смех стал профессией, в обыденной жизни

обладают угрюмым и замкнутым характером. Телевизор разлучает близких людей; человек, сидящий у голубого экрана, уже покинул дом и пустился в дальнее плавание.

Но это все предисловие и прелюдия; действие первого акта начинается с появления Мефистофеля. Он предлагает современному человеку, как некогда эликсир молодости Фаусту, три снадобья: 1) восточный оккультизм; 2) магия и демонизм; 3) наркотики. Все они сделаны из плодов одного дерева. Везде сатана предлагает дать свою силу в обмен на душу.

Первое средство - йога адвайта. Человек медитирует те демонические слова, которые были обращены падшим духом к нашим праотцам: "Вы будете, как боги". Он повторяет мантры о том, что он абсолют, творец вселенной, вокруг которой вращается множество миров. Таким образом, здесь повторяется грех Адама, ввергший человечество в рабство смерти и ада, и отвергается союз с Богом, вновь воссозданный Христом.

Адвайта-йога - это один из наиболее мрачных видов богоборчества. Еще до создания видимого мира светозарный первоангел Люцифер захотел стать богом и превратился в адское чудовище. На заре истории Адам повторил грех сатаны, захотел стать богом без Бога и сделался трупом, оторвавшись от источника жизни. В конце мира антихрист, в котором воплотится все зло земли, скажет: "я - Христос".

Вивекананда, проповедник йоги адвайты, решил не только предвосхитить, но и превзойти антихриста; он пишет: "Христос - это волна на поверхности моря, а я - глубина моря". Диалектический фокус о тождестве противоположностей дает возможность Вивекананде и его ученикам посредством логической акробатики утверждать и отрицать одно и то же.

Что дает адвайта-йога современному человеку? Беспредельную гордыню, которая заглушает другие чувства; слияние с духом сатаны, как подобного с подобным. Человек, уверивший себя, что он бог, разумеется, уже не будет считать какие-либо нравственные законы обязательными для себя, тем более, что адвайта учит, что мир множественных существ иллюзорен, есть только абсолютное бытие, тождественное небытию. Впрочем, проповедникам йоги даны инструкции считаться с обычаями и традициями страны и народа; начинать, как с приманки, с учения о каком-то абстрактном добре, а затем постепенно, как тайны масонских лож, открывать душе, прошедшей период адаптации, нигилизм и сатанизм адвайты. Йоги не забывают о практицизме современного человека, поэтому они предлагают своим адептам и кандидатам в божество наряду с философскими абстракциями также дыхательные упражнения и позы "вверх тормашками" (асаны) для улучшения пищеварения, потенции и так далее. Представление себя как абсолюта дает чувство особой сатанинской эйфории, - плод воспаленной гордыни, концентрата всех страстей - и в то же время холодное безразличие к окружающим как к миражу и иллюзии. Истина проста и монолитна, а йога адвайта, как и всякая ложь, сложна и противоречива. Но лжец умеет льстить и обольщать.

Великий мастер лжи Геббельс когда-то, разоткровенничавшись, сказал: "Ложь в малом количестве вызывает сомнение, а в большом кажется правдоподобной; лги как можно больше и смелее, чтобы тебе доверяла толпа".

В качестве второго выхода из мира машин и компьютеров предлагается магия, колдовство и демонизм, то есть вполне осознанное и волевое поклонение сатане. Демонизм - это Библия, прочитанная так, что "да" изменено на "нет", а "нет" - на "да". Демонизм - это культ греха, особенно жестокости и секса. Его обряды включают в себя: осквернение святыни, пролитие крови и осмеяние человеческого естества через всевозможные извращения. Его мораль - презирать всякую мораль. Его сущность - ненависть к Богу и бессильная месть Богу через предпочтение Христу сатаны, то есть духовное самоубийство. Демонизм, окруженный, как своей почетной свитой, магией, астрологией, хиромантией, гаданием, прорицанием и колдовством, вводит человека в область сатанинских энергий, в тот хаос, который лежит за светом Логоса. Вырвать человека из поля притяжения этих сил может только чудо. У колдунов и люцифериан душа в постоянном смятении; вспышки дикой сатанинской радости, как брызги искр на стыке электрических проводов, сменяются тоской и протрацией. Лица их кажутся окутанными тьмой, как черной вуалью, а в глазах злоба, скрытая тоска и какой-то глубокий метафизический мрак. Сатанизм входит в явном или

замаскированном виде во все оккультные секты и течения, как сферы, пересекаясь, входят одна в другую; оккультисты обычно называют его "древней мудростью", "тайной Востока" и так далее. Если йога представляет собой интеллектуальный демонизм, то колдовство с его ритуалами - эмоциональный сатанизм. Сколько глаз в Америке и Европе обращено в сторону Тибета, а не к забытому ими Иерусалиму, сколько гуру пошло по следам Апостолов, чтобы вновь обратить христианские народы в язычество!

Третий способ освобождения, который предлагает сатана - это наркотики. Людям хотя и не религиозным или полурелигиозным, но не потерявшим критического рассудка и нравственного чувства, самообожание йогов может показаться или дикой формой аутотерапии, или философским идиотизмом, а колдовство и демонизм - дурным сном, заимствованием из сказок братьев Grimm. Показать таким людям было бы со стороны демона риском и ошибкой. Увидев демона, они могли бы вовсе не броситься в его объятия, а искать защиты в религии, то есть при виде врага укрыться, как в крепости, в Церкви. Не всех можно прельстить культом зла и сексуальной вседозволенности. Многие отвернутся от этого с отвращением, как от груды гниющих кишок на бойне. Поэтому демону, опытному стратегу (хотя он часто делает глуповатые промахи), целесообразнее не показывать им себя, но внушать, что его вовсе нет, а Бог давно умер, и вместо пера с кровью, которым пишут договор с демоном, вложить в их руки шприц с морфием. Человеку кажется, что он отправляется в увлекательное путешествие в далекие страны, к тихоокеанским островам или к причудливым городам Индии и Китая. И здесь начинается этот маскарад, которым правит дьявол, и тот мультфильм, режиссер которого сатана. Ребенок идет за фокусником, душа за сатаной.

Мы не будем описывать грез опиофага и поведение наркоманов. При всем разнообразии в них есть что-то общее, указывающее на объективную реальность. Это не фантазия и не сновидение; грезы наркомана непохожи ни на одно, ни на другое - это не содержание подсознания, а прорыв в мир духовных чудовищ, которые принимают видимые формы; это материализация демонических сил. У наркомана исчезает чувство тела, то есть появляется ощущение невесомости; мир для него как будто перевернулся, падение в адскую бездну воспринимается как полет. Укол наркотика - это добровольная поездка к демону. В одном из стихотворений Гумилев написал: "Так томно и так тревожно сердце мое звучит в ответ: "Видишь вокзал, на котором можно в Индию Духа купить билет?"<...> Люди и тени стоят у входа в зоологический сад планет".

Наркоман отправляется на тот же шабаш сатаны, только не физически, а видениями своей души, лежа в это время в постели. Наркотики употребляли колдуны Африки, шаманы Сибири, вертящиеся дервиши, ассасины в Ираке и в Сирии и дельфийские пифии. Наркотик - это не просто яд, это "причащение" из той бесовской чаши, о которой упоминает апостол Павел, противопоставляя ее Чаше Христовой (1 Кор. 10, 21). Характерно, что в грезах опиофага появляются китайские пагоды, буддийские храмы, минареты, стройные, как тополя, каменные изваяния древних божеств, но там нет христианского храма, или он рушится в его видении. Характерно также, что, находясь под действием наркотиков, человек может плясать перед статуей Шивы, поклоняться истуканам, но не может молиться истинному Богу.

Покаяние колдунов и ворожеев трудно и мучительно. Демон ожесточенно сопротивляется, чтобы не выпустить жертву из своих когтей. Они чувствуют не только физическую, но и душевную боль. Когда наркоман хочет отказаться от наркотиков, то дьявол предаст его терзаниям; он должен пройти через адский огонь, чтобы получить свободу. Но трудно - это не значит невозможно; только немощные человеческие силы должны укреплять благодать Божия и помощь Церкви. Здесь нужна и воля человека, и вера его, и молитвы, и непрестанное призывание имени Христа. *Spira - spera*: "дыши - надейся" [2]. Однако здесь может получиться замкнутый круг. Наркоманами чаще всего становятся люди не религиозные или поверхностно религиозные, а стать религиозным, чтобы перестать быть наркоманом - это ложное отношение к религии и ползучий прагматизм. Молитва и церковные таинства - это не антинаркотик, а включение в высшую духовную жизнь. Здесь

должен ставиться вопрос не только об излечении, а о новой жизни, о новых ее целях, содержании и средствах. Нельзя верить для того, чтобы излечиться, а можно излечиться потому, что веришь. Благодать Божия - это вечная энергия Божества, которая делает душу богоподобной, это высшая самодовлеющая ценность, а не пилюли, которые можно проглотить, и не элемент общеоздоровительного комплекса. Больше, чем его наличное состояние, наркомана должно волновать будущее его души. Религия прежде всего - воля, а подвиг воли - это умение воспринять и хранить благодать.

Технический прогресс представляет собой необратимое явление: его невозможно остановить по нашему желанию, как невозможно повернуть поток реки назад, от устья к истоку. Но человек может осмыслить свое отношение к технической цивилизации, к тем негативным следствиям, которые она влечет за собой.

Что должен делать христианин в современном мире? - Прежде всего сохранять христианскую шкалу ценностей, вершиной которой является Божество, вечная жизнь и способность человеческой души к богообщению. Христианин должен сохранять потенциал своей личной свободы; он не может уйти от процессов, происходящих в мире, но может жить так, чтобы эти процессы не захватили его душу, не дотянулись, как щупальца спрута, до той области души, которая должна принадлежать только Богу. Для этого необходимы два условия: принадлежность к Церкви - этому явлению вечности на земле, - и личный аскетизм (само слово *аскетизм* означает "отсекание ненужного").

В области духовной жизни нет новых открытий или каких-либо особых путей. Православие имеет все то, что нужно для спасения, - необходимо только сохранить эти сокровища и не променять их на стремления к комфортности и гедонизму, к тому, что щедро обещает наш век, но на самом деле дает скудно.

Евангелие - это последнее полное Откровение Бога к людям. Оно дано на все времена; в нем каждый найдет свое. Но в то же время Евангелие - закрытая для мира книга; она постепенно открывается тем, кто живет по Евангелию. Ее нельзя воспринять как одну из мировоззренческих концепций. Постоянные усилия воли со стороны человека - это тот единственный ключ, которым открывается эта книга.

Настоящее время - это не историческая неожиданность, оно сложилось из всех элементов, которые существовали всегда, но теперь они стали более концентрированными, и антихристианские процессы становятся все более динамичными. Лгут те, кто скрывает опасность современного демонизма, но еще больше лгут те, кто говорит, что теперь невозможно спастись. Раз существует мир, значит, существуют святые и угольники Божии, - существуют в этом мире, не раздавленные и не уничтоженные им.

Действительно, мир с нарастающей быстротой идет к катастрофе - об этом говорят даже неверующие. Но возникает еще другой вопрос: а действительно ли мы хотим спастись? Господь предупредил нас о нашем времени. Но Он сказал: **Мужайтесь: Я победил мир** (Ин. 16, 33).

Примечания:

[1] *Маздак* - руководитель движения маздеистов (см. с. 327) в конце V - начале VI вв.; это движение имело характер острого общественного конфликта. - *Изд.*

[2] Чаше можно встретить иную форму этой латинской пословицы: *Dum spiro, spero* "Пока живу - надеюсь". - *Изд.*

О науке, искусстве и спорте

Цивилизация, которой так гордится человечество, носит явно антихристианский характер. Лидеры и вожди ее, создатели того, что называют культурой, занимались тем, что стремились заменить религию как веру в Бога культом человека, земную жизнь представить как единственную ценность, то есть втиснуть землю в глобус, а небо в астрономическую карту. Представители современной цивилизации: философы, ученые и деятели искусства, - большей частью люди с заглушенной или пониженной духовной интуицией и в тоже время с

тонкими и изощренными душевными способностями. Мир не может отличить свойства духа от свойств души, поэтому считает этих людей авторитетами и судьями в вопросах, касающихся области духа и религии. Между тем дух обладает способностью непосредственного созерцания и интуитивного духовного проникновения, ощущения и переживания своего общения с Богом и духовным миром; внутренним логосом; чувством истины, высшей красоты и гармонии; способностью к целостному синтетическому мышлению; чувством вечного и бесконечного; нравственной оценкой - голосом совести; волей в смысле внимания и обращенности к духовному миру. Говоря фигурально, человеческий дух - это локатор, который улавливает и отражает в себе световые волны - импульсы, идущие из зона вечности, и раскрывает в своем внутреннем логосе их шифр. Человеческий дух сроден духовному миру, поэтому человек стоит на грани времени и вечности, материального и духовного, соединяя их в себе.

Ум ученых часто развит односторонне. Они наблюдают за явлениями материального мира, ставят эксперименты, делают обобщения, ищут закономерности, строят гипотезы. Их ум имеет душевный характер, он обращен к земле. Здесь развиты такие силы ума, как наблюдательность, память (которую теперь с успехом заменяют компьютером), способность к нахождению сходства, то есть к обобщению, и к установлению закономерностей, то есть условий, при которых эксперимент или природное явление повторяется; интеллектуальное воображение, когда факты переводят в область гипотез, а из гипотез строят теории. Эта душевная направленность поглощает все жизненные силы человека. Дух остается в бездействии, он заменяется силами души. Ученый к вопросам религии подходит обычно с земными мерками. Он редко способен возвыситься до религии Откровения, религии духа. Чаще всего он заменяет ее тем, что поддается внешнему наблюдению - психологией и моралью, игнорируя самое главное: что религия - это состояние духа, способность к общению с Божеством, то есть не внешняя информация, а внутренняя связь. Таким образом, у ученых наблюдается примат душевного над духовным.

Философы так же, а может, еще более далеки от религии Откровения. Если ученые имеют дело с феноменами материального мира, то есть с изучением свойств вещества, по сути дела не имеющих никакого отношения к духу, то философы заменяют физические факты рассудочными абстракциями и логизацией, которые также оформились в мире временного и конечного и неприменимы к области духовных сущностей и к бесконечным величинам.

Философия - это интеллектуальные грезы ума, поставившего себя на место Бога. Философия создала особый язык отвлеченных понятий и терминов, синтаксисом которого служат логические системы, а частями речи - дифференцированные понятия, где слово от многомерного символа максимально приближается к однотипной статике [1]. Но эти структуры философии относятся не к самому познанию как содержанию познаваемого, а к методике познания как систематизации словесного материала. Если наука развивает душевно-рассудочный менталитет, то философия абсолютизирует его. Философия даже тогда, когда пытается говорить о духовном и метафизическом мире, остается рационалистической по своей форме и поэтому противостоит Откровению как данности, усвояемой верой.

Религия (я имею в виду христианство) учит синтетически воспринимать Откровение как истину, включать ум в световое поле Откровения, а идеалистическая философия пытается заменить Откровение сетью рассудочных суждений и умозаключений, втиснуть духовный мир в "прокрустово ложе" логики и абстракции. Поэтому идеалистическая философия чаще всего принимает форму деизма и пантеизма, то есть компромисса с материализмом. Бог ученых - разумность вселенной; математик, создавший совершенную систему космических величин и чисел. Бог философов - это высший разум, потенция мировых идей и метафизический принцип физического бытия, абсолют, в котором соединяются нечто и ничто, с которым нельзя войти, как с личностью, в общение, который не слышит молитв. У Бога философов нет любви, а только гигантская шкала законов, нет свободы воли для человека, а только цепь причин и следствий. Впрочем, ученые и философы

могут быть религиозны в христианском понимании этого слова, религиозны в емкости своей личности, не заполненной наукой и философией; не с помощью своего профессионального мышления, а вопреки ему.

Христианство имеет дело с Откровением, наука - с закономерностью; философия - с идеей, искусство - с образом; религии, не имеющие откровения (*так называемые* религии) - с представлениями метафизическими по содержанию и мифологическими по форме. Искусство - это построение образа. Образ нераздельно связан с воображением, воображение - со страстью. В искусстве душевность еще в большей степени подавляет духовность, здесь происходит настоящая оккупация духа душой. Страстные эмоции заглушают духовные чувства, воображение парализует способность созерцания; восторженность и вдохновение, имитирующие духовность, лишают душу небесного покоя, который дает благодать. Наука абсолютизирует материальный мир (законы вещества и энергии), философия - человеческий ум, его способность к логике, искусство заменяет мышление языком эмоций и страстных переживаний, оно имеет дело с более глубоким пластом гнозиса. Фантастический мир философских абстракций искусство заменяет миром страстных воображений.

Искусство - это умение сопереживать. Современное искусство представляет собой сгусток страстей. Оно держит человека в состоянии нервного напряжения. Духовное чувство никогда не пресыщает, никогда не становится привычным для человека, оно всегда ново и неповторимо. Душевное страстное чувство постоянно нуждается в разнообразии, поэтому искусство - непрерывный поиск новых, еще не пережитых ощущений. Оно делает человека гурманом страстей. Гурман не удовлетворяется простой пищей: его изощренный и извращенный вкус требует того, что у нормального человека вызывает отвращение. Поэтому искусство превращается в лавку с широким ассортиментом всех отбросов, из которых готовится блюдо для обжор, пресыщенных обычной пищей. Современное искусство как будто черпает свое вдохновение из двух источников: убийств и секса.

Вначале искусство было религиозным, то есть символическим языком культуры - области духа. Первой секуляризацией культа, по-видимому, была античная трагедия, которая в своей ранней стадии по форме напоминала богослужение и имела мифологический характер. Трагедия была ложной дешифровкой культа, его материализацией и очеловечением. Очищение души как соприкосновение с духовным миром было заменено катарсисом, сопереживанием, эмоциональным душевным состоянием. Победа добродетели через обязательную гибель человека - это сюжет древних трагедий. Затем тематика меняется, символы мифологии исчезают, она заменяется романтической драмой и комедией, а также эпической поэзией. Следующая ступень секуляризации - это провозглашение самоценности и автономии душевных человеческих чувств. Вечной темой становится земная любовь с ярким спектром чувств: от тоски по потерянной любви к Богу до грубого натурализма. От пневматологии искусство идет к психологии, от психологии - к физиологии и, наконец, от физиологии - к патологии. Современное искусство в последнее время все больше напоминает культ мусорной свалки большого города. Мы говорим здесь не об отдельных феноменах искусства, а о тенденции и направлении.

Дехристианизация мира идет гигантскими шагами. Теперь религия занимает уголок в сознании человека, словно бедный родственник, который ютится на чердаке у богатого домовладельца. Средства массовой информации, особенно телевидение, дотягивают свои щупальца не только до каждого села, заброшенного в горах, или заполярного поселка, но почти до каждого жилища. Первый потоп, обрушившийся на землю, был водный; он превратил сушу в океан, а вершины гор - в рифы. Последний потоп будет огненным. В настоящее же время на нас движется потоп грязи, как селевой поток; он постепенно поглощает последние островки христианской духовности. Библия - это не только история израильского народа, но и история всего человечества, и вот Моисей удалился на вершину Синая, Аарон сделал из золота тельца, и народ под звуки музыки пляшет около нового бога - золотого слитка.

Самым древним видом мирского искусства является драма. Античная драма включала в себя все виды искусства. Но надо отметить, что это соединение было не целостным, а скорее

связью разнородных элементов. С течением времени искусство распалось на обособленные виды и жанры. Светская музыка - это трансформация страстей в ритмы и мелодии. Страстность музыки может достигать утонченных и облагороженных форм, как, например, музыка Баха, которую неправильно называют духовной. В музыке могут отражаться космические ритмы; музыка может быть прозрачной, как струи реки, или задумчивой, как грезы, воплощенные в звуки. Но музыка принадлежит области человеческих эмоций - она не может быть сверхкосмической. Область духа нельзя выразить языком музыки: это область безмолвия, но не как отсутствия и пустоты, а как полноты жизни; не как статика, а как динамика вечных энергий, которые невозможно выразить в высоте и частоте звуковых волн. Внимать голосу духа - значит уметь слушать безмолвие, где нет ни звуков, ни ритмов, ни мелодий, а всенаполняющая тишина. Музыка - наиболее непосредственный и интимный вид искусства, поэтому она глубоко захватывает душу человека; здесь - опасность: музыка властно включает душу в область страстных мечтаний.

Церковное пение как музыка человеческого голоса, трансформирующая молитвенные чувства в мелодии - условно и символично. Каноны этой музыки создали тот фильтр, который очищает ее от налета страстей. Для того, чтобы понимать ее, требуется предварительная подготовка. Она может показаться несколько сухой и однообразной для человека, ищущего в музыке наслаждения и восторга.

Покаяние и молитва могут открыть душе красоту церковных песнопений. Но для современного сластолюбивого, нетерпеливого и ленивого человека она оказалась чужой и была постепенно забыта и вытеснена из храма страстными мелодиями, мало связанными с текстом и духом молитвы.

Мирская музыка не может выразить красоту духовного мира, но она способна уловить и воплотить звуки безумия мира демонического: хаоса, тьмы и распада. Современные рок- и поп-музыка - это демонический апокалипсис, пляска смерти и предчувствие будущих катастроф.

Музыка - наиболее интимный вид искусства, поэтому она воплотила в себе коллективную истерию забывшего Бога и погибающего в своих грехах человечества.

Живопись бессильна отразить реальность духовного мира, - кроме идиомы, которая названа православной иконописью; в ней картина превращается в образ - символ, лишенный чувственной ассоциативности. Картина не может выразить духовную жизнь, но иногда бывает способна зафиксировать, запечатлеть в красках, как в бледных теневых отражениях, уголки духовного мира на земле: монастыри, храмы, лица, озаренные радостью молитвы или печалью покаяния. Но картины Нестерова и Поленова - это только островки в море страстной живописи, просветы лазури в покрытом тучами небе, таинственная песня тишины среди громких песен и гимнов плоти. Живопись бессильна передать бытие духовного мира, но современный абстракционизм смог заглянуть в бездны ада и человеческого подсознания. Он отразил процесс распада человеческой личности - превращение человека в конструкцию. Он написал иллюстрации к рок- и поп-музыке, изобразил мир в эпилептических судорогах.

О театре не стоило бы особенно говорить. Еще святитель Иоанн Златоуст называл его "школой страстей". Современный театр по сравнению с прежним стал более примитивным и вульгарным: он стал кухней пикантных блюд и острых ощущений. Он отличается от древнего театра еще тем, что там допускалась меньшая степень обнаженности. Но нас особенно беспокоит другое: театр в погоне за модой захотел имитировать церковь и показывать пьесы и балеты на библейские темы, то есть профанировать и опошлять саму религию. Странно, что некоторые христиане и представители Церкви называют это духовностью. Странное место для духовности! Впрочем, о вкусах не спорят... Для нас балаган на религиозную тематику - более отвратительный и тревожный факт, чем откровенный демонизм. Воины Пилата, издеваясь над Христом, надели на Него багряную хламиду - плащ полководца. Современные театралы идут гораздо дальше: они хотят представить Христа в роли паяца, танцующего на сцене.

Светская литература также не может изобразить жизни духа. Во всей мировой литературе не было создано ни одного образа христианина. Даже в наиболее удачной

литературной попытке отразить жизнь христианской общины, в романе "Камо грядеши", главным лицом является язычник Петроний. О духовной жизни могут писать только святые, но они не сочиняют романов, не создают художественных образов, не включаются в то творчество, где действуют силы фантазии и воображения. Всякую фантазию святые считают ложью, а всякое воображение - энергией страсти. Насколько у светских писателей рельефно, сочно и правдиво получаются преступные типы, настолько бледны и безжизненны образы христиан, которые резонерствуют на страницах книги, а потом бесследно исчезают из памяти. Писатель моделирует и создает образ на основе своих собственных чувств и переживаний, он сам живет в своих героях. Когда певец старается поднять голос на высоту, превышающую его диапазон, то вместо звука из горла вылетает скрип и визг, похожий на стон. Пример тому - стихи Пастернака на религиозную тему, где духовность подменена душевностью и стихи заканчиваются хрипом.

Свою долю в процесс обездуховления современного общества внес спорт. В чем мы видим отрицательное воздействие спорта на душу человека?

I. Душа получает импульсы, идущие от нескольких источников: от духа; от тела; от внешнего материального мира; от невидимого метафизического мира; от содержания памяти - рационального и эмоционального характера. Наша душа и связанная с ней нервная система воспринимает, перерабатывает каждое мгновение огромный объем информации. Занятия спортом и физическим совершенствованием (культуризм, боди-билдинг, шейпинг) усиливают связь и восприимчивость души к телесным импульсам; душа становится обращенной только к телу. Импульсы, идущие от духа, при этом остаются без ответа, как бы игнорируются душой. Интенсивность умственной работы при занятии спортом обычно уменьшается. От каждой клетки человеческого организма в нервные центры поступают импульсы, как в центре управления. При занятии спортом клеточные процессы активизируются, соответственно - и сила и интенсивность их сигналов; они становятся все более требовательными и настойчивыми. Вследствие этого тело начинает поглощать энергетический баланс человеческого организма в больших количествах, чем обычно, то есть нарушает душевную гармонию и в этом смысле как бы поработает душу. Реакция между духом и душой, между душой и подсознанием (содержимым памяти) притупляется. Впечатления, получаемые через сенсорные чувства, носят более поверхностный и утилитарный характер; их связь с эмоционально-умственной сферой уменьшается, то есть впечатления подвергаются другой, качественно низшей переработке.

II. Усиливая телесные начала в человеке, спорт активизирует сферу инстинктов, тем более что многие виды спорта имитируют бой, борьбу и так далее. Здесь инстинкты имеют доминирующее значение, а контроль ума над ними становится ненужной и даже тормозящей силой.

III. При некоторых психических заболеваниях появляется следующий синдром: больной начинает производить однообразные автоматические движения. Налицо нарушение связи между вегетативной и центральной нервной системой. Эти движения характеризуются определенным ритмом и постоянством. Человек делает движения с выключенным сознанием, как машина. Так и спортивный тренинг включает в себя упражнения, основанные на автоматических движениях, которые человек повторяет в течение определенного времени. Обычная работа требует целесообразных движений, в которых участвует и центральная, и вегетативная нервная система - говорим, приспособившись к современным терминам. При автоматике эта связь ослабевает, вегетативная нервная система получает автономию, с которой потом не может справиться. Движения происходят вне контроля сознания. Здесь опять нарушается гармоническая связь между силами души. Психологами замечено, что процесс механизации работы, например, конвейерная работа, в какой-то степени приближаясь к автоматике, разрушительно действует на психику человека. Конвейерная работа - особо вредный вид производства. В обычной работе ставится цель, решается задача, выбирается средство, сами телесные движения не повторяют друг друга, каждый этап работы меняет их характер. Поэтому даже тяжелый физический труд не разрушает цельности психофизического состава человека, не сужает сферы его сознания, не делает его роботом.

Тренировка же, как сказано выше, основана на комплексах внешне бесцельных движений, имеющих автоматический характер.

IV. Для спорта тело становится не орудием души, а самоцелью. Само слово *физкультура* можно толковать как поклонение телу, почитание тела. Душевный и духовный мир совершенно не нужен спорту, кроме некоторых видов восточного боя и упражнений йогов, связанных с демоническим миром и практикующих образные медитации. Спорт включает в себя соревнование, поединок, то есть самоутверждение через победу над противником. Психологами отмечено, что спорт делает друзей, соревнующихся друг с другом, противниками не только на арене, но и в обыденной жизни; спорт не объединяет, а разделяет и противопоставляет людей.

V. Что касается йоговских упражнений, то они тесно связаны с определенными медитациями антихристианского характера и в своих асанах (позах) отождествляют человека с предметами и животными, то есть нарушают его эмоциональное самосознание, а также искусственно возбуждают посредством поз и медитаций сексуальные центры, чтобы воспользоваться этой энергией, трансформировать и распределить ее. Человек в представлении йогов не личность, а эфемерная конструкция деталей.

VI. Некоторые люди вопреки очевидности утверждают, что боевые виды спорта (бокс, каратэ и другие) делают человека спокойным, уравновешенным и миролюбивым. На самом деле эти люди, получив устойчивый комплекс боя, стремятся реализовать его не только в спортзалах, но и на улице. Привычка вызывает потребность; культ боя вызывает потребность в нем, и человек подсознательно или сознательно провоцирует соответствующие обстоятельства. Статистика не дает утешительных результатов. В среде преступного мира каратисты занимают весьма солидное положение, что вовсе не говорит об их миролюбии. К тому же медитативные приготовления к восточным видам боя отождествляют движения человека с движениями зверей и животных (*удар льва, удар быка*, при которых человек должен мысленно представлять и отождествлять себя с ними); включается самогипноз для развития звериной стороны в человеке.

Поклонники спорта указывают на Платона, который однажды стал победителем в олимпийских играх, а из наших современников - на писателя Метерлинка, который занимался плаванием, автомобильной гонкой и восхищался боксом. Но, во-первых, античные атлеты не были культуристами или спортсменами, специализирующимися в одной области; их принципом была красота тела, а не наращивание мышечных масс. Характерно, что покровителем олимпийских игр считался Аполлон - божество красоты и искусства. Для древних атлетов характерно стремление избегать односторонности в развитии тела, как и автоматизации движений. Их подготовка включала в себя различные виды упражнений: бег, вождение колесницы, метание диска, борьба и так далее. Победа требовала от атлета единства силы и красоты, эстетики в самой борьбе, изобретательности, находчивости в ответах. Характерно, что древние атлеты назывались *аскетами*, а борцов увенчивали тем же, чем и поэтов - лавровыми венками. Их упражнения были близки к жизненному труду человека (например, охота, восхождение на горы и так далее). В подготовку включалась обязательная диета, в том числе воздержание от спиртных напитков. Человек, нарушивший определенные нравственные нормы, не допускался к соревнованиям.

Современные штангисты вызвали бы у античных эллинов не восхищение, а смех: зачем человек превратил себя в тушу из мышц и жил, когда даже ослик может понести на себе груз того же веса, что и штанга, не будучи увенчанным за это. Можно напомнить об одном очевидном факте: современный спорт дал целую кучу проломленных черепов и носов, но не создал ни одного Платона. Что же касается Метерлинка, то это был скорее не спортсмен, а именно поклонник бокса, поклонник всего зверского в человеке. Он, как и большинство декадентов, был певцом темных инстинктов человеческого подсознания, поэтому он воспевал бокс, как Эредия в своих сонетах - клыки и когти ("борьба звериных тел, сращенных на лету"). Симптоматично, что Метерлинк принадлежал, вместе с некоторыми французскими поэтами-символистами и композиторами, к одной из демонических сект.

Примечания:

[1] Сказанное здесь о философии применимо и к понятийной системе других наук и вполне соответствует общим научным принципам. Здесь четко проявляется различие между научным и религиозным познанием. - *Изд.*

Убийство беззащитных

I

Повсюду мы слышим слово *мир*, но это ложь, это гнусное лицемерие. Это один из звериных обликов современного цивилизованного мира. Вокруг нас идет война, непрекращающаяся и жестокая, где нет перемирия или окончания, где нет победителей и побежденных, а только палачи и их жертвы. Эта война охватила весь мир, но с особой силой - те страны, которые гордятся своей цивилизацией, культурой и прогрессом. Эта война - бесчеловечная, методическая бойня, геноцид, не имеющий прецедента или сравнения в истории всего человечества; это война родителей против своих же детей. Это война, где льются потоки крови, где убийство сопряжено с пытками. Эта бойня, уносящая ежегодно многие десятки миллионов жертв, с лицемерием, присущим современному человеку, почему-то не называется своими именами - убиением невинных и беззащитных, садизмом палачей в концлагерях, узаконенным правом на убийства и преступления, - а скрыта и замаскирована туманным и бессовестно лицемерным термином - *аборт*, то есть выбрасывание вон, как будто дело идет о ненужном хламе, который выбрасывают из дома в мусорную кучу, а не о живом существе, не о ребенке.

В нашей стране в год совершается 7-9 миллионов аборт [1], и это только зарегистрированных в медицинских учреждениях. Число тайных аборт вообще не подлежит учету. Наибольшее количество жертв унесла II мировая война, но за то же время детей, убитых своими родителями, было гораздо больше, чем солдат, погибших на фронте. Эта темная сторона в жизни современного человечества как нельзя лучше доказывает, что цивилизация превратилась в эскалацию жестокости. Мы слышим призывы к миру, но вокруг нас не только продолжается, но и увеличивается кровавое побоище, которое по числу своих жертв превзошло нашествие гуннов и монголов, злодеяния Тамерлана и Шах-Аббаса [2]; в жестокости - тиранов и палачей в концлагерях и застенках. Жертв от этой невидимой войны больше, чем от всех войн вместе взятых, от всех убийств и казней. Этим преступлением перечеркивается всякое, не только Божественное, но и человеческое право.

Уже с момента зачатия образуется живой организм, который несет в себе генетический код и весь потенциал человеческой личности. Экспериментально доказаны сложные и целесообразные реакции плода на окружающую среду. Это существо, испытывающее чувство боли, обладающее желанием жизни, и, что самое главное для христианина - существо, наделенное бессмертной человеческой душой, несовершенство которой заключается в еще неоформившемся теле, ее инструменте. Но если считать оправданным убийство человека из-за его несовершенной телесной организации, тогда с большим правом можно убивать людей престарелых, больных и так далее.

Итак, узаконение аборт ниспровергает все нравственные и юридические кодексы, основами которых является защита человеческой личности. Наше первое требование - плод как человеческая личность нуждается в защите, плод как человеческая личность не подлежит уничтожению. В принципе разницы между убийством плода и другими видами убийств не существует. Доступность или ненаказуемость аборт наделает родителей не принадлежащим ни одному человеку правом тирана, который может по своему усмотрению и произволу оставлять в живых или умерщвлять своих подданных. Ненаказуемость аборт, отсутствие нравственной юридической защиты плода и его гарантии на жизнь делают лицемерными и бессмысленными все декларации по защите достоинства и свободы человека.

Родители становятся не только тиранами, но и палачами своих детей.

Убийство беззащитного - самый подлый и мерзкий вид убийств, поэтому люди, решившиеся на убийство беззащитного младенца, могут при определенных обстоятельствах и ситуациях совершить любое другое преступление.

Афоризм древних судей гласил: "Лучше оправдать 10 виновных, чем наказать одного невинного", а здесь невинный наказывается смертью, притом смертью, предавать людей которой мог бы только изощренный садист, такой, как Нерон или Калигула, - он живым разрывается на части.

Раньше палачу не протягивали руки, не садились с ним за один стол, а современным палачам - родителям, убивающим детей, и врачам - профессиональным убийцам, общественное мнение не высказывает порицания. Значит, все общество участвует в убийствах. На совести у таких знаменитых бандитов, как Джек-Потрошитель, десятки человек жертв, - у гангстеров в белых халатах - сотни и тысячи. Если бы их бросили в яму, наполненную кровью убитых ими детей, то они бы захлебнулись в ней. Долг врача - оказывать помощь даже врагу. Теперь он становится наемным убийцей. Поэтому мы призываем: объявить врачей, которые делают аборт, преступниками против человечества и врагами своего народа. Убийство младенцев является преступлением против Божественного и человеческого права, против идеи семьи и супружества, против самой человеческой природы, против своего народа и всего человечества.

Убийство детей - это сгусток эгоизма, жестокости, трусости и лицемерия.

Семья по христианскому учению есть малая домашняя церковь; аборт превращает ее в шайку разбойников. Семья - это взаимопомощь и общность прав во временной и вечной жизни; здесь люди толкают друг друга на преступление, к нравственной гибели; вместо дружбы и взаимопомощи поступают друг с другом хуже всяких врагов. Семья - это взаимная любовь. Можно ли любить убийцу своего ребенка, если даже оба родителя повинны в этом? Преступление и человеческая кровь никогда не соединяют, а только разделяют, поэтому число разводов прямо пропорционально количеству аборт. Убийство младенца профанирует сложные многогранные взаимоотношения супругов, сводя их к одному сексу, который не может дать ни счастья, ни душевного тепла, к культу наслаждения, в котором есть нечто жестокое и безобразное.

Доказано, что дети наследуют не только физические свойства, но и определенные душевные качества своих родителей. Эмоциональная жизнь родителей отражается в генетических кодах и переходит в виде предрасположений к их детям. Родители, решившиеся на убийство своего ребенка, уже внесли в свой генетический фонд предрасположение к убийству, которое отяготит психику будущих детей (которые, в отличие от своих старших братьев и сестер, не будут умерщвлены), а иногда душевное свойство передается не прямо, а через поколение. Поэтому родители, решившиеся на убийство своего ребенка, совершили преступление не только перед ним, но и перед детьми, которых они все же произвели в будущем на свет. Родители, передавшие своим детям потенциал жестокости и подсознательного стремления к убийству, часто сами становятся жертвами жестокости своих детей и удивляются: откуда такая, по их мнению, несправедливость?

Для христианина убийство младенцев открывается не только как нравственное падение и деградация человека, но как страшная духовная бездна. В Библии сказано: "Не убей". Эта заповедь - неперемное условие союза человека с Богом. При нарушении заповеди союз расторгается самим человеком: он остается без Бога.

Убийство младенца - это не только убийство его тела, но и убийство его души. Душа переходит в вечность, но не просвещенная таинством крещения, под печатью прародительских грехов. Она рождается в вечность как бы слепая. В Карфагене стоял идол по имени Молох. Он был сделан из меди и серебра. Внутри его разжигали огонь; металл раскалялся, - тогда на протянутые руки идола клали детей, которых добровольно приносили родители. Убийство ребенка считалось высшей жертвой демону. Чтобы заглушить стоны и крики детей, жрецы играли на музыкальных инструментах, пели и плясали. Молох считался божеством богатства. И теперь этому демону богатства и наслаждения, гедонизма,

приносятся в жертву дети. Некоторые оправдываются и говорят: "Мы делали аборты из-за нужды". Но парадокс: у бедных более многочисленные семьи.

Истребление ханаанских племен псалмопевец Давид объясняет карой Божьей за человеческие жертвоприношения. В колдовских и магических ритуалах средневековья кульминационным пунктом являлось убийство младенца, поэтому с мистической точки зрения аборт можно рассматривать как неосознанное людьми демонопоклонение, как всемирную гекатомбу (массовые убийства в честь богини Гекаты, богини колдовства и смерти, которую изображают обвитой змеями). Это неосознанное призывание демона - и демон неразлучно находится с такими людьми.

Ни одно животное, ни одно пресмыкающееся, ни змея, ни скорпион не уничтожают сознательно своих детей, а человек эпохи цивилизации, просвещения и гуманизма превзошел их в жестокости. Разумные существа, живущие на земле, стали безжалостнее змей и скорпионов. Пока убийство детей не будет объявлено самым большим злодеянием и поставлено вне закона, все призывы к миру и справедливости будут только маской на лице каннибала.

В агиографической литературе представлен пример самого глубокого нравственного падения, случившегося с отшельником по имени Иаков: он совершил в состоянии опьянения прелюбодеяние и убийство, а затем скрыл труп своей жертвы, лишив его христианского погребения. Но здесь же описан и необычайный подвиг покаяния, который Иаков - падший подвижник, отвергнутый Богом прелюбодеей и убийца, возложил на себя. В течение 10 лет он молился в подземелье, в каморке, вырытой под полом дома, где жил священник - его духовный отец. Он не видел солнечного света, питался только хлебом и водой, и эта каморка была настолько тесна и низка, что он не мог стать во весь рост, не мог лечь на пол, а сидел скорчась. Через 10 лет последовало знамение, что он прощен. А супруги, обрекающие на убийство своего младенца, повторяют грех Иакова, вовсе не думая о каком-либо покаянии.

Запланированное убийство ребенка, то, что в нашем лицемерном обществе называют гнусным по своей лжи наукообразным термином *планирование* или *регулирование семьи*, содержит в себе прелюбодеяние, так как голый секс - это разрушение и семьи, и личности. Это убийство, притом зверское и циничное, и лишение человеческого существа не только простого предания земле, но и даже самой возможности стать христианином и наследовать блаженную жизнь в вечности. Имя первой женщины - Ева - означает "жизнь". Имя женщин-детоубийц - "смерть". Эти матери становятся демонами своего собственного тела: созданную Богом лабораторию, в которой зарождается и развивается человеческая жизнь, они превратили в плаху, на которой палач четвертует их ребенка, их сына или дочь, чей труп затем находит место в какой-нибудь канализационной трубе; и эти-то женщины будут вне себя, если кто-либо усомнится в их порядочности.

Иаков совершил свой грех в состоянии опьянения. В состоянии душевного опьянения гневом или ревностью убийца, не владея собой, может, как в припадке безумия, лишиться жизни свою жертву. Здесь происходит нечто худшее и более страшное. Родители спокойно, чуть ли не со счетами в руках, рассуждают, жить или не жить их ребенку. Далеко ли они ушли от тех нацистов, которые рассуждали, сколько килограммов мыла можно сварить из трупа или сколько мешков волос можно настричь у расстрелянных и задушенных в газовых камерах жертв?

Убийство с холодным расчетом, убийство ради выгоды - самый гнусный вид убийства и самое страшное падение человека. Великое бедствие - война; в ней как бы воплощается та сатанинская энергия греха, которую накапливает человечество. На войне совершают жестокости, на поле боя убивают врага, но и погибают сами. А здесь убийца убивает беззащитного, он застрахован от такого же ответа. На поле боя воин решает свой спор с врагом, а родители, умерщвляющие своих детей, поступают намного хуже бандита и разбойника. По крайней мере и бандит, и разбойник тоже идут на риск, хотя бы перед законом, а здесь закон молчит, здесь убийца заранее оправдан нашими законами, законами страны, которая декларирует право на жизнь, но не защищает это право, оправдан своей

развращенной совестью и мнением современного либерального общества, которое, не протестуя против этого преступления, по сути дела солидарно с убийцами.

Многие говорят о своем патриотизме, о своей любви к Родине, но Родина - это прежде всего сами люди. Родина - не только прошлое, это настоящее и будущее.

Те родители, которые убивают младенцев, убивают будущее своей Родины. Они ведут геноцид против собственного народа.

II

Распад, разложение семьи и все увеличивающееся число абортотворений - это процессы взаимосвязанные. В последнее время открылось много храмов, возобновляются старые, строятся новые, число прихожан в церквях увеличивается. Но в то же время кривая статистики абортотворений не падает. Чем объяснить такой парадокс? Ведь обычно числом действующих церквей и количеством посещающих богослужения людей внешне определяется духовность народа. Это, можно сказать, некие материальные ориентиры. Что происходит? Темный мир зла не отступил в борьбе с христианством, а если и отступил, то для того, чтобы занять другие стратегические позиции. Церковь - это та духовная среда, где человеческая душа входит в общение с Богом. Без этого храмы, сколько бы их ни было, останутся надгробьями на кладбище бездуховности. Открываются храмы, но параллельно этому, и куда более интенсивно, открываются узаконенные или слегка замаскированные "дома терпимости", ночные клубы, видеотеки и так далее. Издается религиозная литература, но наряду с этим и в куда больших масштабах издается самая неприкрытая развратная, порнографическая литература, кинофильмы, видеофильмы и прочий духовный яд, который глубже, чем наркомания, отравляет современное общество, превращает детей в стариков, которые испытали все виды разврата, а стариков заставляет, забыв свой возраст, говорить всевозможные непотребства.

Люди живут в атмосфере цинизма и разврата, разврата наглого, объявившего целомудрие и стыд темными пережитками прошлого, неким атавизмом. Разврат смотрит на нас с витрин магазинов, с реклам, со страниц журналов. Люди, пропитанные гноем секса и разврата, стоят в храме, как мертвецы. Нужны многие годы покаяния и борьбы, чтобы избавиться от микроба разврата и сделаться способным к богообщению. Поэтому храм в этом море грязи, извращенной чувственности, цинизма и утонченно дикого разврата только для немногих остается больницей, а для большинства - моргом, где нераскаянные, не борющиеся с пороком в себе люди похожи на гниющие трупы. Сатана знал, что он делал, растлевая внутренний храм человеческой души и лишая человека покаяния; он уже не боится тех храмов, перед которыми трепетал еще вчера. Мы похожи на людей, для которых строят больницу - и в то же время рядом десятков атомных реакторов, излучающих свои смертоносные лучи. Получай дозу радиации, а затем иди и лечись. Развращенная душа без долгого искреннего покаяния не может получить благодать Духа Святаго; но, растленная грехом, становится почти неспособной к самоутверждению и тяжкому труду, к постоянной борьбе со страстями; получается замкнутый круг.

Всякий грех проходит несколько фаз в своем развитии. Перед тем, как убить своего ребенка, женщина внутренне совершает ряд грехов, связанных друг с другом, как звенья цепи. Чтобы убить ребенка, она должна прежде убить в себе любовь к этому ребенку. Это уже внутреннее отречение от Христа, Который есть Любовь и Который сказал: "Не препятствуйте детям приходить ко Мне" (Мф. 19, 14; Мк. 10, 14).

Во-вторых, она должна уничтожить в себе присущий женщине инстинкт материнства, то есть в этом отношении стать хуже животных, у которых инстинкт материнства настолько силен, что они жертвуют собой ради детенышей. Затем она должна внутренне отчуждать себя от своего ребенка, смотреть на него не как на часть себя, а как на инородное тело в своем организме, вроде опухоли или кисты, которая подлежит удалению. Она должна отрицать ценность вечной жизни и отрицать у ребенка право на вечную жизнь, оставляя его не приобщенным к Церкви. Она отрицает право Бога на этого ребенка, считает, что может

распорядиться им, как вещью. Она отрицает промысел Божий об этом ребенке, думая, что не сможет воспитать его. Она отрицает Ветхий и Новый завет, которые говорят *не убий*.

Противопоставляя жизнь ребенка собственному благополучию, она отказывается от своего креста. Более того, убивая ребенка, она попирает и топчет свой крест. Убивая ребенка, она заглушает свою собственную совесть, она становится в нравственном смысле самоубийцей; убивая ребенка, она почитает высшей ценностью саму себя, то есть этот акт является проявлением в концентрированном и рафинированном виде эгоизма и эгоцентризма.

Убивая ребенка, она становится единым духом с демоном, с сатаной, о котором Спаситель сказал: ***Он был человекоубийца от начала*** (Ин. 8, 44).

Перед физическим убийством ребенка она убивает его в своем сердце и в своих мыслях, и ребенок, будучи органически связанным со своей матерью, инстинктивно чувствует это. Он испытывает тревогу. Еще до физической пытки и смерти он уже ощущает их ужас.

Родители, убивающие своих детей, враги всего человечества. Они враги настоящего, сегодняшнего дня человечества, так как уничтожают существа, принадлежащие всей человеческой семье; они враги будущего человечества, так как нравственные преступления родителей трансформируются в нервные болезни и уродства их потомства. Они враги человечества, так как своим преступлением увеличивают и сгущают поле демонических, черных, разрушительных энергий, уже нависших, подобно грозovým тучам, над землей. Эта кровь невинных, вопиющая к небу, эта гекатомба младенцев, соединяясь с другими грехами человечества, разразится страшными потрясениями и катаклизмами, ядерной войной, всемирным голодом, неизлечимыми мучительными болезнями и так далее.

В Притчах Соломона сказано: ***Чего страшится нечестивый, то и постигнет его*** (Притч. 10, 24). Тот, кто кровью невинных детей думает купить иллюзорное счастье, право на наслаждение (от которого он не откажется ни за что), тот приближает мировую трагедию, когда земля, напоенная кровью жертв, будет корчиться, как от страшных пыток, в пламени пожаров, в судорогах голода и в агонии войн. Недавно отмечалась траурная дата - 9 апреля [3]. Из событий этой ночи самым тяжелым была гибель молодой женщины, которая готовилась стать матерью; одна смерть унесла две жизни. Это событие - смерть матери и беззащитного ребенка - совесть людей переживала как кульминацию трагедии. И в то же время холодная и страшная статистика, которую если не засекречивают, то просто игнорируют и вытесняют из сознания нашего общества, говорит о том, что за год в Грузии было убито родителями более 40 тысяч младенцев, а по пространству СНГ - 7 миллионов. Притом эта статистика абортов официально зарегистрирована в медицинских учреждениях, а не зарегистрированные убийства вообще не подлежат учету. Гибель матери с нерожденным младенцем - самая болевая точка в ночи 9 апреля, заставившая содрогнуться тех, кто услышал об этом. Но кто услышит безгласный вопль крови миллионов младенцев, убитых по желанию их родителей? Это целая река крови. Кто почувствует их боль? Кто увидит и громко скажет о черной подлости душ отцов и матерей, которые осудили их на казнь?

III

У людей различные характеры, различные вкусы, различные потребности: то, что один считает главной целью жизни, может быть безразличным и несущественным для другого. Но есть нечто, лежащее за пределами материального, то, в чем нуждается каждый человек, хотя бы он и не признавался в этом открыто, хотя бы это было тайной его сердца. То, в чем нуждается каждый человек - это любовь. Это то загадочное чувство, в тепле которого хочет согреться душа каждого человека, даже преступника. Высшая форма этой любви - это любовь человеческой души к Божеству. Эта любовь в самом совершенном и в самом непосредственном, в самом законченном виде, проявляется в монашестве, где становится целью всей человеческой жизни. Эта любовь не знает ни разочарований, ни измен. Она требует многого, но дает гораздо больше.

Потеря любви к Богу сделала человечество несчастным и все достижения цивилизации - надгробьями на кладбище душ. Теперь мало счастливых людей. Постоянная внутренняя

неудовлетворенность, чувство оставленности, отчужденности постепенно трансформируется в злобу, жажду разрушения и уничтожения. Внешне это проявляется в самых различных формах: в наркомании, алкоголизме, семейном садизме, национализме, в тирании в своем кругу, в бессмысленных актах жестокости, в язвительных насмешках, как будто человек мстит за себя всем и самому себе. Кроме того, душевная опустошенность человека и эмоциональная холодность окружающей среды вызывает чувство постоянного опасения, постоянного ожидания нравственных ударов со стороны самых близких людей. Чувство своей незащищенности и бессилия порождает целые комплексы психических болезней, человек как будто хочет убежать от действительности в свой недуг. Духовная опустошенность личности и всего современного общества делают из человека или примитивное существо без нравственных устоев, в сущности, очень несчастное, или насильника, или человека, живущего в этом мире, как в лесу, наполненном зверями, в вечном страхе перед ожидающим его несчастьем. Наше общество глубоко больно и глубоко несчастно.

Высшая любовь, любовь к Богу, почти потеряна. Любовь к Богу завоеывается в борьбе с грехом и страстями. Кроме монашества, которое, по своей идее, является концентрированной любовью к Богу, есть и другая форма любви, любви отраженной. Это христианская семья. Семья, построенная на принципах Евангелия, на уважении и любви друг к другу, объединенная одной верой, является живым оазисом в мертвой пустыне, в нашей бездушной пантехнологической цивилизации. Если храм - это огромный огненный столп, то христианская семья - это малая свеча, зажженная от этого огня.

Семья названа апостолом Павлом домашней церковью. В семье воспитываются чувства долга и смирения, осуществляется служение друг другу. Христианская семья должна быть объединена верой, молитвой и милосердием. Она - первая школа для детей христиан. Демон старается разрушить Церковь извне и изнутри, а также пытается разрушить извне и изнутри и семью; или - уничтожить ее как форму человеческого общения или, оставив ее как внешнюю оболочку, уничтожить дух самой семьи - христианскую любовь и ту душевную теплоту, без которой жизнь превращается в трагедию или бессмысленность. Одной из самых страшных форм уничтожения семьи как благословенного Богом союза для помощи друг другу и для продолжения человеческого рода является уничтожение детей самими родителями, то есть попрание воли Божией, извращение идеи и смысла семьи. Семья из домашней церкви превращается в сожительство разбойников.

Христос сказал, что любовь на земле исчезает, иссыкает из-за беззаконий (см. Мф. 24, 12). Двое убийц не могут любить друг друга; двое убийц не могут уважать друг в друге человеческую личность, поэтому их взаимоотношения вырождаются, превращаются или в семейный эгоизм, где каждый видит в другом только инструмент, нужный для него, а не человека (и при ненадобности спокойно отбрасывает в сторону этот уже ненужный инструмент), или же - в голый секс и распущенность, которые не могут дать человеку ни счастья, ни тепла, ни любви.

Убийство детей уничтожает любовь между супругами, и семья распадается, как бы разламывается на две части. Эгоизм и преступление - это внутренняя борьба за власть, борьба за свои привилегии внутри самой семьи. Убийство ребенка обычно продолжается в нравственном убийстве друг друга. Убийство ребенка привлекает темных духов ада, духов зла и преступлений. В таких семьях возникают какие-то духовные поля черных демонических убийственных энергий, которые гнетут человеческую душу, как будто гонят ее из этого места. Дом перестает быть родным для членов семьи. Часто они испытывают необъяснимую злобу друг против друга и ищут несуществующего счастья на стороне.

В Библии находятся разительные слова, обращенные к убийце - к Каину: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли* (Быт. 4, 10). Кровь невинных детей, как кровь Авеля, вопиет к небу. Не только в будущей, но и в земной жизни убийцы получают возмездие. Загрязненная совесть лишает человека самого главного - духовного мира и духовной радости. Только через покаяние душа может вновь обрести их.

Древние предания, отраженные в мировой литературе, говорят об угрызениях совести, о внутренних муках, которые испытывает убийца. Может быть, теперь преступление так глубоко эмоционально и не переживается, но человеческая кровь так же мстит за себя; убийцы и в наши дни так же убивают свою собственную душу, так же живут в духовном холоде и пустоте. Статистика абортот находится в теснейшей связи не только со статистикой распадов семей, но и со статистикой психических заболеваний.

IV

На рубеже XIV-XV веков Грузия пережила трагедию, возможно, самую ужасную за всю ее многовековую историю. Эмир Тамерлан семь раз, подобно огненному вихрю, проходил по землям Кахетии и Карталинии, оставляя за собой руины и пожарища вместо цветущих городов и сел, пустыни вместо полей и садов. В Грузии существует предание, что Тамерлан родился с острыми, как у волка, зубами, седыми волосами, что в младенчестве у него появился свирепый нрав, что он до крови кусал грудь своей матери, поэтому кормили его кобыльим молоком. В юные годы он отличался на войне не только своей хитростью и военным искусством, но также беспощадностью и жестокостью к тем, кого считал своими врагами. Грузинскому царю он предложил выбор: или принятие мусульманства, или уничтожение всего грузинского народа. Царь Симон, чтобы выиграть время и подготовиться к войне, согласился, и в сопровождении 6-тысячного монгольского отряда вернулся на родину, якобы для того, чтобы обратить народ в ислам. Этот отряд монголов попал в засаду и был уничтожен грузинами. Тамерлан решил отомстить. Взяв Тбилиси, он приказал собрать всех детей и младенцев за городской стеной, в местечке, называемом Калаубани, где молотили пшеницу, связать их вместе, как снопы, друг с другом и раздавить бревнами и камнями. Из-под этого огромного эшафота лились целые реки крови. Рядом стоял шатер, где в это время пировал Тамерлан со своими вельможами.

Семь раз вторгнулся Тамерлан в Грузию. Страна обезлюдела. В равнинной части Восточной Грузии погибло более половины населения. Но самое страшное и самое гнусное злодеяние Тамерлана - убийство невинных младенцев. На месте этого преступления была построена калаубанская церковь; теперь она разрушена до основания и погребена под зданием кинотеатра Руставели.

Дело Тамерлана продолжается, кровь младенцев льется на землю, гора их трупов беспрерывно растет. Тамерлан ненавидел Грузию прежде всего за христианскую веру. А за что мстят своей родине женщины, убивающие своих детей, то есть будущее страны? Когда убийство детей допускается законом и молчаливо поддерживается общественным мнением, то все декларации о справедливости, братстве и любви становятся абсурдом. Закон узаконил вопиющее беззаконие - право отнимать жизнь. В прессе замелькали циничные объявления-рекомендации, как лучше расправиться со своим ребенком, например, сообщение о том, что французский фармацевтический концерн изобрел эффективное средство, которое безотказно и безопасно для матери убивает плод. С жестокостью этой статьи может соперничать только ее лицемерие. Убийство названо операцией, как будто дело идет об удалении гнойного аппендицита или раковой опухоли, а не об убийстве собственного ребенка; в другом месте оно хитроумно завуалировано фарисейски-туманной фразой: временный отказ от материнства. Там же помещен рисунок-реклама: в открытом зубастом рту таблетка, которая несет неминуемую смерть ребенку.

В зубастом рту матери, современной людоедки, ее собственный ребенок. И дальше - верх ханжества, слова: "Спасительная таблетка". Спасительная! Неужели на вас исполняются слова Апокалипсиса: *псы и убийцы* (Откр. 22, 15)?

Примечания:

[1] В 1986 г. в СССР по официальным данным производилось 7 116 тыс. зарегистрированных абортот, в 1989 - 7 265 тыс. Число абортот на тысячу женщин в возрасте от 15 до 44 лет в СССР достигало 120 в год. В настоящее время эта статистика сохраняется.

По числу аборт на тысячу женщин репродуктивного возраста Россия находится на 2-м месте в мире (после Румынии). - *Изд.*

[2] *Шах Аббас I* (ум. в 1629, на троне с 1587 г.) - персидский шах, в начале XVII в. предпринимавший завоевательные походы на Грузию, отличавшиеся такой кровавой жестокостью, что его имя для грузин до сих пор звучит как символ национальной катастрофы. Распространено мнение, что при нем население Грузии уменьшилось наполовину. - *Изд.*

[3] 9 апреля 1989 г. в Тбилиси, при разгоне митинга с применением военной силы, было убито около 20 женщин. - *Изд.*